

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

19–20

Славянские диалекты
в современной языковой ситуации

Диалектный словарь как способ
исследования славянских диалектов

Москва 2018

Редколлегия выпуска: к. ф. н. Д. Ю. Ващенко (Анисимова), д. ф. н. А. Ф. Журавлев,
д. ф. н. Л. Э. Калнынь, А. К. Поливанова, к. ф. н. М. Н. Саенко,
М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска: д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска: д. ф. н. Т. И. Вендина, к. ф. н. Ж. А. Панина

Очередной выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи на основе докладов, заслушанных на двух Круглых столах в Институте славяноведения РАН — «Славянские диалекты в современной языковой ситуации» (1 декабря 2015 г.) и «Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов» (22–23 ноября 2016 г.).

Сборник представляет интерес для широкого круга специалистов по славянской диалектологии, диалектной лексикографии, а также социолингвистики.

The following issue of Slavic dialectology studies is compiled of articles based on the reports which were presented at two round tables in the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences – Slavic dialects in the current language situation (1 December, 2015) and Dialectal dictionary as a method in Slavic dialects research (22–23 November, 2016).

ISBN 978-5-7576-0412-1
DOI: 10.31168/0412-1

© Институт славяноведения РАН, 2018

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
Часть I. Славянские диалекты в современной языковой ситуации	
<i>Л. Э. Калнынь (Москва)</i> . Русские диалекты как компоненты современной языковой ситуации	8
<i>Н. Е. Ананьева (Москва)</i> . Общее и различное в методологии описания польских островных диалектов Сибири и польских «кресовых» говоров	14
<i>С. А. Мызников (С.-Петербург)</i> . О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков	24
<i>С. В. Дьяченко, А. В. Тер-Аванесова (Москва)</i> . Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с semifонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы	36
<i>Е. С. Лунькова, А. Е. Самарина (Смоленск)</i> . Использование геоинформационных сервисов в диалектологии: лингвогеографическая характеристика производных от субстантивов в смоленских говорах	68
<i>В. П. Русак, Ю. С. Гецевич (Минск)</i> . Программная обработка фонетических особенностей белорусских говоров центрального региона	87
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва)</i> . Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне	95
<i>А. В. Мальшева (Москва)</i> . Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре	108
<i>Ж. Ж. Варбот (Москва)</i> . Вариантность диалектной лексики и этимология	130

<i>Д. Ю. Ващенко (Москва)</i> . Словацкая диалектная интернет-лексикография в структуре локальных информационных порталов: особенности функционирования	135
---	-----

Часть II. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов

<i>В. П. Русак, В. А. Мандик (Минск)</i> . Современные диалектные словари как результат лексико-тематического исследования белорусских говоров	143
<i>Н. Е. Ананьева (Москва)</i> . О проекте тематического словаря польских периферийных говоров	152
<i>Н. Г. Ильинская (Петропавловск-Камчатский), Е. Е. Королева (Даугавпилс)</i> . Словарь камчатских говоров (опыт составления)	159
<i>А. Ф. Журавлев (Москва)</i> . Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра)	171
<i>О. Г. Ровнова (Москва)</i> . О проекте «Словаря говоров старообрядцев Южной Америки»	188
<i>С. А. Мызников (Санкт-Петербург)</i> . Лексика фольклора в «Словаре русских народных говоров»: теоретическая база и лексикографическая практика	202
<i>А. К. Шапошников (Москва)</i> . Статус слова в диалекте и критерии его определения: достоверность русской диалектной лексики в иноязычных ареалах	212
<i>М. Н. Саенко (Москва)</i> . Неточности в описании семантики, вызванные восприятием диалектной лексики сквозь призму литературного языка: несколько примеров из восточнославянских диалектных словарей	218
<i>Л. Э. Калнынь (Москва)</i> . Фонетика в диалектном словаре	223
<i>Д. Ю. Ващенко (Москва)</i> . Унгаризмы в метафольклорных нарративах венгерских градищанцев и градищанскохорватская двуязычная лексикография	228
<i>Т. С. Шалаева (Москва)</i> . К этимологии названия насмешки в русских говорах (<i>скры́лить, сколды́рить</i>)	236

Предисловие

Очередной выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, основанные на докладах, заслушанных на проведенных в Институте славяноведения РАН двух Круглых столах. Статьи опубликованы отдельными группами: первая часть выпуска содержит статьи по докладам Круглого стола 2015 г. «Славянские диалекты в современной языковой ситуации», вторая часть — статьи по докладам Круглого стола 2016 г. «Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов».

Существование диалектов и их особенности *в современной языковой ситуации* характеризуются в разных аспектах.

В статье *Л. Э. Калнынь* показано, что в русскоязычном обществе меняется отношение к диалектным формам языка. Отрицательная оценка таких форм языка сменяется сознанием их необходимости в определенных сферах коммуникации. Для современной ситуации характерно повышение терпимости и интереса к диалектным формам языка, которые включаются и в литературные тексты. Сходная проблема в социально-языковой ситуации в среднебелорусских говорах отражена в статье *В. П. Русак* и *Ю. С. Гецевич*. В новый нормативный словарь белорусского языка включена диалектная лексика, которая благодаря этому становится компонентом литературного языка.

В сборник включены статьи, в которых описаны особым образом маркированные в современной ситуации диалектные образования. В статье *Н. Е. Ананьевой* это переселенческие польские говоры Сибири, различающиеся территорией происхождения. В статье *И. А. Букринской* и *О. Е. Кармаковой* диалектный текст, как особая форма коммуникации, представлен в виде мифологического рассказа в жанре диалектного монолога.

Как компонент диалектного идиома интернета показаны лексические особенности словацкого диалекта в статье *Д. Ю. Ващенко*.

Внимание авторов привлекают и отдельные особенности современных диалектов.

В статье *С. В. Дьяченко* и *А. В. Тер-Аванесовой* исследуется фонетика заимствований в южнорусском говоре, имеющем архаичный «семифонемный» ударный вокализм. Заимствования из церковнославянского языка, из русского литературного языка и городского просторечия, из идиш различны по времени вхождения в говор и обнаруживают разные принципы выбора ударных фонем /e/ и /ê/ в соответствии с e (ъ) в языке-источнике.

В статье *Е. С. Луньковой* и *А. Е. Самариной* дается лингвогеографическое описание элементов диалектного отсубстантивного словообразования в смоленских говорах. Показано применение разных программ для получения предложенных выводов.

Статья *А. В. Малышевой* посвящена маркированию семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре. Своеобразие управления глаголов речи связано со способом валентности адресата и темы.

Рассматривается лексический состав диалектов. *С. А. Мызников*, продолжая составление русского казачьего лексикона, публикует статью о лексических особенностях говора яицких казаков. Отмечается состав тематических групп и корпус лексики тюркского происхождения.

Ж. Ж. Варбот, привлекая данные этимологии, анализирует вариантность форм в лексике с точки зрения их реальности и диахронической/синхронной природы.

Диалектный словарь, являясь одним из способов исследования славянских диалектов, может по-разному характеризоваться как содержанием лексикона, так и особенностями его формирования.

Н. Е. Ананьева пишет о необходимости включения в славянскую лексикографию словаря польских периферийных (кресовых, переселенческих) говоров. В своей статье она формулирует принципы составления такого словаря.

В статье *А. Ф. Журавлева* обсуждается такой вариант диалектографии, как жанр идиолектного словаря (словаря личности). Словарь такого типа дает возможность наблюдений над реальной употребительностью в речи единиц словаря и системного анализа индивидуальной диалектной речи.

Как объект исследования заслуживают специального внимания диалекты, функционирующие в иноязычной среде (обычно их называют островными).

О. В. Ровнова описывает возможности и способы составления словаря говоров старообрядцев Южной Америки, являющихся потомками старообрядцев-кержаков из Нижегородской губернии. Представлена смесь архаической и современной лексики, отчасти иноязычного происхождения.

Н. Г. Ильинская и *Е. Е. Королева* излагают принципы составления недифференциального словаря камчатских говоров. Это лексикон коренных жителей Камчатки, как русских, так и иной этнической принадлежности. Указано, что сохранность славянской лексики присуща островным говорам в иноязычном окружении.

В. П. Русак и *В. А. Мандик* показывают, как изучение белорусских говоров способствует созданию адекватного представления о корпусе лексики, включенной в современные диалектные словари.

С. А. Мызников дает обзор словарной обработки лексики, зафиксированной в фольклорных текстах. Указано на необходимость использования фольклора как одного из источников при составлении областных словарей.

В статье *Д. Ю. Ващенко* показана функциональная стратификация унгаризмов в речи градищанских хорватов на территории Венгрии. Материал собран в ходе полевых исследований, и содержащиеся в нем унгаризмы соотношены с данными градищанскохорватской лексикографии.

Важным аспектом диалектной лексикографии является адекватность определения семантики диалектной лексики. Тема статуса слова и критерии его определения в словаре обсуждаются в статье *А. К. Шапошникова*. Неточность описания семантики слова в словаре и причины, обусловившие это, рассмотрены на материале восточнославянских словарей *М. Н. Саенко*.

Этимология диалектного слова, обозначающего одно явление (насмешка), является предметом рассмотрения в статье *Т. В. Шалаевой*.

Произношение диалектного слова демонстрирует фонетические особенности, соотносящиеся с правилами фонетической системы определенного говора или являющиеся признаками отдельных слов. То, как эти особенности могут отражаться в диалектном словаре, показано на материале русской лексикографии в статье *Л. Э. Калнынь*. Дается объяснение, почему единообразие в решении этой проблемы в русской диалектологии нет.

Программа Круглого стола «Славянские диалекты в современной языковой ситуации» включала также следующие доклады: *М. М. Макарец*. К социолингвистическому описанию переселенческого говора в г. Фиер и его окрестностей (Южная Албания); *Г. С. Кобиринка*. О редукции парокситонезы в украинском диалектном пространстве; *П. Е. Грищенко*. Лингвогеографирование как основа диахронного моделирования взаимодействия языков и диалектов; *М. М. Алексеева*. Особенности говоров сибирских голендров; *Д. К. Поляков*. Сибирские голендры: характеристика социолингвистической ситуации; *И. И. Исеев*. Разметка и паспортизация современных цифровых записей диалектной речи; *О. В. Трефилова*. Особенности диглоссии в диалектных анклавах.

Программа Круглого стола «Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов» включала также следующие доклады: *В. В. Козак*. Лексические заимствования в глаголических памятниках острова Крк как источник реконструкции славяно-романских отношений; *Н. Г. Мельникова*. Словарь западных говоров Вологодской области: проблемы и перспективы; *И. В. Федотова*. Русская диалектная лексика, обозначающая провеивание зерна; *И. А. Букринская*, *О. Е. Кармакова*. Любительский словарь как источник диалектологических штудий.

Часть I.

**Славянские диалекты
в современной языковой ситуации**

DOI: 10.31168/0412-1.1.1

Л. Э. Калнынь (Москва)

**Русские диалекты как компоненты
современной языковой ситуации**

Каждый языковой идиом, в том числе и национальный язык, существует/ функционирует в пределах конкретной языковой ситуации. Понятие «языковая ситуация» не всегда имеет терминологическое толкование в лингвистических справочниках. Словарное определение понятия «языковая ситуация» дается в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990). Это «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупности языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» (с. 616). Сообразно этому определению характеристика языковой ситуации может складываться из разных показателей. Одним из них является сосуществование в пределах национального языка диалектной и кодифицированной форм этого языка.

Любой национальный язык, как целостное образование, имеет в своем составе территориально маркированные идиомы, которые отличаются как от кодифицированной/литературной формы языка, так и друг от друга. На это сходство языковой ситуации накладываются в разных языках различающиеся явления. В данном случае речь идет не об особенностях языкового устройства разных идиомов, их структуре. Имеется в виду различие, выражающееся в оценке разных форм национального языка, которое существует в конкретном обществе в конкретный период. Подобная оценка имеет резонансный

характер, так как она определяет особенности языковой ситуации в соответствующем языке. В частности, это отражается на сфере функционирования диалектных форм и их динамике.

Каждый языковой идиом (вариант языка) его носителями оценивается как нормальное явление, не являющееся менее приемлемым в сравнении с теми формами языка, с которыми им приходится контактировать. Ср. в этой связи часто встречающееся в русской диалектной среде ироническое отношение к соседним диалектам, но никогда к своему (особенности соседнего диалектного произношения иногда становятся основой иронического прозвища носителей этого диалекта). В среде носителей одного диалекта/говора не исключена даже негативная оценка литературных форм в речи говорящих на том же диалекте. Иногда попытка отдельных лиц в русском диалекте внести орфоэпическую коррекцию в свою речь встречает ироническое отношение со стороны других носителей этого диалекта и оценивается как претенциозность. Именно такую оценку попытки некоторых лиц реализовать акающее произношение в своей речи мы наблюдали в окающем говоре с. Нюхча Пинежского р-на. Но на литературный язык в целом подобная оценка не распространяется.

Отрицательное отношение к своему языку в принципе невозможно — если такая оценка формируется, то язык перестает использоваться, т. е. перестает существовать. Известным примером этого является исчезновение полабского языка. Как пишет А. М. Селищев (1941: 421), этому способствовало, в частности, крайне отрицательное отношение к полабскому языку со стороны молодежи в начале XVIII в. Ср. приводимую Селищевым цитату из труда полабского автора того времени: «Молодежь же чувствует такое отвращение к родному языку, что не хочет не только учиться ему, но даже не хочет и слышать его звуки. Таким образом через 20 или 30 лет этот язык исчезнет».

В современном обществе высок престиж литературного языка как культурного символа нации. В то же время уровень сниженности оценки диалектных форм в разных языковых сообществах варьируется. Колебания достаточно велики: от недопустимости использования диалекта только в официальной ситуации до несовместимости диалектной речи с образованностью и престижным социальным статусом говорящих.

Если диалект недопустим лишь в официальной сфере общения, то в обществе существует не только терпимость к диалектам, но и поддержка их за пределами официальной ситуации, т. е. в семейном, дружеском, просторечном общении. Примеры такого отношения к диалектам обычно приводятся из немецкоязычной среды. На литературно-диалектное двуязычие, т. е. переключе-

чение кода в зависимости от ситуации в немецкоязычной среде, указывает Л. Блумфилд (1968: 66). Там диалекты пользуются определенным пиететом как часть национальной культуры. Ср.: «...диалект — это языковое открытие родины... независимая ценность диалектов состоит в том, что они дают гармонию внешнего и внутреннего мира, что они действительны и в сравнении с литературным языком» (Weisgerber 1976: 197).

Иное отношение к диалектам характерно для русскоязычной ситуации. Здесь на протяжении XIX–XX вв. диалекты однозначно расцениваются как социально непрестижное средство общения, несовместимое с претензией на образованность и достаточной высокой социальной статус. В XIX в. отчасти это поддерживалось и негативным отношением к русскому языку вообще в части дворянского общества (ср., как в «Евгении Онегине» сказано о письме Татьяны: «она по-русски плохо знала, журналов наших не читала и выражалась с трудом на языке своем родном»). Со времени появления словаря Даля и начала XX в. диалекты стали предметом внимания и изучения со стороны русских лингвистов.

Нормальной функцией языковой политики современного государства является максимальное распространение кодифицированной (литературной) формы языка. Главную роль в этом процессе играет школьное образование. Но в зависимости от оценки диалектной формы языка в обществе распространение литературного языка может сочетаться как с сохранением диалектов в качестве приемлемого средства общения, так и с ориентацией на их устранение. В русскоязычном обществе последняя тенденция приобрела особую остроту с 30-х годов XX в. Тогда на оценку русских диалектов как непрестижных форм языка наложилась их политическая компрометация. Официально утверждалось мнение, согласно которому диалекты представляют языковой признак сельского населения, не имеющего политической перспективы и тормозящего социалистическое переустройство деревни (Филин 1938; 1973 — даты изданий указывают, что оценка автором диалектов как исчезающих форм языка не менялась на протяжении его научной деятельности). Социальный прогресс однозначно ассоциировался с исчезновением диалектов. Поэтому в труде по русской диалектологии 1961 г. (История 1961: 61) было сказано, что «исчезновение русских диалектов — уже свершившийся факт».

Русские диалекты, конечно, не исчезли в 60-е годы, существуют они и в настоящее время. Но политика, проводимая в течение долгих лет в отношении русского крестьянства, не могла не повлиять на русский диалектный континуум. Коллективизация, политика ликвидации неперспективных деревень привели к разреживанию диалектного континуума. Исчезали деревни, а

вместе с ними и существовавшие в них диалекты. Многие пункты, включенные в карту ДАРЯ, в настоящее время не существуют. Но в тех деревнях, где население было стабильно, диалекты сохраняются.

Для характеристики современной русской языковой ситуации важно выяснить, как оценивается диалектная форма языка в той части современного общества, которая состоит из носителей литературного языка. Само по себе обращение к вопросу оценки диалектов в русском обществе является новым аспектом анализа языковой ситуации. Один из таких опытов был предпринят М. Краузе и др. (Германия) на съезде славистов в Любляне в 2003 г. в докладе «Ментальные диалектные карты и имидж диалектов в России: метаязыковое знание и оценка диалектов» (Krause et al. 2003: 144). Авторы провели эксперимент, представив носителям литературной формы русского языка (преимущественно студентам) фонетические тексты из разных русских диалектов и предложив оценить их с эстетической точки зрения (приемлемо/неприемлемо). Выяснилось, что севернорусские тексты имеют скорее негативный имидж, а южнорусские — скорее позитивный. Значение этого эксперимента в том, что он не показывает однозначного неприятия диалектной формы языка, на которое ориентировала официальная языковая политика.

Но в русской языковой ситуации с 70-х годов XX в. стало проявляться и более очевидное отношение к диалектам как к необходимым компонентам создания картины мира. Это проявилось в использовании диалектизмов в текстах художественных произведений, объединенных понятием «деревенская проза». Это произведения писателей Белова, Маслова, Абрамова, Личутина и др. Некоторые авторы «деревенской прозы» происходят из регионов севернорусского наречия и используют (с разной степенью интенсивности) его ресурсы в своих текстах.

Анализ использования диалектной лексики в произведении В. Личутина (роман «Долгий отдых», М., 1977) дан в статье (Калнынь 1998). Включение в текст диалектизмов, являющихся для носителей литературного языка иноязычным элементом, не должно создавать проблем с пониманием текста для тех, кто не владеет диалектом. Чтобы избежать этого, автор использует ряд приемов, позволяющих понять значение слова. Это:

— сноска (раскрывает значение слов *тобоки*, *совик*, *разволочная изба* и др.);

— включение литературного синонима на близком расстоянии от диалектизма или текстуальное объяснение значения диалектного слова (в *голомень*, в открытое море; *сырые рады* — болотины; *кляпцы* — деревянные капканы; в *окутках*, в старом тряпье и др.)

Однако значение части диалектизмов может быть понято только с помощью диалектных словарей.

В целом использование диалектов в литературном тексте расширяет его выразительность. И в тоже время повышает статус диалектов — они перестают оцениваться как однозначно непрестижные/некультурные формы языка. Терпимость к диалектам в литературном тексте означает, что в современной языковой ситуации русские диалекты не только реагируют на воздействие со стороны литературного языка, но и сами влияют на него, поскольку расширяют его ресурсы.

Оценка диалектов как допустимых форм языка проявляется и в СМИ. По радио («Эхо Москвы») обсуждается значение слова *няша* (архангел. *ил*); в газетных текстах для обозначения 'белого медведя' часто употребляется северное слово *умка*.

Положительное отношение к диалектам не означает, что их носители в своей речевой деятельности должны ими ограничиваться. По-прежнему сельское школьное обучение должно ориентироваться на овладение учениками кодифицированной формой русского языка. В этой связи стоит отметить, что в современном пособии по русской диалектологии дается иная в сравнении с традиционно принятой оценка диалектной формы языка (Русская диалектология 2005: 16). Здесь сказано: «Основная цель учителя, работающего в диалектной среде, — научить школьников литературному языку. Но литературный язык не должен вытеснить у них тот язык, которым они владеют с детства, — местный говор... В деревенском общении должен сохраниться местный говор». Как можно заметить, здесь предлагается создать ситуацию, подобную той, которая представлена в немецкоязычной среде.

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Современная русская языковая ситуация характеризуется тем, что в русскоязычном обществе в известной мере меняется отношение к диалектным формам языка. Создается ситуация, при которой эти формы языка в определенных сферах коммуникации расцениваются не только как допустимые, но и как необходимые средства выражения. Это является результатом повышения терпимости и интереса к диалектным формам языка в современном русскоязычном обществе.

Литература

- История 1961 — История русской диалектологии. М., 1961.
- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Калнынь 1998 — *Калнынь Л. Э.* Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами языка // Вопросы языкознания. 1989. № 8.
- Русская диалектология 2005 — Русская диалектология / ред. Л. Л. Касаткин. М., 2005.
- Селищев 1941 — *Селищев А. М.* Славянское языкознание. М., 1941. Т. 1. Западнославянские языки.
- Филин 1938 — *Филин Ф. П.* Исследования по лексике русских говоров. М.; Л., 1938.
- Филин 1973 — *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.. М., 1973.
- Krause et al. 2003 — *M. Krause, Ch. Sappok, V. Ljublinskaja, A. Evdokimov, E. Moškina, V. Podružnjak.* Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: metadialektales Wissen, Bewertungen und ihre linguistischen Determinanten // 13 Mednarodni slavistični kongres. Ljubljana, 15.–21. avgusta 2003. Zbornik povzetkov. 1. del: Jezikoslovje. Ljubljana, 2003.
- Weisgerber 1976 — *Weisgerber L.* Die Leistung der Mundart im Sprechganzen // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.

Summary

Lyudmila Kalnyn

Russian Dialects as Components of Contemporary Linguistic Situation

Certain changes of the attitude towards dialectal forms are currently observed in the Russian speaking world. Such forms in certain spheres of communication are regarded not only as acceptable, but also as necessary means of communication. These changes have probably been caused by increasing interest to dialects and a growing level of tolerance to them in the modern Russian speaking world.

Общее и различное в методологии описания польских островных диалектов Сибири и польских «кресовых» говоров

На территории Сибири на сегодняшний день выявлены переселенческие говоры двух типов: говоры переселенцев старой этнически польской территории и говоры переселенцев с так называемых «Кресов» — восточного пограничья бывшей Речи Посполитой (подробнее см. Ананьева 2013а). Примером последним является остаток польского диалекта, бытовавшего до недавнего времени в д. Белосток под Томском. При сопоставлении методов изучения переселенческих говоров Сибири и крестьянских говоров «польщизны кресовой» мы, естественно, рассматриваем только островные диалекты, возникшие вследствие переселения в Сибирь диалектоносителей, репрезентирующих старые польские говоры, оставляя за скобками образования «белостоцкого» типа.

Среди изученных в разной степени континуантов старых польских говоров, функционирующих на территории Сибири, в настоящее время можно выделить два подтипа, причем диаметрально противоположных по своим особенностям: это говор *юго-западного* типа (д. Вершина Боханского района Иркутской области) и говор *северо-восточного* типа (д. Александровка и д. Знаменка под Абаканом).

Об особенностях говора вершинян см., в частности, (Ananiewa 2012; Ананьева 2013b; 2015; Mitrenga-Ulitina 2015). О некоторых чертах польского говора д. Знаменка и Александровка см., например, (Stupiński 2008; 2009; Ananiewa 2015).

Описание диалектов предполагает применение ряда основных подходов, из которых мы выделим три:

- 1) системное внутривидовое поуровневое описание диалекта (фонетическая и фонологическая подсистема, морфологическая подсистема, словообразовательный уровень, синтаксические особенности, лексика и фразеология); такой подход (исключающий внесение какой-либо выходящей за данную диалектную систему информации) сформировался в рамках научной парадигмы, постулирующей системный характер диалектного языка, и находит определенную параллель в дескриптивном анализе бесписьменных индейских языков американскими лингвистами, которые описывали эти идиомы, не обращаясь к их истории и прасостоянию (*синхронно-системный* подход);

2) сопоставление с родственным языковым кодом, представленное либо в виде приведения особенностей этого кода в комментариях к основному тексту (фоновые сведения при реализации первого подхода как основного) или в самом тексте, либо в постулировании родственного языкового кода в качестве точки отсчета, исходной «прасистемы»; второй случай можно назвать *диахроническим* подходом;

3) выявление реального функционирования диалектного идиома, включающее его возрастную и гендерную дифференциацию (если таковые имеются), результаты контактов с соседними идиомами (в том числе с литературными языками), особенности отдельных диалектных идиосистем, условия употребления диалекта (т. е. явления, входящие в понятие «языковая ситуация») и прогнозирование исторической судьбы данного диалектного образования (пожалуй, самое неблагоприятное и ненадежное дело: ср. предсказание о появлении новых смешанных или переходных говоров на так называемых *Ziemiach Odzyskanych* и в результате констатацию фактов перехода жителей этих регионов, являющихся носителями исторически разных диалектов, в общении между собой не на «смешанные» или «переходные» говоры, а на в разной степени модифицированный литературный польский язык); третий подход можно назвать *социолингвистическим*.

Внутрисистемные монографические описания, опирающиеся и на материал континуантов старых письменных польских диалектов и анализирующие данные восточных периферийных крестьянских польских говоров, идентичны по своим методологическим установкам. Это не выходящее за пределы исследуемой диалектной системы *поуровневое* (или *одноуровневое*, если анализируется какая-то одна подсистема) исследование диалектной структуры, состоящей из взаимосвязанных между собой компонентов. Задача структурно-системного подхода — выявление всех (или, по крайней мере, наиболее существенных) особенностей того или иного уровня диасистемы (или всех ее уровней) и конкретного наполнения процесса взаимодействия и взаимосвязей между этими уровнями (или в пределах одного уровня).

Также нет принципиального различия в применении социолингвистического подхода к материалу островных польских говоров Сибири и данным периферийных польских говоров (учете возрастного, гендерного и индивидуального факторов, выявлении контактирующих идиомов и условий функционирования, условном «прогнозировании»). Естественно, что конкретные результаты этого социолингвистического анализа будут различными для сибирских островных польских говоров и крестьянской разновидности «польщины кресовой».

Так, периферийные северо-восточные говоры контактировали и контактируют с белорусским и литовским идиомами, юго-восточные — с украинским языком, контакты с которыми отсутствуют у диалектоносителей островных говоров Сибири (за исключением вышеуказанного говора «белостоцкого» типа, относящегося к северо-восточному подтипу крестьянских периферийных говоров).

С другой стороны, и на польские островные диалекты «старого» типа, и на периферийные польские говоры влиял и влияет (для периферийных польских говоров Литвы, Белоруссии и Украины так, по крайней мере, было до 90-х гг. XX в.) русский язык в его литературном и диалектном вариантах. И здесь механизмы воздействия и его результаты (и, соответственно, методы исследования) совпадают. Выявляется совпадение «слабых» звеньев польской системы, подвергающихся модификации при столкновении с русским идиомом. Например, личные окончания претеритальных форм — типа *ja poszła* вместо *poszłam*, порядковые числительные, обозначающие десятки в номинации года и обозначающие время, — типа *tysiąc dziewięćset pięćdziesiąt ósmu* вместо *tysiąc dziewięćset pięćdziesiąty ósmu* и *w pięć godzin* вместо *o godzinie piątej*, коллоквиальные средства (дискурсивные слова) типа усилительных и утвердительных частиц, наречий, коллоквиальных клише (*daże* вместо или наряду с *nawet*, *oczeń* вместо или наряду с *bardzo*, *da* вместо или наряду с *tak*, ср. также *ap'ác* «znów» в Вершине, *točno* «dokładnie» в Знаменке, *f kurs'e* (литер. *być dobrze zorientowanym w czymś, wiedzieć o czym, znać coś*) — повсеместно в Литве и Белоруссии, *vot i fs'o* — в Сибири и на «Кресах» (*fšo* в Знаменке).

О том, что заимствование разговорных клише и частиц — своего рода *универсалия*, свидетельствует, в частности, заимствование немецкого *ja* 'да' во многих языках, контактировавших с немецким идиомом (например, в латышском, и в том числе в польских говорах, находящихся в контакте с немецким языком, включая и польский говор д. Александровка и Знаменка, куда *ja* в виде *jo* вошло в период до переселения диалектоносителей с территории Мазовии). Совпадают и экстралингвистические факторы, вследствие которых для ряда тематических групп лексики наиболее характерно воздействие русского языка: бывшее общее колхозное устройство деревни с номинациями соответствующих реалий типа *koxos* (д. Вершина) — *kolxos* (Кресы), *magazyn* «sklep» (Кресы и Сибирь), *kvaterant* «lokator» (д. Сунтупы под Смолвами); названия профессий: ср. в д. Вершина *skotn'ik*, *p'ečni'ik*, *traktorystka*, в северо-восточной «смолвенской польщизне» *kam'en'sik* «murarz», *kryl'sik daxu* (д. Сунтупы под Смолвами); школьная и больничная

терминология (например, названия болезней *cynga* «szkorbut» и *kor* «odra» в д. Вершина). Воздействие русского языка проявляется в идентичных лексико-семантических (и шире — тематических) группах, причем конкретные русизмы могут как совпадать, так и дифференцироваться в периферийных польских говорах и в островных польских диалектах Сибири. Например, в тематической группе «Животный мир» (микрорегион «названия птиц» в д. Вершина и в польских говорах под Смолвами отмечены совпадение в номинации *kuropatka* и близость форм *lastéčka* (Смолвы) и *lástočka* (д. Вершина). Помимо совпадений в каждом из этих говоров в данной тематической группе представлены также другие русизмы. Так, в «смолвенской польщизне» отмечены следующие русизмы (в кавычках здесь и далее приведены польские литературные соответствия): *krol'ik* «król, królik», *m'ez'v'ez'* «niedźwiedź», *sojka* «sójka», *capl'a* «czapla», *mol'* «mól», *kokt'i* (вместо *razury*), *śm'el'* «trzmiel», *stšyż* «jerzyk» (ср. русск. стриж), гибриды *jeżik* «jeż» (ср. русск. ёжик) и *ś'v'erčyk* «świercz» (ср. русск. сверчок), *nerest* «tarło» (ср. *ryba po nereś'c'e*) и *nerestovac'* «trzeć się» (ср. *nerestuje* «trze się»), *p'eskar* «kielb» (ср. русск. пещарь), *som* «sum», *forel'a* «prstąg», *kámbala* (наряду с балтизмом (?) *plakšn'a*), *żabry* «skrzele». Примеры русизмов из микрополя «орудия, связанные с рыболовным промыслом»: *lotka*, *kater*, *popłávek* — мн. ч. *popłáfk'i* «spławik». Под влиянием русского языка употребляются формы женского рода *l'isa* «lis» (русск. лиса), *ščura* «szczur» (русск. крыса).

Что касается русизмов в данной тематической группе в д. Вершина, то мы уже приводили их на предыдущем Круглом столе по диалектологии в докладе, посвященном лексике островных польских говоров (ср. *guxar* «głuszec», *rapčyk* «jarzabek» и др.).

Приведем примеры русизмов из еще одной тематической группы — «Семейные и родственные отношения». Русизмы в этом лексическом классе отмечаются и в островных, и в периферийных польских говорах. Так, в польском смолвенском говоре зафиксированы русизмы: *pl'em'en'ik* «siostrzeniec; bratanek», *pl'em'en'ica* «siostrzenica; bratanica», *svat'a* «swojaczka; teściowa», *z'a'z'a* «wuj(ek), stryj(ek)», *pacán* «nastolatek», гибридное словосочетание *stara d'eva* «stara panna», сохранение под влиянием русского языка слов *sv'ekra* и *sv'ok'er* (литер. польск. *teść, teściowa*). Примеры русизмов из говора д. Вершина: *dvojurodny brat* «kuzyn», *rodn'a* «krewni» (ср. *rodn'a i sv'id'et'el'i*). В монографии С. Митренги-Улитиной «Język polski mieszańców wsi Wierszyna na Syberii» приводятся лексемы *rod'it'el'i* «rodzice» (в тексте) и *t'ośśa* «teściowa» (в словаре) (Mitrenga-Ulitina 2015: 167). В Знаменке зафиксировано *ba-*

buška z d'eduškaj, rodn'a.

Под воздействием русского языка возникают разнообразны гибридные образования, что является *контактологической универсалией*. Примеры из смолвенского диалекта: *stłupek, stłupečk'i* «*stłupek, słupeczki*» с *t* под влиянием русск. столбик; *sroka treščy* (с *r* из русского языка, но в отличие от русского *r* здесь твердое) вместо польск. *trzeszczy*, впрочем, невозможного в польском для передачи звука, передаваемого сорокой (по-польски было бы *terkocze, trajkocze*, ср. русск. трещит — о сороке). Пример гибридной формы из говора д. Вершина: *murov'isko* (контаминация русск. муравейник и польск. *mgowisko*).

Как в островных, так и в периферийных восточных польских говорах иноязычное воздействие не ограничивается русским идиомом. Естественно, что в периферийных польских говорах северо-восточной разновидности это контакты с белорусским и балтийским (литовским) идиомами (причем контакт с данными идиомами для части территории имел характер субстрата), для юго-восточной разновидности — это воздействие украинского идиома, а для островных польских говоров «старого» типа это были контакты, которые осуществлялись на их «материнской» территории: в северо-восточных мазурских говорах, потомки носителей которых живут в настоящее время в дд. Александровка и Знаменка, — с немецким идиомом, а на территории Малой Польши и Силезии, откуда происходят предки современных жителей д. Вершина, — со словацким или чешским идиомами, отчасти с немецким (ср. лексемы *buňk* 'внебрачный ребенок' и *fest* 'сильно; много; очень'). Хронология этих заимствований различна, и четко установить ее вряд ли возможно, хотя к каким-то результатам предположительного характера можно в некоторых случаях прийти. Так, среди балтизмов (литуанизмов), функционирующих в северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта, выделяются более древние, повсеместно известные на территории Великого княжества Литовского (например, *dyrvan* ≤ литов. *dīrvonas* 'залежь, залежная земля' или *odryn'a* 'сарай' — упоминается еще в «Повести временных лет» в рассказе о том, как княгиня Ольга сожгла Искоростень), и проникшие в польские говоры из литовского языка позднее, в процессе массового перехода части литовского автохтонного населения на польский со второй половины XIX в. По всей видимости, к таким более поздним литуанизмам относятся в смолвенских говорах номинации животных *bebr* (литов. *bėbras* 'бобер'), *šašók* (через белорусское посредничество) наряду с распространенным в других районах Литвы *šeška* (литов. *šėškas*) 'хорек', *potal'iška* 'бабочка' или название блюда *raug'en'a* (литов. *raugienė*) 'солодуха'. Не останавливаясь подробнее на сложной проблеме хронологизации заимствований,

перейдем к диахроническому подходу, при котором проявляются существенные различия в методике исследования периферийных польских говоров и островных «старых» польских диалектов. Если периферийные польские говоры — относительно новые образования (причем северо-восточные польские говоры «моложе» юго-восточной разновидности), представляющие в большинстве случаев (это касается северо-востока) модификацию регионального польского литературного языка в устах автохтонов (литовцев и белорусов), то островные польские говоры — это континуанты старых племенных диалектов. Соответственно, точкой отсчета при сопоставлении с родственным идиомом для периферийных польских говоров может быть литературный польский язык данного региона того периода, в который происходило образование этих периферийных говоров. Для них не существенна шкала диалектных признаков К. Нитча, разработанная для старых племенных польских диалектов, поскольку в них представлены те результаты, которые были свойственны литературному польскому языку времени образования этих говоров. В первую очередь это касается кресового северо-восточного подтипа. На юго-востоке ситуация сложнее, так как там есть и говоры переселенческого типа (например, с малопольскими чертами, как у диалектоносителей дд. Шаровечка и Матьковцы под г. Хмельницкий). Материал же островных сибирских польских говоров, являющихся континуантами племенных диалектов, мы соотносим с «прасостоянием», с той шкалой дифференциальных признаков, существенных для польских старых диалектов, которую разработал К. Нитч: т. е. что представлено на месте долгих \bar{o} , \bar{a} , \bar{e} , узкий или широкий здесь тип ринезма праславянских носовых гласных, есть ли начальные *re* и *je* типа *rek* «так», *jek* «jak», совпадают или не совпадают в одном звуке гласные *i* и *u*, асинхронный или синхронный тип палатального губного ряда и т. д. При этом внешне, казалось бы, совпадающие факты в племенных диалектах и периферийных говорах могут иметь различную природу, иной генезис. Так, сев.-вост. *vantroba* или *ida f ta strona* обусловлены не широким континуантом др.-польск. \dot{a} как в старых племенных диалектах с широким произношением носового переднего ряда, а сложными процессами в области вокализма, так называемым «аканьем» на месте *e*, соотносящимся с литовским расширенным *e* и, по всей видимости, с белорусским яканьем (ср. *naša ojcy L'itv'iny byl'i, nožam* тв. ед. и т. д. при *m'ensa, genś, jenzyk* и т. д. на северо-восточных Кресах). Налагая матрицу дифференциальных признаков на данные островных диалектов, являющихся континуантами старых племенных говоров, мы и обнаруживаем, по крайней мере для сегодняшнего состояния обследования польских говоров в Сибири, наличие здесь двух противополо-

ложных типов континуантов старых племенных диалектов: в д. Вершина под Иркутском (малопольско-силезского) и северо-восточного (мазурского) в дд. Знаменка и Александровка под Абаканом. Например, ярко выраженный асинхронный тип произношения палатальных губных с частой утратой собственно губного элемента — *pšoke* «*piekę*» и *žadro* «*wiadro*» в дд. Знаменка и Александровка и синхронный тип произношения мягких губных в д. Вершина, звонкий тип сандхи в Вершине и глухой в Знаменке и Александровке, совпадение *i* и *y* в Знаменке и Александровке и их дифференциация в Вершине, полномасштабное мазуриение (т. е. изменение звуков *š, ż, ċ, ź* в *s, z, c, ʒ*) в Знаменке и Александровке и цеканье (т. е. изменение только *ć* в *c*) в Вершине, отсутствие чередования *e ~ o* в Вершине (*b'ere* «*biogę*», *m'etęa* «*motła*») и расширение его функционирования в Знаменке и Александровке (*pšoke* «*piekę*», *pšoko* «*pieką*» ~ *pšeces* «*pieczesz*»), ряд малопольско-силезских лексем в Вершине (*kaj, k'ej, ʒ'ouxa, xab'ina* и др., включая заимствования, характерные для юго-запада Польши, — *bunĕ* «внебрачный ребенок», *fest* «сильно; очень; много», *rusy* «тараканы») и мазовецких в Знаменке и Александровке (*prosek* «дружка, приглашающий на свадьбу или просящий подарков для невесты», *kokos* «петух», *zabażać* «захотеть», *bencyk* «живот» и др., включая заимствования, характерные для северо-восточного Мазовья, в том числе германизмы — *gruska* «бабушка», *gruzek* «дедушка», *šurek* «мальчик» и др.).

Таким образом, в наибольшей степени различия в методологии исследования и описания островных польских говоров, являющихся континуантами старых (племенных) диалектов, и восточных периферийных польских говоров касаются диахронического аспекта (выбора точки отсчета). При анализе материала островных польских диалектов старого типа эта точка отсчета располагается на хронологической оси на гораздо более значительной глубине по сравнению с возможной точкой отсчета при исследовании крестьянской разновидности «польщизны кресовой».

Все три подхода в идеале были бы желательны при полном монографическом описании какого-либо говора. Но чаще мы имеем дело с одним из трех или с каким-то фрагментом каждого из трех подходов, поскольку полное трехаспектное монографическое описание — задача чрезвычайно трудоемкая.

В 2015 г. вышла в свет уже упоминавшаяся нами монография С. Митренги-Улитиной, посвященная польскому говору д. Вершина. Работа представляет собой главным образом внутрисистемное поуровневое описание: фонетика, словоизменение, словообразование, синтаксис, лексика (включая приведение нескольких диалектных текстов), краткий словарь. В сносках приводятся в качестве фоновых данные из других польских диалектов, в том чи-

сле и малопольских. Однако собственно диахронический аспект отсутствует, поскольку нигде не выделены все малопольские особенности данного говора и его полидиалектные черты. В тексте работы часто употребляется определение «польский язык» (*język polski*), с которым сопоставляются как с точкой отсчета те или иные черты говора Вершины. Ср.: «W polszczyźnie wierszynian, podobnie jak w języku polskim...» (В польском языке вержинян, как в польском языке...) (Mitrenga-Ulitina 2015: 59), «W języku mieszkańców Wierszyny, podobnie jak w języku polskim występuje...» (В языке жителей Вершины, как и в польском языке, представлено...) (Mitrenga-Ulitina 2015: 60) и т. д. Если под словосочетанием *język polski* имеется в виду современный литературный польский язык, то такое сопоставление методологически некорректно. Отсутствие диахронического взгляда, системного, а не выборочного соотношения особенностей диалекта Вершины с малопольско-силезским регионом приводит к неверным формулировкам вроде «утраты категории мужского лица как в склонении, так и в спряжении» («zatarcie kategorii męskoosobowości zarówno w zakresie deklinacji, jak i koniugacji» (Mitrenga-Ulitina 2015: 145), создавая иллюзию (не подтверждаемую материалом), что эта категория когда-то была у диалектоносителей. В Заключении только упоминается о малопольском характере говора (без перечня его малопольских признаков). Главное здесь для автора — подчеркнуть его «польскость» («ogólnopolski», «ogólnogwarowy» характер) и выделить некоторые результаты влияния русского идиома, приведенные ранее в разделах о словоизменении, лексике, а также в фонетической части (звонкость *v* после глухих согласных). Таким образом, социолингвистический аспект (точнее его элементы: контакт с иноязычной системой) включен в синхронное описание диалектного идиома. Вызывает также вопрос: почему среди 29 информантов нет молодежи и детей (самый старший респондент родился в 1915 г., а самый младший — 1966 г. рождения)? Если они уже не говорят по-польски, то следовало бы на это указать. Если отсутствие записей от молодых жителей Вершины — случайность, то ее тоже следовало бы объяснить. В противном случае приводимые в Заключении оптимистические прогнозы вержинян о том, что их язык «не исчезнет» («język nie zaginie») (Mitrenga-Ulitina 2015: 144), нуждаются в корректировке.

Словарь, в котором представлена, как пишет автор, наиболее частотная лексика, мог бы быть полнее. Так, в нем есть лексема *kaj* ‘куда; где’, но отсутствует столь же частотное *kiej* ‘когда’. Для лексемы *buŋk* приведено значение «owad» ‘насекомое’. Но гораздо существеннее для определения генезиса вержинского говора является то, что *buŋk* в этом говоре имеет, как в

малопольских и силезских говорах, значение ‘внебрачный ребенок’.

В довольно обстоятельном и детальном синхронном описании тем не менее также имеются недочеты. Например, при анализе альтернатив в презентных парадигмах глагола не указана тождественность альтернантов в 1 л. мн. ч., 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в глаголах I и II спряжений (приводятся формы *potogę – potożeś*, но нет форм 1 л. мн. ч. *toguty, sązuty* и под.). А именно оппозиция «1 л. ед. ч. 1 л. мн. ч., 3 л. мн. ч. ~ остальные формы презенса» характерна для говоров Малой Польши и Силезии.

В нашу задачу в данной статье не входит рецензия труда С. Митренги-Улитиной (подробному анализу этого исследования мы посвятим следующую работу). Здесь мы только хотели продемонстрировать, как в конкретном описании островного польского диалекта применяются (или не применяются) выделенные нами выше 3 подхода. Естественно, что выход в свет первой монографии, целиком посвященной островному польскому диалекту в Сибири, следует приветствовать, что не исключает возможности критических замечаний как частного, так и более общего характера.

Литература

- Ананьева 2013а — *Ананьева Н. Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск. 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 467–478.
- Ананьева 2013б — *Ананьева Н. Е.* Морфология глагола в польском говоре с. Вершина в Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.
- Ананьева 2015 — *Ананьева Н. Е.* Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М., 2015. Кн. II. С. 9–18.
- Ananiewa 2012 — *Ananiewa N.* Niektóre właściwości polskiej gwary wyspowej na Syberii // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. Łódź, 2012. T. LVIII. S. 5–13.
- Ananiewa 2015 — *Ananiewa N.* Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii // Gwary dziś. Poznań, 2015. T. 7. S. 169–175.
- Mitrenga-Ulitina 2015 — *Mitrenga-Ulitina S.* Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.
- Stupiński 2008 — *Stupiński E.* Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. LIII, Łódź, 2008. S. 207–217.
- Stupiński 2009 — *Stupiński E.* Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. Łódź, 2009. T. LIV. S. 197–204.

Summary

Natalya Ananyeva

**Similarities and differences in the methodology of study
of the isolated Polish dialects in Siberia and the peripheral Polish dialects**

The article looks at the three main approaches to the study and description of dialects. The first one is the synchronic approach, which neither has any initial system, nor any kind of an initial standard. The second one is the diachronic aspect resting on a certain initial system. The third one is the socio-linguistic approach. The first and the third aspects are identical when applied to the isolated Polish dialects of Siberia and the eastern peripheral Polish dialects, while the second approach demonstrates certain differences. This is due to the fact that the peripheral Polish dialects and the isolated Polish dialects in Siberia, which are continuants of old tribal dialects, have different initial systems: the ancestor dialect for two types of the Siberian Polish dialects (the Mazursky dialect in the villages of Znamenka and Aleksandrovka near Abakhan and the Malopolsky dialect in the village of Vershina near Irkutsk) and a regional variation of the literary Polish language for the eastern peripheral Polish dialects. This variation came into being with the appearance of the Polish peasant dialects on the territory of the eastern border of the former Polish–Lithuanian Commonwealth.

О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков

Данная статья является продолжением работы автора над анализом русского казачьего лексикона¹. Ранее уже описывались в той или иной мере лексиконы оренбургских, кубанских казаков, казаков-некрасовцев. Следует отметить, что лексикографическое описание казачьих говоров к настоящему времени имеет длительную традицию. Имеется «Донской словарь» А. В. Миртова, «Словарь говоров казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой, «Большой толковый словарь донского казачества», «Словарь донских говоров Волгоградской области». О. Г. Борисовой предпринята удачная попытка описания лексических данных говоров Кубани. Имеется энциклопедический «Казачий словарь-справочник, где было также представлено описание апеллятивной лексики. Лексикон яицких (уральских) казаков весьма неплохо описан в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Нестора Михайловича Малечи (1887–1979), который отдал двадцать пять лет подвижнической работы созданию этого труда. Словарь фиксирует речевую культуру уральских казаков, живших на берегах реки Яика — Урала (ныне территория Республики Казахстан). Он является своеобразной энциклопедией огромного края. Материал собирался в 120 поселках в течение двадцати трех лет. Сведения о лек-

¹ Мызников С. А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 1 (58). С. 187–195; Мызников С. А. О тюркизмах в говорах Кубани и у яицких (уральских) казаков // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы IV Международной научной конференции. Краснодар, 2013. С. 179–181; Мызников С. А. Словарь говоров уральских (яицких) казаков Н. М. Малечи в контексте современной диалектной лексикографии // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы V Международной научной конференции. Краснодар, 2015. С. 62–64; Мызников С. А. Об этимологии некоторых лексических данных в русских говорах Оренбургского края // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе. Оренбург, 2016. Ч. 1. С. 5–10; Мызников С. А. О тюркизмах в говорах Кубани // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы II Международной научной конференции. Краснодар, 2009. С. 213–215; Мызников С. А. Кубанская лексика в севернорусском и восточнославянском контексте: некоторые проблемы этимологии // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы III Международной научной конференции. Краснодар, 2011. С. 223–226; Мызников С. А. О некоторых особенностях словарного состава говора казаков-некрасовцев // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности. Материалы Международной научной конференции. 19–22 сентября 2014 года. Ставрополь, 2014. С. 194–200; Мызников С. А. Лексика говора казаков-некрасовцев в казачьем и общерусском диалектном контексте // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Ставрополь, 2013. С. 71–78.

сике еще 60 поселков были получены благодаря наблюдениям отдельных студентов, жителей этих поселков, лаборантов и корреспондентов кабинета диалектологии и преподавателей кафедры русского языка Уральского пединститута. Особенно детальные записи были сделаны в поселках Бударине, Чапаеве, Соболеве, Серебрякове, Котельном, Январцеве, Антонове, Круглоозерном, Кирсанове. Отмечается, что в ряде случаев местом записи диалектных слов был город Уральск. В целом были обследованы районы проживания казаков в Уральской, Оренбургской и Гурьевской областях. Была собрана картотека, насчитывающая более 200 тысяч карточек, которая трансформировалась при лексикографировании в более чем 26 тысяч слов. Весь этот материал составил 3419 машинописных страниц.

Работу над словарем Н. М. Малеча продолжал до конца своей жизни в 1979 году, и, при всех достоинствах данного труда, вполне вероятно расширение словаря яицкого (уральского) лексикона, о чем также свидетельствует А. П. Ялфимов — уральский казак, писатель, краевед; по его мнению, к четырем томам словаря Н. М. Малечи вполне можно добавить еще два дополнительных тома.

Во-первых, действительно, еще вполне возможно по новым программам-вопросникам проводить полевые исследования по сбору данных.

Во-вторых, следует, вероятно, скорректировать дифференциальный принцип подачи материала в сторону большей свободы включения в состав словаря общенародных слов, отражающих быт, специфику хозяйственной жизни, особенности духовной и материальной культуры.

В-третьих, возможно также увеличение реестра казачьего лексикона, наращение семантического объема некоторых слов путем привлечения новых краеведческих, фольклорных и других трудов, где представлены тексты, в которых приводится значительное число лексем, не описанных ранее.

В настоящее время выходящие в свет диалектные словари, в том числе и сводный «Словарь русских народных говоров», дают новые материалы, которые позволяют дополнять уже имеющиеся сведения или пополнить перечень словообразовательных, этимологических и т. п. парадигм, что может представить более полную картину всей совокупности казачьих говоров.

Кроме того, при всей полноте и качественной лексикографической обработке материалов Словаря Н. М. Малечи кажется, что возможно продолжить сбор материалов и пополнение лексикона яицких казаков.

При обзоре материалов, которые не были включены в перечень источников Словаря Н. М. Малечи, можно дополнить яицкий словарь некоторыми лексемами, например:

Ангиме': *Баби родить, а он свое ангиме пишет, зараза! Упяря, чисто татаринь... собранья у няво* (Ялфимов 2007), при казах. *әңгіме* 'беседа; разговор; рассказ' (Бектаев КРС: 77).

Сульечить 'говорить, беседовать': – *Казаки сошлись, сульечут, руками машут, смеются* (Ялфимов 2007).

Сбильчезитя 'сойти с ума': – *Сбильчезилась баба-то мая совсем* (Ялфимов 2007).

Единоличность 'ведение единоличного хозяйства': – *На одну лошадь и в единоличности сена насарапыт* (Ялфимов 2007).

Доко'н 'донесение': – *К купцу Кареву с доконом* (Ялфимов 2007).

Сасык 'собр. брызги': – *Сасык вытри* (Ялфимов 2007).

Обмохи 'рыбьи хвосты': – *Подзапонься, дочка, в ценях варки да обмохи вожьми, уху сварим* (Ялфимов 2007).

Выбяжные сани 'беговые сани' (Ялфимов 2007).

Юница 'девушка': – *На юницах шелка хорасанские, а невесты рыдали и ахали. И везли их купцы астраханские на базары, в гаремы шаховы* (Машковцев 2007).

В ряде случаев возможно к уже имеющимся в Словаре лексическим единицам сделать некоторые дополнения и пополнить свод казачьего яицкого лексикона, что позволит в дальнейшем проводить разработку весьма значительных по объему материалов.

Например, имеется глагол **глы'кать** 'пить (воду, водку), громко глотая' (Малеча, 1: 337), однако отсутствует его однократный вариант: **глы'кнуть** 'выпить (спиртное)': – *Глыкнул, никак, паразит* (Ялфимов 2007).

Дуанить 1) 'буянить, стучать в окно, в дверь'.

2) 'грабить': – *В Будариным большой лес был; делали будары. В этих бударах ездил на Касий грабить, дуанить называется.*

3) 'прикидываться дурачком': – *Ну, а потом Егор дуанить начал, да так с тем и отехал и никакого толку мы от него не добились* (Малеча, 1: 440). Ср., однако, **дуанить** 'назойливо просить о чем-л.': *Чаво дуанить-та, зимней порой в дорогу, сопли морозить, дома пособляй* (Ялфимов 2007).

В ряде случаев слово имеет фиксации в словарях литературного языка: **куга'** 'водное растение сем. осоковых с длинными и круглыми стеблями; озерный камыш' (БАС), однако несомненен также его диалектный характер. Например:

Куга' 'растение *Eleocharis palustris* R. Вг., сем. осоковых; болотница болотная' Астрах., Саратов. 'Болотное растение'. «В Курской губ. (Льговский у.) на совершенном болоте в имении кн. Барятинского ничего не произрастало, кроме осоки и куги». Кеппен, 1821. Орл., Ряз., Кубан., Дон. «Среди трав

большое применение в казачьем хозяйстве имеет — куга, особый вид озерной (или) болотной травы с круглыми, твердыми, гибкими стеблями. Идет она на плетушки разного рода и на покрытие базов... Корень куги дети едят». Сакмар. Чкал., Зорин, 1939–1946. «Болотистая растительность»: *Куга мягкая растет на болотах*. Роман. Рост., 1948. «Степная трава, имеющая высокий, трехгранный стебель; растет на низинах, заливаемых водой. Идет на топливо, на покрытие домов». Чернояр. Астрах., 1907. 'Камыш' Морш. Тамб., 1849. *Отец косит кугу на болоте*. Ворон. Дон., Соль-Илецк. Чкал. 'Род камыша' Дон., 1848. Оренб., Ворон. (СРНГ 15: 393).

В яицких казачьих говорах фиксируется слово **куга'** в сравнении, что, например, отсутствует в обширных материалах СРНГ и БАС: *Жану взял таттарку ногайску. Ну ладно бы себе под стать, в а то быд-та для смеху маленьку, тониньку, чисто куга* (Ялфимов 2007).

Основным хозяйственным занятием яицких казаков было рыболовство, а также добыча тюленя. Отмечается круглогодичный характер тюленьего промысла: *С двадцать пятого года ловят тюленей плавными аханами (морская сеть), ловят круглый год* (Малеча 1: 75). *Добыча тюленя бывает весенняя и годовая: в первом случае промышленники называются весничками, а во втором — зимовичками* (УВВ 1884). *Я годов десять тюленей бил. Идного учекуишишь, лазку им заложуишь и бьёшь достальных* (Малеча 1: 137). *Раньше тюленя били колотушками по носу, кода оне во время жарковья выбирались на острова* (Малеча 1: 468). В связи с этим промыслом в говоре фиксируется целая тематическая группа, куда входят названия тюленей, частей их тела, орудий лова и т. п.:

Белячо'к 'тюлененок до трехнедельного возраста' (Малеча 1: 124).

Концы'рь 'годовалый тюлень' (УВВ 1884).

Пестря'к 'тюлень с пестрой шерстью' (УВВ 1884).

Плаву'н 'дохлый, плавающий на поверхности воды тюлень': — Есть слухи, что в южной части залива Цесаревича, вслед за так называемой «долгинской» сельдью, входит масса тюленя, но, не выдерживая там солёности, слепнет и дохнет, под названием **плавуна** (Малеча 3: 194).

Тулубо'к 'тюлень двухнедельного возраста' (УВВ 1884: № 51).

Значительный пласт составляет лексика, восходящая к тюркским источникам. Чаще всего речь идет о влиянии казахских диалектов. Проблема тюркизмов в русских говорах имеет длительную историю изучения². Выходящие

² В данной статье не дается освещение этой проблемы. См. в этой связи предыдущие работы автора: *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах (разграничение и определение конечного источника) // *Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки*. Вып. 4. Екатеринбург, 2001/20. С. 103–106; *Мы-*

в свет в настоящее время диалектные словари дают новые данные, которые позволяют дополнить уже имеющиеся сведения или пополнить перечень новых заимствований из тюркских языков. В словаре Н. М. Малечи в отношении единиц, по мнению автора, являющимися тюркскими заимствованиями, была проведена первичная этимологизация материала, которые автор отмечает пометой тюрк., но без приведения этимона. Всего в этом труде отмечается 511 таких помет: 171 — в 1-м томе; 154 — во 2-м; 18 — в 3-м; 168 — в 4-м.

Анализируя материалы Словаря Н. М. Малечи, можно отметить значительное число автохтонных тюркизмов, большей частью соотносящихся с казахскими источниками, т. е. ряд лексических единиц представляет собой эндемичный ареал с фиксацией в бассейне реки Урал (Яик).

Бальчи'к 'жидкая грязь, особенно на разъезженной дороге; болото': — *А на перелазе такой бальчик, что совсем с верблюдом утонешь. Там не озеро, а настоящий бальчик, ступни токо — и сразу затянет. Корова-то в самый бальчик залезла. Такой бальчик размесили, что не пройдёшь никак, пришлось обоим пробираться. У магазины бальчик, не пролезешь. Смети глину в бальчик, не замай раскисат* (Малеча 1: 98). Восходит к казах. *балшық* 'глина, жидкая грязь; замес' (Бектаев КРС: 88), башк. *балсык* 'глина' (БРС 1: 234).

Баскарма' 'начальник, председатель' (Малеча 1). Ср. казах. *бастық* 'главарь, начальник, руководитель' (Бектаев КРС: 94).

Аи'р 'вилы с двумя или тремя зубьями': — *Аир — это вилы; работали да устали работать, тройники были. Аиры всяки бывают: и двойчатки, и тройчатки* (Малеча 1). Ср. казах. *айыр* 'вилы' (Бектаев КРС: 520).

Айбалта' 'казахский топор, секира' (Малеча 1). Ср. казах. *айбалта* 'секира' (Бектаев КРС: 30). Хотя **балта'** 'топор' широко представлена в русских говорах.

Айда'р 'особый вид казачьей стрижки волос': — *Но стрижка казачья не в скобку, а кругло, обрубом, под айдар* (Малеча 1). Ср. казах. *айдар* 'вихор, оставленная на макушке коса, хохол, чуб' (Бектаев, КРС: 31).

Айналы'пом 'окружным путем, в обход, кругом': — *Если так вы пойдёте, они вас увиджат, а вы айналыпом пойдите и смотрите вокруг* (Малеча 1). Ср. казах. *айналып өту* 'обойти; обход' (Бектаев КРС: 32).

зыков С. А. О некоторых аспектах взаимодействия тюркских и финно-угорских языков на русском фоне // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук Анны Владимировны Дыбо. М., 2009. С. 235–238; Мызников С. А. О тюркизмах в говорах Кубани // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы II Международной научной конференции. Краснодар, 2009. С. 213–215.

Тала'пом 'кто быстрее, на скорость' (Малеча 4). Ср. казах. *талап* 'намерение, стремление' (Бектаев КРС: 433).

Тара 'неободранное просо' (Малеча 4). **Та'ра** 'жареное толченое просо, употребляемое в пищу' Соль-Илецк. Чкал., Оренб. **Тара'** 'то же' Южн. Краснояр. (СРГЮКК). А. Е. Аникин данные возводит данные по Красноярскому краю к тувинским источникам: тувин. *tarā* 'хлеб, просо, зерно, злак', при связи последних с монг. *tarija(n)* 'всякий злак, хлеб' (Аникин 2000: 533), однако материалы по Южному Уралу явно связаны с казах. *тары* 'просо' (Бектаев КРС: 436), при их общетюркском характере, ср. татар. *тары* 'просо', крымско-татар., балкар., башк., ногайск., *тару* 'просо', турец., гагауз., азерб., туркмен., *дару* 'просо', киргиз. *тару*, алт. *tara:n*, узбек. *tāriq*, уйгур. *tārik*, хакас. *таруу*, тувин., тофал. *tara*: (СИГТЯЛ: 456, 457).

Тумар 'пень' (Малеча 4), при казах. *томар* 'пень' (Бектаев КРС: 598).

Тупра'к 'земля': – *Мне уж в тупрак надо* (в могилу), — говорит глубокая старуха-уралка. (Малеча 4), при казах. *топырак* 'земля' (Бектаев КРС: 551).

Туя'к 'палка, посох' (Малеча 4). **Туячо'к** 'шест, которым отталкиваются на лодке от дна на мелком месте' (Малеча 4). Восходит к казах. *таяк* 'палка' Бектаев КРС: 596).

Урлы'кнуть 'стащить, украсть': – *Урлыкнули всё как есть*. (Малеча 4). Ср. казах *ұрлық* 'воровство', *ұрлау* 'воровать' (Бектаев КРС: 524).

Окружающие тюркские этносы широко практиковали скотоводство, что отразилось и в лексиконе яицких казаков, причем большая часть этих данных тюркского происхождения.

Азба'н 'кастрированный бык', 'кастрированный кабан' (Малеча 1: 59). Восходит к казах. *азбан* 'кастрированный (о животных)' (Бектаев КРС: 29).

Ай'р 'двугорбый верблюд': – *Есть два вида верблюдов: куспаки, айры. Под выюком всяки верблюды ходят: и нары, и айры*. Р. Урал (Малеча 1). Ср. казах. *айыр өркешті түйе* 'двугорбый верблюд', при *айыр* 'разветвленный' (Бектаев КРС: 14).

Ата'н 'двугорбый верблюд': – *Атан — верблюд, нар тоже, производник старый. Нар — с одним горбом верблюд, атан — с двумя чёлками* (Малеча 1: 74). Вероятно от казах. *атан түйе* 'крупный верблюд', а не от казах. *атан* 'холощенный верблюд' (Бектаев КРС: 61). Иначе см. (Аникин 1: 329).

Берту'н 'порода верблюдов': – *Бертун — самый чистокровный верблюд* (Малеча 1: 126). **Бертуга'н** 'верблюд с двумя горбами': – *Оне (верблюды) бывают двух породов: усач (с одним горбом) и бертуган (с двумя горбами на спине). Нар, бертуган — самы чистокровны верблюды* (Малеча 1: 126).

Бура' 'верблюд-самец': – *Бура — верблюд-самец, злой он, кода бурится, не подходит, человека задавит. Буров-ти запрягают всё-таки, хомутья у них, как у лошади. Бура — двугорбый* (верблюд). Нукус, 1943. *Бура — это верблюд плевачкий* (Малеча 1: 126). **Бура'** 'верблюдица, которая плюет, яруя; жвака, плевач' Сиб., 'верблюд-самец Урал., Оренб. (СРНГ 3: 279; Аникин 2000: 142). 'Верблюдица' Южн. Краснояр. (СРГЮКК 2: 34). Скорее всего, из казах. *bura*, при алт. *bura*, тув. *būra*, др.-тюрк. *biyura* 'верблюд-самец', тофалар. *būr* 'лось' (Фасмер 1: 242; Аникин 5: 142).

Баспа'к 'полугодовалый или годовалый теленок': – *Баспаков держали в сарае, не пускали в стан. Нынче мы свово баспака продавать будем, не хотим растить*. Р. Урал (Малеча). Ср. казах. *баспақ* 'теленка' (Бектаев КРС: 93).

Тайла'к, тайля'к 'верблюжонок от одного года до трех лет': – *Маленький бутачонок, езди до трёх лет дожил, то это тайлак* (Малеча 4: 231). *Верблюд двух лет тайляк* (УВВ 1881: № 43). Ср. казах. *тайлак* 'годовалый верблюжонок' (Бектаев КРС: 432).

Тайчи'н 'теленка' (Малеча 4: 231). **Тайчи'на** 'полуторогодовалая телка' (Малеча 4: 231). Ср. казах. *тайыныша* 'телка (на втором году жизни)' (Бектаев КРС: 432).

Имеются также названия растений тюркского происхождения.

Акмамы'к 'трава': – *Такеи травы, как житник, акмамык, сильно питательны. Ниже по Уралу постепенно исчезают торн, жимолость..., но увеличивается пырей, нюнька, вейник, акмамык* (Малеча 1). 'Белая полынь' (Малеча 1). Ср. казах. *ақмамық* 'бескрыльница, шелковица' (Бектаев КРС: 37).

Акта'л 'белая ива, белая лоза': – *На полях здесь растут актал, красная верба и песчаный камыш* (Малеча 1). Ср. казах. *ақтал* 'белогол' (Бектаев КРС: 37). При широко распространенном — **тал** 'ива, лоза'.

В ряде случаев лексические данные яицких казаков, представляющие тюркские заимствования, могут совпадать с тюркизмами других территорий, однако они представляют разные источники.

Акы'л 'ум, разум, здравый смысл' (Малеча 1; СРНГ, 1, 228). **Акы'л** 'ум' (Данилевский, Рудницкий, 1927). «Голова»: – *У тебя акыл не варит, ты чего хинею порешь?* (Малеча 1; СРНГ 1: 228).

Акы'л 'ум, разум': – *У его, видать, на это дело акыл не хватат — школу-то кончить*. Кунгур. (Калинино) (Кунгурская trad., 24; СРГЮП 1: 28).

Кунгурские данные относятся к результатам татарского влияния, ср. татар. *акыл* 'ум, разум', при казахском источнике уральских, ср. казах. *ақыл* 'ум, разум' (Бектаев КРС: 49). Ср. также удм. диал. *акыл* 'ум, разум' при татарском источнике (Алатырев 1988: 73).

Акча', акчи' 'деньги': – *К сыночку бы съездить, да акчей в кармане-ти нет* (Малеча 1). Ср. казах. *акша* 'деньги' (Бектаев КРС: 37).

Акча' «деньги на языке конских промышленников» Бурнашев. Башк. АССР. **Акчи'** 'деньги' р. Урал (СРНГ 1: 228). **Акча'** 'деньги' Башк. (СРГБ: 18). **Ахча'** 'деньги' Самар. (СРНГ 1: 298). **Акса'** 'деньги' Сев.-вост. Башк. АССР). **Акся'** 'деньги' Красноуфим. Свердлов. (СРНГ 1: 227). **Акса'** 'деньги': – *Какой акса, так бери*. Сев.-вост. Башк. (СРГБ: 18). Вариант **акса'** трактуется как результат башкирского влияния (Юналеева 1961: 272), ср. турец., татар. *акча* 'деньги', башк. *акса* 'деньги', при чуваш. *укса* 'деньги' (Егоров 1964: 270).

В ряде случаев лексические материалы яицких казаков тюркского происхождения могут представлять собой общий пласт с русскими говорами других территорий, например:

Ага'ч 'костыль' Юго-вост. Кубан. (РГК). **Агачина** 'палка из карагача, палка': – *Сядь верхом и потумань* (воров) *агачиной с бахчей* (Малеча 1). Несмотря на то, что данные лексемы дистантны, а уральские материалы Малечи зафиксированы в зоне казахско-русских контактов, скорее всего речь идет о довольно раннем заимствовании, ср. тюрк. **agač* 'дерево', при татар. *агач* 'дерево', 'лес, древесина', перен. 'чурбан, дубина, болван', казах. *агаши* 'дерево, древесина, лес' (Бектаев КРС: 25), башк. *ағас*, ст.-осман. *agač* (СИГТЯЛ: 104).

В ряде случаев отмечается сходство тюркизмов в донских и кубанских говорах, при семантической спецификации ареала этимологически сходных единиц у яицких казаков.

Сага'н 'посуда для хранения мяса' Кубан. (Ст. Восточная) (РГК). **Сага'н** 'большая чаша с крышкою для наливания кушаний' Дон. (Опыт). **Сага'н** 'миска, супник (часто с ручками)' Дон. (Даль). *Саган — это чашка, борщ наливать*. Дон. Ворон. 'Глиняная миска с крышкою' Дон., 1848. 'Посуда для хранения молочных продуктов': – *Саган стоит в погребѣ с молоком*. Дон., 1975. 'Котел' Дон., 1975 (СРНГ 36: 16]. **Сага'н** 'металлический сосуд округлой формы для варки пищи на открытом огне; котел' (СДГВО). 'Широкая глиняная обливная посуда (часто с ручками)': – *Саган — просторный, он вроди кастрюли с ручками* (СДГВО). Ср. данные Словаря Малечи: **Сага'нка** 'голова; умственные способности' (Малеча 4). Имеются весьма обширные лексические данные, этимологически первичные, в языках Юго-Восточной Европы: ср. крым.-татар. *sahan* 'блюдо с крышкой, миска, чаша', укр. *саган* от араб. *saḥn* (Радлов 4: 282; Фасмер 3: 543). Представлено также в румын. (Молд.) *sahán* (XVIII в.) п. 'миска (металлическая)', 'поднос (металлический)', *săhan* 'то же', арумын. *san* 'тарелка; кастрюля', *săhán* 'тарелка', *săhâne* 'то же', *sánči*

‘блюдец’, алб. устар. *sahán* ‘глубокая тарелка, миска’, ‘медное блюдо’, ‘ли-зоблюд’, болг. *saxán*, макед. *саан* ‘медное блюдо’, серб., хорв. *sáhan* ‘медный таз (миска)’, н.-греч. *σαχάνι* ‘противень’, *σαγάνι* ‘то же’, *σαχάνι* ‘медное блюдо’ (ТЯЮВЕ).

Среди выявленных тюркизмов имеются единицы, общие для говора казаков-некрасовцев и яицких казаков: **Тара'к** ‘приспособление для чесания шерсти’ Казаки-некрасовцы (Сердюкова 2005: 285). **Тара'к** ‘гребень для расчесывания волос’ (Малеча 4). При единстве на тюркской почве, первый лексико-семантический вариант восходит к турец. *tarak*, второй к казах. *тарақ* ‘расческа, гребенка’ (Бектаев КРС: 435), хотя вполне возможно и их недифференцированное употребление, ср. татар. *тарак* ‘гребень, расческа; чесалка (льна)’.

Ряд тюркизмов, отмечающихся в бассейне реки Урал (Яик) имеют давние фиксации в памятниках письменности и могут рассматриваться на широком хронологическом фоне.

Алача' ‘ковер из бараньей шерсти казахского изготовления’: – *Ковёр самый лучший киргизский, алача называется* (Малеча 1: 64). **Алача'** ‘ковер из овечьей шерсти’: – *Ковер самый лучший киргизский алача называется*. Гурьев, Уральск. казач., 1871 (СРНГ 1: 232). По письменным источникам фиксируется с XV века: **алача** ‘бухарская ткань’ 1472 (СлРЯ 1: 17). Яицкие данные сопоставляются с казах. *алаша* ‘коврик, палас’ (Бектаев КРС: 41).

Ср. сходные данные: **Аладжа'**, **алача'** ‘шелковая и полушелковая полосатая турецкая ткань’ (Даль 1: 10), **ала'ч** ‘дешевый шелк’ Зап.-Сиб. (СРНГ 1: 232). Из тюркского континуума вошло в славянские языки: укр. *алажа'*, ст.-укр. *алажа* XVIII в., болг. *аладжá*, с.-хорв. *àladža*, *alàdža* и др. (ЕСУМ 1: 59). Ср. также: тур., азерб. *алача* ‘пестрая киргизская бязь’, татар. *алача* ‘пестрядь’ (Фасмер 1: 68; Аникин 2000: 59; Аникин 1: 139). Чуваш. *улача* ‘пестрядь, самотканая разноцветная шерсть’, рассматривается также на тюркской почве, ср. казах., каракалпак. *алаша* ‘палас, домотканый ковер’ (Егоров: 272). Отмечается, что во всех тюркских языках *ала* ‘пестрый, пегий, полосатый, с большими пятнами’ (Радлов 1: 351). Ср. также татар. *алача* ‘грубый полосатый холст’, башк. *аласа* ‘пестрядь, полосатая холстина’ (Федотов 2: 274). Финно-угорские данные — также тюркского происхождения, причем удмуртские данные, ср. удм. южн. *алача*, восходят к татарским источникам, а марийские, ср. мар. луг. *ола*, мар. горн. *ала* ‘пестрый’, — к чувашским: *ула*, *ола* ‘пегий, пестрый’ (Федотов 2: 274).

Таким образом, рассмотренные данные, преимущественно тюркского происхождения, представляют весьма значительный по объему материал, кото-

рый предполагает его комплексное детальное изучение, с выявлением непосредственных источников тюркских данных. Нередко лексика с тюркской основой имеет широкое распространение именно в казачьих говорах, являясь составной частью общего лексикона у донских, уральских, терских, грбенских, сибирских казаков.

Литература

- Алатырев 1988 — *Алатырев В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. 778 словарных статей / под ред. В. М. Вахрушева, С. В. Соколова. Ижевск, 1988.
- Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 1–9 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1. А–Аяюшка; 2008. Вып. 2. Б–Бдынь; 2009. Вып. 3. Бе–Болдыхать; 2011. Вып. 4. Боле–Бтарь; Вып. 5. Буба–Вакштаф; 2012. Вып. 6. Вал I – Вершок IV; 2013. Вып. 7. Верш I – Вняться II; 2014. Вып. 8. Во I – Вран; 2015. Вып. 9. Врандовать–Галоп.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. М.; Л., 1948–1965.
- Бектаев КРС — *Бектаев Калдыбай.* Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алмата, 1995.
- Большой толковый словарь донского казачества. Ростов, гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. М, 2003.
- Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- Даль 1–4 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- Картов А. Б.* Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.
- КСС — Казачий словарь-справочник. Т. 1. Абрамом – Ябловский / издатели А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. Кливленд, Огайо, США, 1966; Т. 2. Ибн-Батута – Пятый Дон. каз. полк / составитель Г. В. Губарев; редактор-издатель А. И. Скрылов. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968; Т. 3. Рал – ятовь / составитель Г. В. Губарев; редактор-издатель А. И. Скрылов. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1970.
- Малеча 1–4 — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
- Машковцев 2007 — *Машковцев В. И.* Сказки казачьего Яика. Магнитогорск, 2007.
- Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростовна-Дону, 1929.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

- Радлов 1–4 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899–1911. Т. I–IV.
- РБС — Русско-башкирский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа, 2005. Т. 1–2.
- РГК — Русский говор Кубани (словарь) / под ред. доц. Е. П. Шейниной, доц. Е. Ф. Тарасенковой. Авторский коллектив: Шейнина Е. П., Тарасенкова Е. Ф., Флоровская В. А., Кузнецова Р. Д., Скорлуповская Е. В., Шабалин М. Н. Краснодар, 1991 (Рукопись).
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград, 2011.
- Сердюкова 2005 — *Сердюкова О. К.* Словарь говоров казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.
- СИГТЯЛ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997.
- Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Т. 1 (А–Д). Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 296 с. Т. 2 (Е–М). Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. 376 с. Т. 3 (Н–П). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006. 400 с. Т. 4 (Р–Т). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 2008. 296 с. Т. 5. (У–Я). Краснояр. гос. пед. Ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2011. 192 с. (СРГЦКК).
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии / под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 2008.
- СРГСКК — Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / отв. ред. Г. Г. Белоусова. Красноярск, 1992.
- СРГЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / отв. ред. В. Н. Рогова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 1988.
- СРГЮП — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. В 3 т. Пермь, 2010–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–49. М.; Л., СПб., 1965–2016.
- Ткаченко П.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря. 2-е издание, уточненное и дополненное. Краснодар, 2008.
- ТРС — Турецко-русский словарь / сост. Д. А. Магазаник. М., 1945.
- ТЯЮВЕ — *Гирфанова А. Х., Лопшиов Ю. А., Петрович Снежана, Сухачев Н. Л.* Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных) / под общей ред. Н. Л. Сухачева (Рукопись).
- УВВ — Уральские войсковые ведомости.
- Фасмер 1–4 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Федотов 1–2 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 1–2.
- Юналеева 1961 — *Юналеева Р. А.* О некоторых тюркских словах в русских говорах северо-восточной Башкирии // *Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья.* Учен. зап. Казанского гос. университета. Казань, 1961. Т. 121, кн. 3. С. 254–274.
- Ялфимов 2007 — *Ялфимов А. П.* Предания. Рассказы. Байки из жизни яицких-уральских казаков. Уральск, 2007.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Summary

Sergey Myznikov

On lexical peculiarities of the Yaik (Ural) Cossacks dialect

The article concentrates on lexical peculiarities of the Yaik (Ural) Cossacks dialect. Certain thematic groups are singled out for their richness. The analysis of the vocabulary of Turkish origin is one of the main focuses. There is a great number of units of Kazakh origin and widespread Turkisms.

Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы

1.0. Как известно, в русских говорах с семифонемным вокализмом под ударением различаются две фонемы «типа е»; далее мы будем обозначать их как /e/ и /ê/. Фонема /e/ восходит к *e, *ь, фонема /ê/ — к *ĕ. Заимствованные слова, этимоны которых содержат ударный гласный e, в таких говорах вынуждены получать одну из двух огласовок: /e/ или /ê/. Насколько нам известно, принципы выбора одной из этих двух огласовок заимствованных основ в семифонемных говорах практически не изучены.

Аналогичную проблему представляет собой огласовка заимствований, этимоны которых содержат ударный гласный o. В говорах с семифонемным вокализмом такие слова вынуждены получать одну из двух огласовок: /o/ или /ô/, при том что в исконной лексике, в идеальном случае, фонема /o/ восходит к *ъ или к *o под праславянским «нисходящим ударением», а фонема /ô/ — к *o под праслав. «восходящим ударением». Выбор между /o/ и /ô/ в словоформах и словах книжного характера и в словах, место ударения которых отличается от раннедревнерусского, по памятникам письменности и некоторым говорам кратко охарактеризован в (Зализняк 1985 (2010): 176–177), где указывается, что в разные исторические периоды принципы выбора /o/ или /ô/ под «новым» ударением были разными и что для книжных слов характерна фонема /o/ (открытое), как и для слов с поздним сдвигом ударения. Материал по /o/ и /ô/ в заимствованных основах приводится в приложении к работе (Николаев 2015). В этой работе к числу заимствований в говорах отнесена очень разнообразная лексика: как слова иноязычного происхождения, так и исконная лексика, вошедшая в говоры через посредство литературного языка, городского просторечия, профессиональных языков и т. п.

В настоящей работе мы используем материал, записанный в селе Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. На данный момент материал по говору представлен двумя электронными ресурсами: базой данных в формате STARLING, построенной С. А. Крыловым на основе расшифровок аудиозаписей в фонетической транскрипции, выполненных А. В. Малышевой и авторами настоящей работы, общим объемом около 80 тыс. словоформ, и

Корпусом говора с. Роговатое [<http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/>], где аудиозаписи были аннотированы на литературном языке, объемом около 100 тыс. словоформ. Данные, использованные для создания этих двух ресурсов, не пересекаются. Для базы данных и корпуса использованы записи спонтанной речи 15 информантов старшего возраста (1919–1949 г. р.) и ответы некоторых из них на вопросники. Материал по огласовке заимствований взят только из записей спонтанной речи.

Село Роговатое, основанное в первой половине XVII века на месте сторожевой станицы, расположенной непосредственно на Кальмиусской сакме, населено в основном выходцами из Ливен и междуречья Дона и Воронежа (Зеленин 1913). Село расположено на севере Слобожанщины и в разное время относилось к Киевской, Харьковской, Воронежской губерниям; в 1950-е гг. отнесено к Белгородской обл. Это третий по величине населенный пункт Старооскольского р-на, где проживает более 3 тыс. жителей, с развитой инфраструктурой, сравнительно высокой занятостью населения (на землях села расположены объекты фирмы «Оскольский бекон»), с большим числом культурных учреждений (11-летняя школа, библиотека, два клуба, два музея). Благодаря активной позиции сельской интеллигенции, администрации и жителей в селе поддерживаются народные культурные традиции, в частности, существует два фольклорных коллектива; местный говор обладает определенным престижем.

Говор Роговатого относится к Оскольской группе южнорусского наречия. Ему свойственна архаическая система вокализма с семью гласными фонемами под ударением и архаическим типом аканья/яканья в 1-м предударном слоге. В морфологии присутствуют особенности юго-восточных говоров, распространенные в донско-окском ареале, и юго-западных, свойственных деснинскому ареалу говоров.

1.1. Географическое положение села и его вхождение в состав названных выше территориально-административных образований обусловило характер межъязыковых контактов носителей говора. Со второй половины XVI в. по настоящее время говор контактирует с украинским языком (в частности, сейчас в Роговатом постоянно проживает небольшое число украинцев), что в нем отражается на всех языковых уровнях; однако школьное обучение на русском языке, обучение литературной норме русского языка и влияние русскоязычных средств массовой информации в значительной степени сгладили результаты влияния украинского языка, по крайней мере в морфологии (Тер-Аванесова 2015). Заимствования из украинского языка в настоящей работе не рассматриваются, поскольку в интересующем нас аспекте они полностью

адаптированы к фонетике русского говора. Исключение составляют отдельные фамилии украинского происхождения, которые, впрочем, вошли в употребление не вследствие непосредственных контактов с носителями украинского языка.

В небольшом количестве в говоре представлены лексические заимствования из идиш, указывающие на контакты с носителями идиш (до Второй мировой войны), либо на контакты со славянским населением, украинским или русским, в речи которого присутствовали заимствования из идиш.

Важным и в значительной своей части — наиболее старым из рассматриваемых нами пластов заимствованной лексики говора являются церковнославянизмы, представленные именами собственными, их производными и некоторым количеством нарицательных имен и глаголов, вошедшими в церковнославянский из греческого или через его посредство, и словами с неполногласием в основе.

Подавляющее большинство рассмотренных ниже слов представляют собой относительно недавние заимствования, вошедшие в употребление носителей говора из русского литературного языка, его разных функциональных стилей, городского просторечия, профессиональных языков. Ниже мы рассматриваем слова, вошедшие в говор из этих идиомов, как единую группу, условно называя ее заимствованиями из литературного языка. Через посредство литературного языка и названных идиомов заимствованы слова из европейских языков, причем наиболее старые заимствования из европейских языков, по видимому, вошли в говор из городского просторечия. Как заимствования из литературного языка рассматриваются слова славянского происхождения, фамилии государственных деятелей и некоторые географические названия.

Перечисленные группы заимствований, разумеется, не претендуют на полный охват всех источников заимствованной лексики в говоре, а выделены с точки зрения нашего материала: имеющихся в нашем распоряжении примеров заимствованных слов, в основах которых имеются фонемы /e/ и /ê/. Не рассматриваются в работе заимствования в праславянский язык.

1.2. Фонемы /e/ и /ê/ в говоре Роговатого различаются достаточно отчетливо наличием/отсутствием *и*-образного элемента в начале звучания гласного: фонема /ê/ представляет собой дифтонг [ие], в котором [и]-образная часть имеет достаточно большую длительность, достигая иногда 2/3 общей длительности гласного (см. рис. 1–3); у фонемы /e/ *и*-образная начальная часть полностью отсутствует (см. рис. 4–6). Столь ярко выраженные дифтонги — репрезентанты фонемы /ê/ характерны для восточных и юго-восточных говоров с семифонемным вокализмом; северным и небольшому числу известных

западных говоров с семифонемным вокализмом сильная дифтонгичность /ê/ (а также /ô/) не свойственна (Высотский 1967; Савинов 2013). Разумеется, и в восточных и юго-восточных говорах, в том числе в говоре Роговатого, в определенных фразовых позициях происходит позиционная «монофтонгизация» дифтонгов, обусловленная краткостью или нечеткостью произнесения; при этом может наблюдаться плавный переход от *и*-образного к *е*-образному гласному. Такой тип произнесения не означает утраты противопоставления двух фонем и не свидетельствует об их нейтрализации¹.

Средняя длительность ударных репрезентантов /ê/ не превышает среднюю длительность репрезентантов /е/ (Дьяченко 2015: 244–297).

В ряде работ на основе аудитивных наблюдений делается вывод о том, что для говоров с семифонемным вокализмом характерна «полумягкость» или даже твердость согласных перед гласными переднего ряда; лишь в немногих говорах отсутствие смягчения наблюдается и на конце слова (Брок 1907; Высотский 1967; Пауфошима 1973; Касаткин 2007). В последнее время на материале говора Роговатого установлены акустические корреляты «полумягкости» согласных перед гласными переднего ряда: значительное повышение F2 на начальном участке гласных [е] и [и] после губных (рис. 1, 4, 5), менее выраженное повышение F2 на начальном участке [и] после зубных (рис. 2, 3), отсутствие изменения F2 на начальном участке [е] после зубных (рис. 6) — отражение коартикуляции гласных [и] и [е] и предшествующих «немягких» согласных (Дьяченко 2017: 11–34). По характеру коартикуляции согласных с последующими гласными переднего ряда говор Роговатого близок к английскому языку, а не к русскому литературному, см. (Кодзасов, Кривнова 2001: 170–173; Бондарко 1977: 65; Dellatre and others, 1955).

Неполное смягчение мы ниже обозначаем апострофом — знаком палатализованности, как это делается в ряде работ, например (Брок 1907).

¹ Особенностью системы гласных звуков роговатовского говора является то, что зона образования гласного [е] отчасти пересекается с зоной образования [и]. В частности, оба этих гласных имеют очень переднее образование, их F2 имеет значения 2700–3000 Гц (ср.: гласный [е] русского литературного языка имеет F2 = 2000 Гц, гласный [и] — F2 = 2500 Гц [Князев, Пожарицкая 2005: 82]). Различия между этими гласными в говоре заключаются в подъеме, [е] обычно среднего или верхне-среднего подъема, [и] — верхнего подъема. Соответственно, для [е] значения F1 = 450–500 Гц, для [и] F1 = 400–450 Гц.

Рис. 1. Дифтонг [иэ] на месте *ѣ в слове *поспела* [пасп'иэла]. (На спектрограмме видно небольшое повышение F2 в начале дифтонга — отражение коартикуляции «немягкого» [п] и следующего [и]; видно также понижение F1 и F2 в конце дифтонга перед твердым [л]; переходная часть между [и] и [э] среднего подъема передне-среднего ряда занимает примерно половину длительности дифтонга, ср. также рис. 2.)

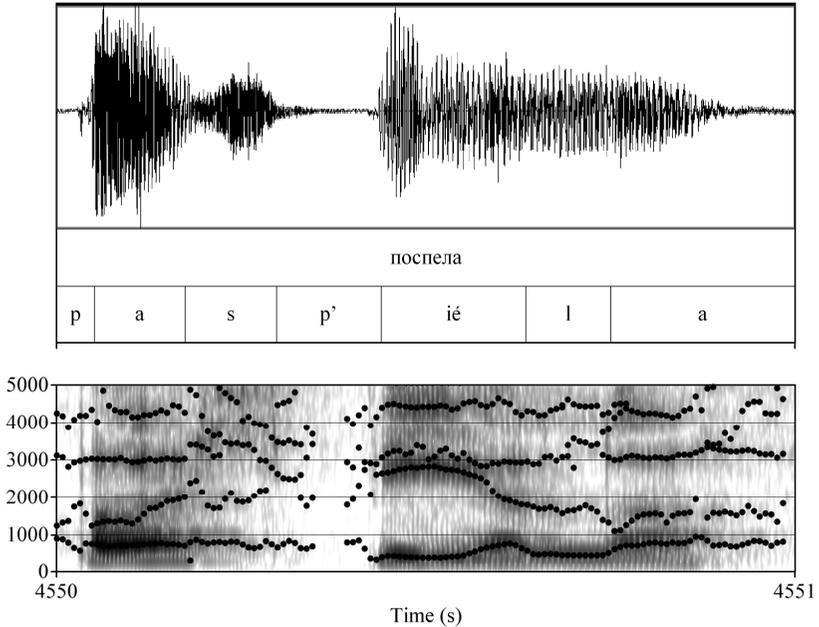

Рис. 2. Дифтонг [иэ] на месте *ѣ в слове *надела* [над'иэла].

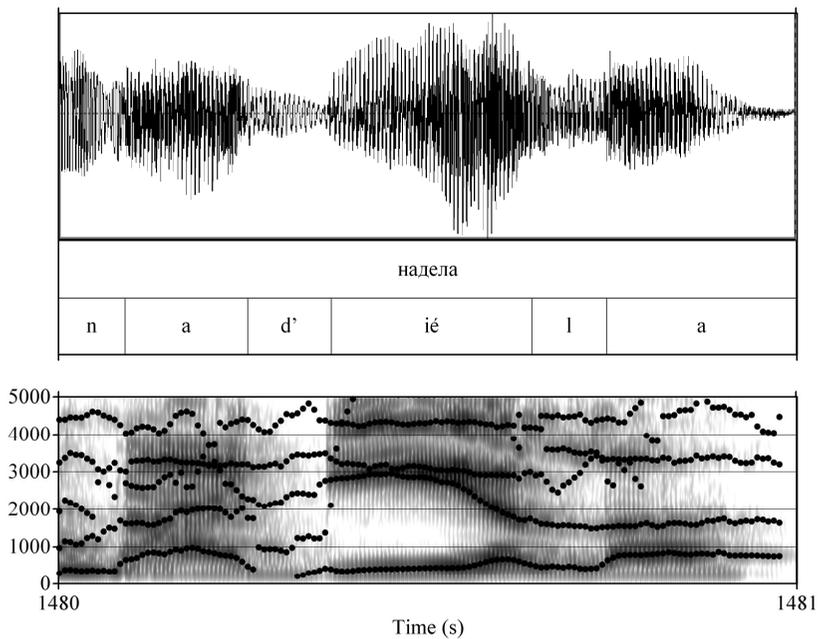

Рис. 3. Дифтонг [ие] на месте *ѣ в слове *сидели* [с'ид'иѣл'и]. (На спектрограмме видно небольшое повышение F2 в первой трети дифтонга как отражение коартикуляции «немягкого» [д] и следующего [и]; стационарная часть [и] приходится примерно на вторую треть дифтонга; чуть более чем последняя треть дифтонга соответствует переходному участку между [и] и [е] и довольно краткому [е] верхне-среднего подъема передне-среднего ряда; переходная часть между [и] и [е] очень краткая, по сравнению с [ие] перед твердым согласным, см. рис. 1–2.)

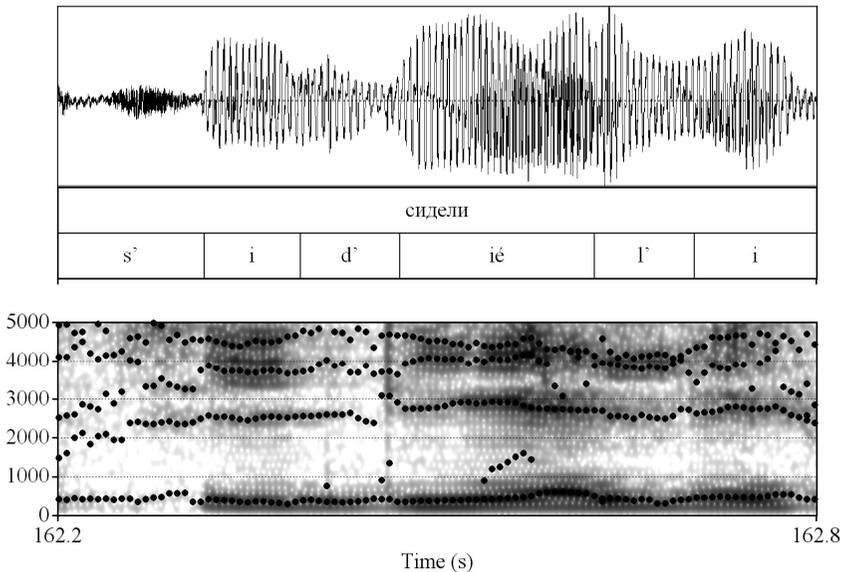

Рис. 4. Монофонг [e] на месте *e после губного согласного в словоформе 3 ед. *намеле* [нъм'él'e] (На спектрограмме видно значительное повышение F2 в начале гласного как отражение коартикуляции «немягкого» [м] и следующего [e], имеющее меньшую длительность, чем плавный коартикуляционный участок в начале [и] после губного, ср. рис. 1.)

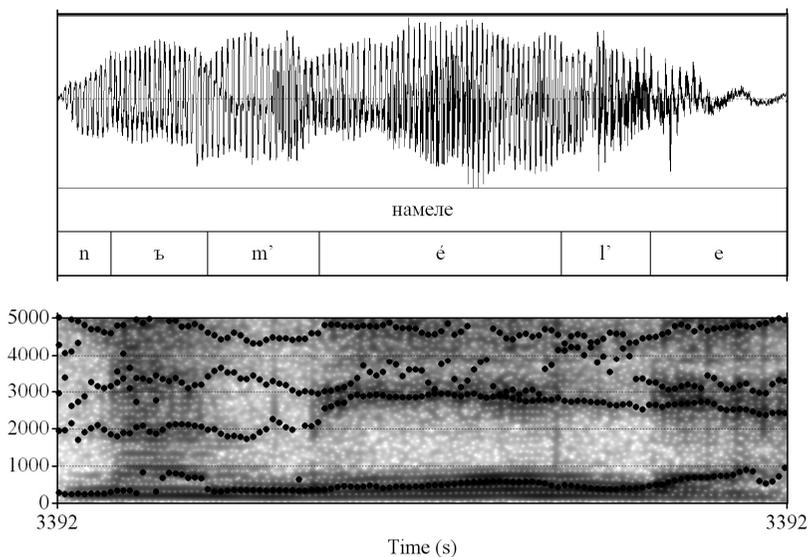

Рис. 5. Монофонг [e] на месте *e после губного согласного в словоформе 2 ед. *сожмешь* [с'ж'м'эш'] (на спектрограмме видно повышение F2 в начале гласного как отражение коартикуляции «немягкого» [м] и следующего [e], ср. рис. 4).

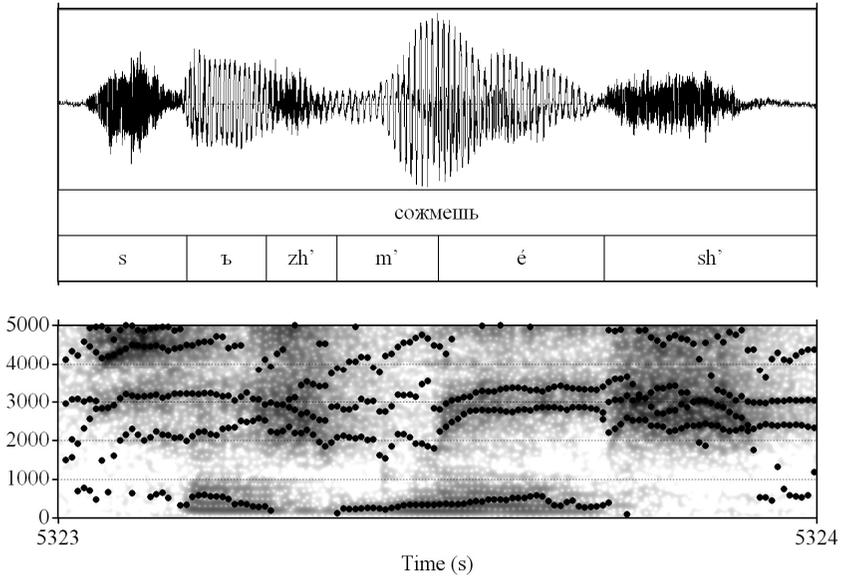
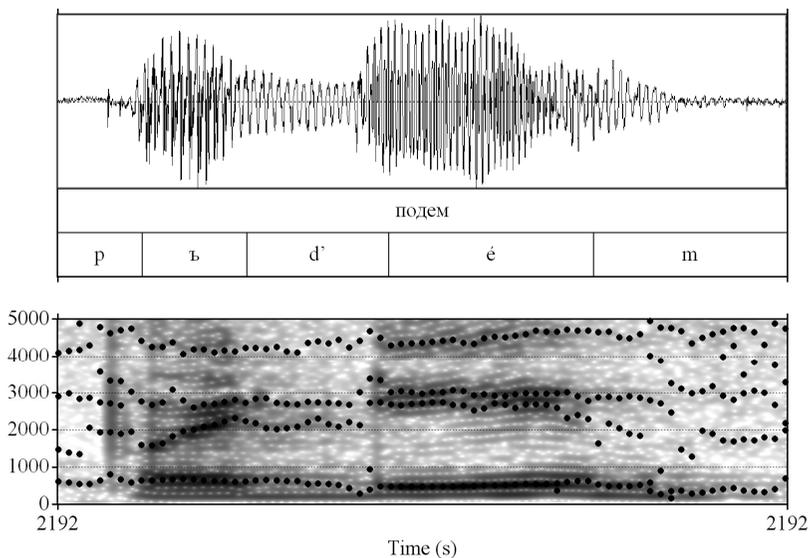

Рис. 6. Монофтонг [e] на месте *e после зубного [д] перед твердым губным [м] (на спектрограмме видно отсутствие существенного изменения F1 и F2 вплоть до конечной фазы; в конце звучания гласного F2 понижается, что соответствует коартикуляционному участку на стыке [e] и твердого [м]).

1.3. Колебания в употреблении /e/ и /ê/ в составе морфем и словоформ в говоре Роговатого невелики, и часть их приходится на заимствованные слова. По-видимому, большинство приводимых ниже заимствованных слов представляют собой освоённые слова, о чем говорит относительная стабильность огласовок их ударных слогов в речи разных информантов. Необходимо иметь в виду, что многие из ныне освоённых слов вошли в употребление в Роговатом, когда старшее поколение носителей говора уже были взрослыми людьми (часть слов, представленных в разделах 4, 5, частично — в разделе 2). Неосвоённые или недостаточно освоённые слова представлены в разделе 4.3, к их числу относятся и некоторые собственные имена (см. 2.1 и 4.2). Заимствованные слова, несомненно, усвоены из устных источников.

Различие фонем /e/ и /ê/ (а также /o/ и /ô/) отчетливо осознаётся носителями «семифонемных» говоров, см., напр., относительно Леки (Шахматов 1914), Арзубихи Харовского р-на Вологодской обл. (Тер-Аванесова 2008), в том числе и носителями говора Роговатого². Так, в Роговатом нам говорили, что в словах *хлеб* ([хл'иеп]) и *Глеб* ([γлеп]), *цеп* ([цйеп]) 'орудие ручной молотбы' и *цель* ([цеп']) произносятся разные гласные звуки, причем без каких-либо наводящих вопросов с нашей стороны. Подобные примеры можно многократно умножить. Носители «семифонемных» говоров без труда определяют наличие/отсутствие пар гласных /e/ и /ê/, /o/ и /ô/ в инодиалектной речи, в речи конкретного человека; они знают из опыта и из школьного обучения, что в русском литературном произношении этих противопоставлений нет.

Для вопроса об огласовке заимствованных слов важно то, как носители «семифонемных» говоров осознают соотношение пар /e/ и /ê/, /o/ и /ô/ с написанием букв «е» и «о» (в прошлом — и буквы «ѣ») и каково, по их мнению, правильное чтение этих букв. Это одна из любимых тем «металингвистических» рассуждений носителей «семифонемных» говоров, обычно они первыми обращают внимание диалектолога на то, что в русской азбуке не хватает букв, чтобы передать на письме то, как они говорят. По всей вероятности, это объяснение вынесено ими из школы. В послереволюционных школах учат записывать пары этих гласных одной буквой (ср. приводимый А. А. Шахматовым рассказ И. С. Гришкина о том, как его учили писать в школе

² Напротив, не осознаются ими чередования предударных гласных по правилу диссимилятивного аканья/яканья, что, в частности, свидетельствует об автоматическом характере этих чередований (так, некоторые жители Роговатого считают, что они говорят «на а и на я», и при скандировании действительно нередко, но не всегда, произносят предударное [а] независимо от качества гласного ударного слога).

д. Лека Егорьевского у. Рязанской губ., когда в русской азбуке была буква «ѣ»; Гришкин и его одноклассники сами обратили внимание неместного учителя на трудности соотнесения [o] и [yo] с написанием (Шахматов 1914)). При этом все без исключения информанты считают, что буква «е» «правильно» должна читаться как монофтонг [e] (а не дифтонг [ie]), а буква «о» — как [o] (а не [yo]). Оба дифтонга в их представлении — это специфически диалектные звуки, мало похожие на *e* и *o* (ср. термин И. С. Гришкина «фальшивое *o*»).

Это представление не является непосредственным «руководством к действию»: читая вслух, носители говоров произносят знакомые им слова в соответствии с тем, как они произносятся в говоре, а незнакомые — обычно с ударными монофтонгами /o/ и /e/. Далее, пытаясь найти литературный эквивалент диалектному слову, информанты (наиболее молодые и образованные из них, в первую очередь АФ), произносят это слово с монофтонгом. Как можно видеть дальше, некоторый разноречивый в огласовках заимствованных слов можно объяснить тем, что более молодые информанты стремятся произнести то или иное слово «на литературный лад».

Это представление находится в конфликте с тем обстоятельством, что в литературном языке и подавляющем большинстве русских «пятифонемных» говоров ударные гласные *e* и *o* являются дифтонгоидами, т. е. похожи по звучанию скорее на диалектные дифтонги [ie], [yo], а диалектные монофтонги [e] и [o] носителю литературного произношения «режут слух» (Высотский 1967).

Можно думать, что, усваивая (из литературного языка) новые слова, носители «семифонемных» говоров ориентируются на один из двух принципов: произносить в этих словах «правильные, литературные» монофтонги («говорить по-писаному») — или, подражая реальному литературному произношению, произносить дифтонги. Свидетельства того, что имитация литературного произношения имела место при усвоении новых слов из литературного языка, находим и в произношении безударных гласных, см. в разделе 5.

2. Заимствования из церковнославянского языка

2.1. Личные христианские имена в речи жителей Роговатого встречаются в народных (диалектных) и в канонических (церковнославянских) формах; у части имен диалектные, литературные, разговорные и канонические формы совпадают (о различии этих форм см. (Успенский 1969)). В основах личных имен и образований от них — притяжательных прилагательных, отчествах, фамилиях, гипокористических формах — ударные гласные

/e/ и /ê/ позиционно распределены: перед *j* выступает /ê/ (редко /e/), не перед *j* — /e/.

Перед *j* фонема /ê/ зафиксирована не только в основах мужских имен *Алексѣй*, *Андрѣй* (наряду с *Андрей*), *Матвѣй*, *Федосѣй*, но и женских *Евдокѣя*, *Марѣя* (наряду с лит., ц.-слав. формой *Мария* — о пресв. Деве Марии):

Алексѣвна (отчество) *Св'етлѣнь Ъл'акс'ѣвна* ДР; *Ъл'акс'ѣвна* МА;

Андрѣй, **Андрѣвна** (отчество) *Андр'ѣй*; *Андр'ѣвнъ*; *Н'ич'ѣвѣ*, *Йѣлѣнь Андр'ѣвнъ* ЕН; *Андр'ѣй* МК; **Андрѣй**, **Андрѣев** (притяжат. прилаг.) *Дъ ѣ мы вѣт нашл'ѣ д'ад'ѣ андр'ѣву пѣймѣл'ѣ шѣнку, кѣлпѣк* ЕН, *И ѣр'ит'*: *ѣтъ Н'еч'ѣев пльв'ѣ, д'ад'ѣ Ъндрѣй* ЕН;

Матвѣева (притяжат. прилагат., прозвище) *у нѣз былѣ Ол'е, ѣтъ, Мат'в'ѣйевѣ* ЕС;

Федосѣич *Х'в'идас'ѣич'* МК;

Евдокѣя *С'ѣр'иквѣ Ъивдак'ѣйе Кузм'ѣн'ишинъ* ЕС;

Марѣя *Цѣрствъ ѣѣй н'еб'ѣснѣйъ, Мар'ѣй, нѣвѣпр'ѣстѣвл'енѣй* ЕН; **Марѣя** *Н'епарѣч'нѣя д'ѣва Мар'ѣя* НИ.

В мужских именах /ê/ в говоре Роговатого соответствует литературному и разговорному украинскому [і] и отклоняется от написаний тех же имен по нормам русской дореволюционной и церковнославянской орфографии. Последние в основных чертах воспроизводят древние написания мужских имен, для которых характерны соответствия греч. -αιος : слав. -ѣи, греч. -εας : слав. -ѣи, греч. -ιους : слав. -ѣи, -ѣи, -ѣи. Русское литературное и современное церковнославянское написания, кроме того, зависят от места ударения (ударн. -ѣй, -ѣй — безударн. -ѣй):

Роговат. *Андрѣй*, *Андрѣй*, укр. *Ондрій* — ст.-сл. *анѣдреи*, *анѣдреа*, ц.-слав. *Андрей* (Дьяченко 1900: 17), рус. лит. (дореволюц. орфография) *Андрей*, греч. *Ἀνδρέας*;

Роговат. *Алексѣй*, укр. *Олексій* — др.-р. *Алексии*, ц.-слав. *Алексій* (Дьяченко 1900: 11), рус. лит. *Алексѣй*, греч. *Ἀλέξιος*;

Роговат. *Федосѣй* (в укр., по-видимому, только церковнославянское имя *Фе(о)-досій*) — др.-р. *Θεοδοσιѣ*, цслав. *Θεодосій* (Дьяченко 1900: 860), рус. лит. *Θεοδο-сѣй*, *Θεодсѣй*, греч. *Θεοδόσιος*;

Роговат. *Матвѣй*, укр. *Матвій* — др.-р., ст.-слав. *Ματθαι* (Супр.), *Ματτѣи*, *Ματτει*, рус. ц.-слав. *Ματθαι* (апостол евангелист Матфей), *Ματθιѣи* (апостол Матфей, преподобн. Матфей) (Дьяченко 1900: 300; Успенский 1969: 215), рус. лит. *Ματθαι*, *Ματѣѣй*; в греч. святцах также дифференцированы *Ματθαίος* (апостол Матфей) и *Ματθίας* (евангелист Матфей) (Успенский 1969: 217).

А. И. Соболевский указывает, что рус. написание *ѣ* в *Алексѣй* и некоторых других мужских именах греческого происхождения на -іосъ появляется под влиянием написаний имен на -іаос; написания личных имен с *ѣ* в соответствии с -іосъ, -еасъ появляются уже в древнерусский период; А. И. Соболевский также приводит древнерусские примеры написания женских имен на -ѣ(я), например, *Ісѣдоки* в Мстиславовом Евангелии XIV в. (Соболевский 1907 (2004), 72–73). Украинское и русское диалектное произношение, тем самым, может восходить к древней традиции произношения канонических имен. Ударение на элементе -ѣй, -ѣя (-ія), согласно исследованию Б. А. Успенского, соответствует великорусской канонической традиции XVI–XVII вв. (Успенский 1969: 72–76).

Не перед *ј* в личных именах в говоре произносится [e], что в целом соответствует их церковнославянским написаниям, укр. и рус. лит. произношению и написанию, в том числе по правилам дореволюционной орфографии. Можно предполагать, что часть приводимых ниже христианских личных имен, имеющих канонические соответствия, вошли в употребление относительно недавно. Это можно предполагать об имени *Валерий*, а также, по-видимому, *Глеб* — единственном имени в списке, форма которого в говоре Роговатого отклоняется от «этимологически правильного» написания, ср. рус. *Глѣбѣ*, укр. *Глѣб*, род. *Глѣба*. Возможно, /e/ объясняется именно «новизной» этого имени. Обращаем внимание на [l] «среднее» — репрезентацию фонемы /л/ перед /e/, а также на регулярные «краткие» реализации фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге ([ъ, e, и]), свойственные позиции перед ударным [e], а не [ие]:

Валѣрка *Вѣлѣрка* МП;

Глѣб *гѣлѣн* НИ;

Демѣнтева (фамилия) *Дѣмѣнтѣва* АД;

Елена, Лѣна, Лѣночка *Йѣлѣна, Лѣнѣчкѣ* 4х, *бѣбушкѣ Лѣнѣ* ЕН;

Матрѣнцев (фамилия или прозвище) *Мѣтрѣнцѣвѣ* ЕС;

Пѣтька, Пѣтюшка Зв. *дѣатѣ Пѣтѣкѣ* АД; И. *Пѣтѣушка, Пѣтѣкѣ* НИ; Р. *у Пѣтѣушкѣ* НИ; *Хто ѣд дарѣу вам дѣвѣѣе? А Пѣтѣкѣ ѣвѣврѣидѣ: дѣ Вѣтѣкѣ* МР; *Пѣтѣкѣ ѣвѣшѣлѣ, а он лѣ ѣбѣе канхѣ вѣтѣы* МР; *Пѣтѣа* МК;

Сѣргов день (день памяти св. Сергия Радонежского, престольный праздник Роговатого) *Сѣрѣувѣ дѣенѣ; а Сѣрѣувѣ дѣенѣ рѣлѣи рѣивѣзѣлѣи* ЕС;

Фѣдька *А кѣкѣ ты бѣдѣиши вѣтѣ Хѣвѣдѣрѣ, кѣкѣ ты бѣдѣиши Хѣѣтѣкѣе скѣзѣатѣ?* АФ; ДР 4х.

2.2. Две основы церковнославянского происхождения — *апрѣль* и *калилѣсить* экспресс. ‘куролесить: вести себя неподобающим образом’ — имеют под ударением /ѣ/ не перед /ј/:

апрѣль Ньч'ал'и с *апр'ѣл' м'ѣс'иць* уже *дѣват'* НИ;

калилѣсить С'ид'и, н'е къл'ил'ѣс' ДР; Ънá мѣжь и къл'ил'ѣс'ит', и бурѣв'ит' (говорить вздор) ДР; **калилѣсный, закалилѣситься** А патѣм зькъл'ил'ѣс'ил'ис', къл'ил'ѣсныи стáл'и вс'ѣ ДР.

Произношение *апрѣль* в говоре соответствует церковнославянской традиции и дореволюционному написанию (о вторичном *ѣ* в *апрѣль* и варьировании с *априль* см. (Аникин I, 247)); /ѣ/ в *калилѣсить* имеет соответствие в др.-р. написании *кирольсу* Κύριε ἑλέσθων (Фасмер II, 427).

Фонема /ѣ/ в основе *йеврѣй*, зафиксированная в говоре Роговатого многократно (*йавр'ѣй*, мн. *йавр'ѣи*), фонетически не соответствует ц.-слав. *евреи*, старому рус. написанию *еврей*, укр. *еврей*. Не ясно, вошло ли это слово в говор через церковнославянскую традицию, через лит. рус. язык или усвоено в результате непосредственных контактов с евреями³. Возможно здесь и влияние имен собственных на -ѣй вроде *Андрѣй*.

2.3. Основы с неполногласием. В основах с неполногласием стабильно представлена фонема /e/, что соответствует норме церковнославянского языка русского извода, начиная с XII века. То же наблюдается во всех русских говорах с «семифонемным» вокализмом.

врѣдный вр'ѣдный НИ;

время вр'ѣм'а, Д. врѣм'у, Т. врѣмем ДИ, АФ; Ну, тѣдá уш вр'ѣм'е долѣуѣя прѣшла — ѣнá н'икáк н'и уул'áѣе и н'дѣвáѣе мѣлкá ЕЖ;

плѣн, плѣнный плѣн, плѣнных ИФ;

запрѣ(с)т ‘запрет’ *запр'ѣсту* ЕС.

³ В архаичном и среднем слое народной культуры Роговатого отмечается своеобразное осмысление слова *еврей*, непосредственно связанное с традицией устных рассказов-быличек на евангельские темы. В этих рассказах фигурируют *жиды* — враги Христа и первых христиан; неясно, отождествляются ли *жиды* из устных евангельских рассказов с современными евреями, с которыми жители Роговатого в свое время могли иметь контакты, и неясно, существенна ли вообще национальная принадлежность *жидов*, скорее они предстают в рассказах как воинствующие иноверцы времен Христа. Вместе с тем рассказчики не раз подчеркивали, что Христос и его Мать были *евреями*, принадлежали к тому же народу, что и современные евреи. Одна рассказчица быличек, НИ, связала страдания Христа со страданиями евреев в годы Второй мировой войны, подчеркнув, что евреи со времен Христа до наших дней продолжают быть гонимым народом-страдальцем.

3. Заимствования из идиш зафиксированы с ударным /e/:

пéсики ‘виски’⁴ *А йаму́* (утонувшему) *уш этъ п'эс'ик'и абйёл'и рýбы* ЕН (ср. Фасмер III: 225);

хéдер: *кричать на весь хедер* *Йа там выступáль, пьздръвл'áль, мójшь хтó знýй, кр'ич'áль на в'эс' х'эд'ър* ДР; *Дь х'эд'ер ид'е-ть у машин'е, рабóтьйе х'эд'ер* ДР; *Н'и туды́ кúр'иць пьшлá, а óн кьзыр'к'óm* (матом) *нъ вэс' х'эд'ер* ДР.

Как можно видеть, информантка (1923 г. р.) считает, что (*кричать*) *на весь хедер* означает ‘во всю мощь, в полную громкость’, а *хедер* означает какую-то часть автомобиля (мотор?), которая при работе производит много шума. Между тем *хедер* в этом устойчивом выражении скорее может означать ‘комната, помещение’, чем ‘еврейская начальная школа’, ср. (Фасмер IV: 233).

4. Заимствования из русского литературного языка и городского просторечия. Эта группа слов не имеет четких границ. К ней относятся слова иноязычного происхождения и ряд славянских по происхождению слов, вошедших в говор через посредство литературного языка или городского просторечия. Круг последних очертить непросто, поэтому мы рассматриваем только такие слова, на заимствованный характер которых указывают отклонения от этимологически правильных рефлексов *е, *ь и *э.

4.1. Заимствования из европейских языков. Заимствования этого рода в основном вошли в употребление в XX веке, а некоторые — в самое последнее время (*эвро, хвазёнда*, последнее из бразильских телесериалов, популярных в 1990-е гг.). Вместе с тем есть и более ранние заимствования, известные в говорах в XIX веке (в нашем списке — *газёта, конхвёта, хватёра* (более позднее *квартёра*), *лёночка, тарёлка, интёрэсно, клéить, матёрья, цепь, шпéнт*, возможно, и некоторые другие).

У наших информантов наблюдается три типа огласовки иноязычных заимствований: 1) [э] (/e/), с предшествующим твердым согласным; 2) [е] (/e/), с предшествующим полумягким согласным («настроенным на [e]»); 3) [ие] (/é/) с предшествующим полумягким согласным, палатализованным сильнее, чем перед [е] («настроенным на [и]»). Первый тип произношения относительно редок, два других встречаются примерно с одинаковой частотой, причем обнаруживают очень высокую степень «лексикализованности» (варьи-

⁴ В говоре Роговатого практически «обменялись значениями» слова *пéсики* ‘виски’ и *вискí* ‘(длинные распущенные) волосы’ (в том числе конская грива).

рование /e/ и /ê/ в одной основе встречается редко). Обе фонемы, /e/ и /ê/, встречаются как в относительно старых, так и в новых заимствованиях.

4.1.1. Произношение [э] после парного твердого согласного зафиксировано в новых заимствованиях *антénна*, *коттédж*, *купé*, *фазéнда* (*хвъзэ́нда*), *штéкер*, в аббревиатуре МТФ (молочно-товарная ферма, *мэтэхвэ́*) и в суффиксе при основе-аббревиатуре: *газэ́ль* (автомобиль). В этих случаях произношение в говоре твердого согласного перед /e/ совпадает с лит. произношением. В двух словах у носителей говора наблюдается устаревшая или ненормативная твердость согласных перед [e]: *музéй* и *зоотéхник*. Название специальности и профессии *зоотéхник* с [тз́] встречается во многих деревнях; по-видимому, такое произношение некоторое время назад было нормой в училищах, где обучались этой специальности. При этом слова *тэ́хника*, *тэ́хникум* те же информанты произносят с [т'э́] — передне-рядным *e* и полумягким *t* (см. 4.1.2).

антénна *ънтэ́на* АФ;

газэ́ль *Ну ь нас хат'эл'и нъ ʎвзэл'и нъ какóй-тэ в'эс'т', с Н'урк'ью* ДР;

зоотéхник *Прэ ьтэ́хн'икэ нъп'исат', как он зън'имай'циць у карóвэх* ДР.

коттédж, **котте(д)жик** *Йей ьста́в'ил у кьтэд́жу, а сáм к мáт'ур'и уио́л* ДР;
кьтэ́жсык МК;

купé *купэ́* МК;

музéй *А шó ш этэ́ н'е пр'ишлá, кáк йей, из музэ́йа-тэ?* АФ;

метефэ́ *карóвы калхóзныи вот, мэтэхвэ́, базы* НИ;

фазéнда (шутл. — хата, старый крестьянский дом) *Хвъзэ́нды-тэ бь́л'и?* НИ;

штéкер *штэ́к'ер* МР.

Твердые согласные перед [э] также произносятся в образованиях от иноязычных фамилий *Бандера*, *Метревели*:

бандéр (выходец из Западной Украины) *А у цéр'к'w'и у нас – бь́ндэр* НИ;

Метревéлины (семейное прозвище, от прозвища главы семьи, которое он получил как нападающий сельской футбольной команды в честь грузинского футболиста Славы Метревели) у *М'итр'эвэл'иных* ТН, *М'итр'эвэл'ины* ТН.

Ср. также твердый согласный перед заударной /e/: *ка́мыра* (фотокамера) ЕЖ.

4.1.2. Фонема /e/ в заимствованиях из европейских языков: сочетания [e] с «полумягкими» парными по твердости/мягкости согласны-

ми; сочетания с непарными по твердости/мягкости согласными — твердыми шипящими и *ц*; сочетание [je]; [e] в начале слога. Ниже приведены примеры 27 слов с контекстами в таком порядке: слова, в которых ударный [e] находится после губных *п, ф, м*; зубных *т, с*; сонорных *н, л, р*; непарных твердых *ц, ш, ж*; непарного мягкого *й*; в начале слога.

пéнзия, пéнсия И. пéнсия *Пр'ишóл* — «*Мн'е п'атъуа, п'ен'с'ийá, дáй!*» АД; *п'ен'с'ийá* НИ; *Съб'ирéмс'е вóт бáнки у́ мъуаз'ин, у́вар'им, бáбы, спас'ибъ п'ен'с'ийъ, с къуó тр'ебвът'?* МП; В. пéнзия⁵ *Щáз вóт ул'án': п'ен'з'ийъ дъвáйут* ИФ; *у́судáрствъ кóрм'е, п'ен'з'ийъ дъвáйе* ЕФ; пéнсия *П'ен'с'ийа н'е дáл'и ишиó* АД; *Пълуч'áль тр'и́ццът' тр'и рубл'á п'ен'с'ийá, н'е зъ ш'а* АД; *А ты пълуч'áиш п'ен'с'ийе?* АД; *Нáм т'ипер' п'ен'с'ийъ н'ъ дъбáв'ут* АФ; *А суды вóт — шыйс'áт уáдóу сýну, нъ п'ен'с'ийъ п'ир'ешóл, он т'утъ рад'ил'с'и* АД; *Луд'áм дáл'и нърмáл'н'йу п'ен'с'ийъ, а д'еду н'е* МА; *Къудá нъ п'ен'с'ийъ п'ир'хад'илъ, п'ир'ав'ól м'ин'е бр'иуáд'ир с св'акл'и нъ т'ил'áт з'иму работът' ЕФ; П'ен'с'ийъ нъ пълуч'áль йа* ДР; *Стáриш'ийъ с'естрá пълуч'áль п'ен'с'ийъ; йа нъ пълуч'áль эту п'ен'с'ийъ* ДР; *Ну щáс п'ен'с'ийъ пъръвн'áли* МП; *Вóт р'áдъм бáнкъ с'ид'ит', ънá н'е работъль н'и ъдн'юó дн'á, а пълучáим п'ен'с'ийъ ўм'ес'т'е* МА; *И ад'ин рас тóкъ п'ен'с'ийе пълуч'ил* МК; *Щáс хóт' плóт'ут'-тъ, п'ен'с'ийъ б'едн'ему* НИ; пéнсию *Пълуч'áйе п'ен'с'ийу — йей ъддъвáйе* ДР; *Вán'к'е, шо т'ип'ер' нъ п'ен'с'ийу п'ир'ешóл, т'ут рад'ил'с'и* АД; *Скóкъ ш ты п'ен'с'ийу пълуч'áиш* НИ; *А рáние-то п'ен'с'ийу н'е дъвáл'и, ус'б сáми свáи, и пк'упáт' б'ылъ н'е зъ шта* НИ; *Бáнкъ Мархун'á-т' у нáс дъжывáла, йей в'ес'ьмнáццът' рубл'ей дъвáл'и п'ен'с'ийу мъмáиш* НИ; *И йаму дáл'и м'ин'мáл'н'йу п'ен'с'ийу* МА; *п'ен'с'ийу нъ пълуч'áйе* ДР; *уш нъ п'ен'с'ийу пшиlá* ДР; *Нъ п'ен'с'ийу йа п'ир'еишá* ДР; *П'ен'с'ийу пълуч'áйе — сьмá рьсхóдъвъйе* ДР; *Вóт нъч'áл'и п'ер'хад'ит' нъ п'ен'с'ийу, ъ ан'и у́вър'áт': у вас н'ету* МА; *А уш щáс т'ипер'е нáм, и н'а хóтиць н'ич'юó, п'ен'с'ийу пълуч'áим вс'ó, хóт' жáл'имс'е мы мáла, а л'уд'и ѡшиó йест' м'ен'ш'!* НИ; *А т'ут йá рán'шы уáдóв, п'иш'с'áт тр'и́ юдá мн'е, а йá уж нъ п'ен'с'ийу с'ела, дáл'и ш м'ин'мáл'н'йу срáзу* НИ; Р. пéнзии *Вóт мáль п'енз'ии. Ну, а ѡнá буъл тáх-тъ, вóт пр'ид'е, ул'áну, ѡнá ид'е, и с'ид'ит': «Вóт п'енз'ии мáль»* ИФ; Д. пéнсии *к п'ен'с'ии* АД; М. пéнсии *Дъ вóт мълъдóй он ишишó, а нá п'ен'сии он* НИ; *Мъмáиш, ишишó йей п'ид'д'ис'áт и п'ат'и н'е б'ыла, н'е нá п'ен'сии-тъ ишишó тáм н'е этá, нъм'ир'áли, сóркъ сóткъ йей нá-м'ер'ил'и, — а ѡнá увa вс'óм у ч'óрнъм хад'ила* НИ; В. мн. пéнсии *Л'уд'и йес'*

⁵ В говоре у слов на *-ия*, гораздо реже — у основ другого типа фиксируется безударное окончание В. ед. /а/ ([ъ]), видимо, первоначально фонетического происхождения (делабиализация безударного у), наряду с [у]. Делабиализации, однако, нет в других морфологических позициях (второй слог окончания В. ед. ж. прилагательных, Т. ед. ж. прилагательных, существительных, местоимений: *красн'йу, мнóйу* и т. п.).

с'ид'ѣл'и, н'е рабѡт'ѣл'и, и щас вѡт н'ѣнс'иш пълуч'ыл'и МАМ; И., Р., Д. *а йá уш – н'ѣн'з'ийѣ, к н'ѣн'з'иш ишиѡ, ѡт пължыла дѣ н'ѣн'з'ийѣ, йá уш дѣжыла дѣ н'ѣн'з'иш* ЕН; В.? *Тады нѣч'áл'с'и кáлхѡс, нáч'eláс'е éтá, нѣч'áл'и к н'ѣн'з'ийу éтѣ, пѣд'д'в'и-уáт', а у н'еуѡ уѡдѣ н'е хвѣтáйе* ЕС;

шпéнт *дойти до шпенту* 'исхудать' (ср. Фасмер IV: 472; впервые в словаре В. И. Даля: 'шиш, жельв, пустышка, ничего', *промотался до шпенту* (Даль IV: 643); *Вод дѣшла дѣ шп'энту — йéс'т' н'ѣ хач'у* АД, *дѣ шп'энту* АД;

инспéктор *Мы ад'ин рáс пр'ишл'и с' э́т'им с'ынсп'эктърѣм. Вот с'ынсп'эктърѣм, ууѣвáр'ивайт'е, штѡп налѡх зьплат'ыл'и* ДР;

фёрма *Йегѡ с'н'áл'и с'э́т'ый ф'ёрм'е* ДР;

докумéнты (паспорт, вид на жительство) *Тады, н'ѣкуды л'уд'áм д'еуáцицѣ, б'ез дѣкум'энтѣу — ан'и у л'эс, у вѡт éтѣт л'эс, л'эс туд быѣу ѣурѣмáднáй; А бáндѣ свѣйá былá, д'ѣциц н'ѣкуды, дѣкум'энтѣу н'ѣту; Нáшы л'уд'и, харѡиши л'уд'и — дѣкум'энт'и н'е дáл'и; Дѣкум'энтѣу н'ѣ бѣлѣ н'и у кѣуб, н'е дáл'и, н'е дáл'и дѣкум'энт'и!; Ус'ѣ пасмыл'ис'е ус'ѣ, аццѣл' ушл'и, дѣкум'энтѣу н'е дáл'и мужыкáм; у кѣуб дѣкум'энтѣу н'ѣту — у л'эс'е был'и, вѡт таб'и; Патѡм кѣкѡй-тѣ дадѣм'эл'с'и н'и-сáд' дѣкум'энт'и; Ну вѡт тады ѣнá р'еб'áтѣм дѣкум'энт'и; Дѣкум'энт'и н'е дáл'и н'икаму, вѣйехѣт' из двѣрá н'ѣ ш'и'ш'им, п'н'áл'? ЕС; *Йá тош хат'ѣлѣ, áт свѣйеуб муѣж дрáпнут', а дѣкум'энтѣу н'ѣ бѣлѣ, йа и ѣстáлѣс'е* НИ; з дѣкум'энтѣм'и НИ;*

мédик *м'éd'ик* МК;

матерье, матерьяце 'сукно' *Крác'или мат'ёр'йе* ДИ; *Ну и тáм мѣт'ёр'^иицѣ зьрабѡтáиш* ИФ;

тéма *т'эма* АФ;

тэхникум, тэхника *Сын т'эх'н'икум и ин'с'т'итут кѡнч'ил, ну а дѡч' н'ѣ, дѡч' рабѡтѣлѣ у мѣуаз'ин'е* МАМ, *а йа рабѡтѣлѣ нѣ т'эх'н'ик'и* ДР, *Т'эх'н'ика éта рабѡтѣйá, б'ез нáс, и бурак'и щас и пѡлут', и сѣжáйут' и, и уб'ирáйут', и л'уд'и н'е нужнѣ* НИ, *Ўс'д, т'эх'н'ика т'ин'ёр'* НИ; *т'эх'н'ика* МК;

сэс(с)ия *пѣдуáтѡв'ил'ис' к с'эс'иш* ДР, *пр'ыс'едáт'ьл' с'эс'иш* ДР, *абсуждáл'и нѣ с'эс'иш* ДР, *с'эс'ийу л'ад'ѣт'; в'адут' с'эс'ийу* ДР;

нѣрвы *Он бѡд'е йѣз'д'ит', м'ин'ѣ драз'н'ит', н'ѣрвы мн'ѣ пѡрт'ит'* ДР; *н'ѣрв; éтѣ у н'еѡ как'ийе н'ѣрвы, у éнтѣу П'эт'к'и?* АФ;

нѣфтѣ *Пѣуáд'и, дѣвáй прá н'эфт'* пѣбѣлáкѣм. *Цѣнá нá н'эфт'* спáла. *Знѣч'ит н'эфт'* спáла, *т'еп'ер' хтѡ буд'е в убыткѣ?* АФ;

клéнтъ *Анá там ус'д хѣрашѡ, йей тѡл'к'е хундáм'энт н'амнѡшкѣ вѡт аб-д'ѣл'ѣт'и и акл'ѣит'.* ДР; *вѡт éт вѡт ѣнá прáвдá нач'елá щас пѣмáуáт', и дѡм ѣп-кл'ѣла ис с'ир'ѡт'к'и з д'ѣвкѣм'и же с'уну́ч'к'ьм'и* НИ;

(э)пилéпсия *п'ил'ѣпс'ийа* ЕЖ;

интересно, интересный йаму ин'т'ир'эснь, сын и дбч' уч'уциъ атл'ичнй АД; Дьк ъна и энтй прдишльйй былй ин'т'ир'эснйй жьыз'н'а АД; Там былъ инт'ерэснь йаму ЕН; Этъ ш инт'ерэснь ЕН; Им инт'ир'эсна буд'е ТН; мят' вот съула-с'ильс', инт'ир'эсна! НИ; И во тьк ус'д йей инт'ир'эснь АФ, Мн'е тбжь инт'ир'эснь ДР, Этъ ж инт'ир'эснь: йа йеуб ишиш'у и увар'у: ид'е ты пр'вал'ил-с'и? ДР, Ой, там запл'ит'онъ инт'ир'эснь как-тъ нъ бак'у, бъл'шайъ къса ДР; Им инт'ир'эснь н'е так как мы жьйл'и как мы был'и, а им инт'ир'эснь как рьз'ува-р'ивь'ют' л'уд'и АФ; Ну, йа штб-н'ибут' инт'ир'эснйй, штбн ан'и с'м'ийал'ис'е, скаж'у ДР; Таб'е ш н'е интер'эснь етъ ч'итат'? АФ; Мбж ынт'ир'эснь ДР;

прémия В. Мн'е и пр'ем'ийъ дьвал'и, и пьч'отнйй хвьт'ур'ах'ийъ в'ис'ит' уу ул'у тбй хат'е ДР;

процэнт Ой, мй вам с'ем' прьцэнтъв! Дъ цб ш ты с'ем' прьцэнтъв бл'ат' нъбав'ил, а, эп'ат' уас пьдър'жэл! ММ;

цэмент цэм'ент ЕЖ;

цэнт(н)ер цэн'т'ер ПФ;

цэнтра (центральная часть села), **центр** Вот у нас ш'ас цэнтрь, цэнтрь былй. Вот ъна и сыч'ас у нас цэнтря. Вот нъ цэнтрь там съб'ирай'ут' етъ, ус'у, л'уд'ей, эт'их л'уд'ей, уармдишкй там, л'уд'ей эт'их страс'т' там ЕС; «Дъ нъ цэнтру мн'е надъ». Йа ур'у: «А зач'ем ты нъ цэнтру?» АД; Нас къда съид'ин'ил'и ф'н'ис'ат' ч'ит'в'ортъм уад'у, съид'ин'ил'и — былъ тр'и с'ил'сав'етъ: Пр'иб-р'ьжэзнскй, п'эрвй, там у наз был фт'рой, а туд был п'эрвй нъ цэнтре ДИ; И вон там на цэнтре табл'ич'кй — б'ез в'ист'и прьнафшй ММ; центр МР;

цэп цэп' ДР, НИ;

траншея И.мн. тръшией ЕЖ;

(**Жэнька** Жен'к'а МК);

диэга д'ийэта; йа ш йе руу'ала: што ты нъ эт'их нъ д'ийетъх с'ид'иш! ПФ;

эвро И. мн. йэвры ММ;

клиэнт кл'иэнт АД;

поэт тьдй хтб, тьдй н'е была этих, пьэт'ф-тъ съч'ин'ат', а ус'д сам'и, ус'е п'эсн'и, ус'е нашы НИ.

4.1.3. Фонема /ê/ в заимствованиях из европейских языков: сочетания [ие] с «полумягкими» парными по твердости/мягкости согласными; сочетания «полумягкими» задненебными согласными, непарными по твердости/мягкости. Ниже приведены 29 основ с примерами их употребления в таком порядке: слова, в которых ударный [ие] находится после губных *п, ф, м*; зубных *т, с, з*, сонорных *н, л, р*, задненебного палатализован-

хват'еры пъръстъньв'ил'и и уй'ехъл'и, а мы ъстъл'ис'е АД; Дъ мѣ у с'ал'ѣ нъ хват'ер'е стѣй'ал'и, ия, мѣйя мѣмъ, н'ав'ѣскъ, ѣтъ ус'ѣ пѣм'ер'л'и ЕС; новые значения: Ну свѣйя хват'ера, ну свѣйя ус'о, зъработъл'и законнъ ММ; Была хват'еря калхобзньй ЕС; И вон хват'еру дал'и, мълуд п туды уйт'ит', и мѣж бы как-ни-бут' там, там ѣт'и вот унуч'к'и, ан'и п хад'ил'и пѣмъл'ил'и, и хтѣ знаит ДР; Ну а т'ин'ер' ѣна ѣвар'ит', мы ѣту хват'еру прѣдъвѣт' н'а бѣд'им ДР; Сп'ервъ н'и дѣвѣйут' хват'еры, ѣсудѣрств'еньй АД; Д'ѣмушк'и, хтѣ жѣлѣйе, ѣствѣйт'ис'а, мѣ вам кварт'еры, пѣ двѣ, па тр'и ч'илзкѣ, кварт'еры ЕН;

Карусѣль кѣрус'ѣл' МР (народное название одного из районов Старого Оскола);

кас(с)ѣта У м'ин'ѣ кас'ѣта — двѣ събрѣн'ийя нѣшы 2х ТН; кас'ѣту пѣслѣт' у «Иурѣй ѣрмѣн'» 3х ТН;

газѣта мнѣуѣ ѣз'ѣт ч'итѣйу ДР, у ѣз'ѣт'е п'исѣл'и АФ; у ѣз'ѣт'е НИ; ѣз'ѣта МР;

розѣтка раз'ѣтка МР;

кабинѣт кѣб'ин'ѣт МР;

милиционѣр Бѣль с'ѣл'ицкѣй бѣл, м'ѣл'ициан'ѣры, нашл'и, пѣзъбрѣл'и ѣтѣт (спирт) АД; А вот ѣтъ ад'ин сын нап'илс'и Н'ус'ин — и м'ил'ициан'ѣры-тѣ йѣдут', иу два штѣк'и МР;

пенсионѣр, пенсионѣр п'ин'с'иан'ѣр МК, МР; п'ѣнс'иѣн'ѣры АФ;

фанѣра хванѣра А дошии нѣ н'еуѣ нѣбут'ил, ѣтч'ѣр'апѣушыльс' св'ѣрху тѣнкѣй н хван'ѣръ, стал пѣлхѣй стѣл ДР;

белѣт (билет) Ч'и тр'и рубл'ѣ плат'ил'и зѣ б'ал'ѣт МК; Зѣтѣмашѣл'ис'ѣ б'ал'ѣты пѣкѣзывѣт' АД;

лѣночка (ленточка; узкая полоска содранной липовой коры) л'ѣнч'к'и во ДР; Мы ѣтъ кѣдѣ — в'аснѣйу уш, штѣобы ѣнѣ ишо бѣлѣ в саку, и патѣм кат'илкѣм'и вот тѣк смѣтывал'и ѣту л'ѣнч'к'у какѣйу ѣбд'ир'ѣ, и пр'инас'ил'и дамѣй, и патѣм ан'и трѣх'и пѣтсѣхѣл'и, а патѣм из н'их цѣнѣѣл'и нѣзывѣйѣцѣ ДР; (возможно, контаминация заимствованного и исконного слов, см. Фасмер II, лента и лут);

комплѣкт И б'арут' ѣт'и двѣ клупкѣ, и у д'в'ѣ н'ит'к'и, зѣцѣпл'ивѣйут' зѣ ѣтѣт зѣ кл'ѣп, и тѣхтѣѣо снѣйут', и снѣйут', и снѣйут', ну кампл'ѣкт скѣкѣ-та нѣснѣовыѣйут' ДР;

котлѣта Катл'ѣтѣф — тады их н'ѣ бѣль, а т'ин'ер' то катл'ѣты, то как'и-тѣ ѣлупѣы-тѣ, ус'ѣ на св'ѣт'ѣ д'ѣлѣйут' ДР; катл'ѣты МП;

таблѣтка табл'ѣтка МК;

туалѣт, **туалѣт** *ф* *своѣ* туалѣт ДР, У м'ин'ѣ ишо вон ѣтът куп'ил'и мн'ѣ ѣтът кькѡй-та вот туалѣт, мѡжѣ вы в'идѡл'и, зькрывѡицицѣ ДР; Мѡмы зд'ѣльѣ тут тулѣт АФ;

юбилѣй *йуб'ил'ѣй* АФ.

по(р)трѣт *патр'ѣт* ЕЖ;

тарѣлка *Тѡм вот вѣ зьул'ѡн'т'ѣ, ѣттвар'ит'ѣ дв'ѣр'и, там скѡкъ пасуды стѣ-йѡлѣ тѣхтѡвѡ, тар'ѣлк'и как'и-тѣ, ч'ѡшк'и, как'и-т б'итѡны, и пѡлнѣ тѡм, ув'азл'и ѣей, ѣтѣ пѣнѣпхѡтѡ рѡзнѣй* ДР, *натур'иши пѡлну тар'ѣлку, с тар'ѣлк'и л'ѣйѣцѣ* ДР, *нѣбур'ит'* *ѣту пѡлну тар'ѣлку* ДР; *Йѡ как кѡшкѣ там ул'илѡ саб'ѣ тар'ѣлку,* сѣѣла МК;

тубарѣтка *са мнѡй ум'ѣс'т'ѣ пѣстар'ѣла, и тубар'ѣтк'и, и ѣѡ, и ѣс'ѡ пѣстар'ѣлѣ* АД;

букѣт *бук'ѣт уч'ѣрѡ нѣрвѣлѡ ѡжѣшинѣй* ДР; *из вот ѣт'их вот см'иѡл'ис'ѣ из бук'ѣтѣw* (над букѣтами) ДР;

пакѣт, **пакѣтик** *ѣт пак'ѣта, у пак'ѣт'ѣ* НИ, *нѣ кѡждѣм пак'ѣт'ику* ДР;

хокѣй *Кѣк вот у хак'ѣй ш'ас иурѡйут', а тѣѡ у суч'к'и* ДР, *Иурѡ у ѣтым, у хакѣй иурѡйут', иурѡ жѣ* ДР.

4.2. Слова славянского происхождения, заимствованные в говор из литературного языка. На заимствованный характер следующих слов указывает несоответствие /e/ и /ѣ/ этимологии корней.

извѣстие *Нѣ Маскѡу пѣсылѡл'и, скѣзѡл'и, б'ѣз ыз'ѣс'т'иѡа* (о без вести пропавшем во время войны) АД;

свидѣтельство *У нѡс пѣспѣртѡѡ н'ѣ былѣ, тѡкѡ с'вид'ѣт'ил'ствѣ ѣ рѣж-д'ѣн'иѡ былѡ* НИ;

обеспѣчивать *и ста'ит'* *вон — пр'ѡхѣ у м'ен'ѣ вон у ч'улѡне, и вот ѣѡ ѣс'ѣх ѡб'ѣсп'ѣч'ивѣю* АД;

полѣзный *О, ч'ѣр'в'ак'и ентѣ ѣѣс'т', вот у нѡс нѣпр'им'ѣр дѣжжѡвѡѣе ч'ѣр'в'ак'и, ан'и пѡл'ѣзнѣ, дл'и ѣрѡѡду, рѣхл'ѡт' ѣрѡт* НИ;

смятѣние или **сметѣние** (ср. в говоре Роговатого: *нас с'м'ал'и с л'иѡцѡ з'амл'и* — о периоде коллективизации; в следующем примере — предупреждение солдата отступающей Красной Армии о возможных боевых действиях и разрушениях): *А мѡт' вѡишлѣ, а ѡн сьлѡт ѣвар'ит': штѡ жѣ вы дѣлѣт'ѡ, вѣ п саб'ѣ хѡд' бы как'иѣ-н'ит' ѣѡмк'и-тѣ ѣѡѡв'ил'и бы, щѡж жѣ буд'ѣ кѣкѡѣ см'ѡт'ѣн'иѡ!* ИФ;

с(т)рѣдство (контаминация с *стрѣтитѣ*?) *Тѣѡ рѡн'ше нарѡднѣм'и стр'ѣт-вѣм'и л'ѡч'ил'ис', трѡвѣм'и фс'ѡ* НИ; на заимствование из лит. языка, а не на старый церковнославянизм в данном случае указывает /ѣ/ вместо обычной для неполногласных сочетаний /e/, см. 2.1.

На материале, приведенном в разделах 4.1 и 4.2, можно установить фонетические условия выбора между /e/ и /è/ при заимствовании в говор слов из лит. языка и близких ему источников. При заимствовании слов, в которых в лит. языке или другом источнике заимствования перед *e* произносится твердый согласный, парный или непарный по твердости/мягкости, или *e* (э) находится в начале слога, субститутом *e* (э) в говоре всегда является фонема /e/ (*штéкер, процéнт, транши́я, Метревéлины, бандéр, поэт* и под., см. 4.1.1, 4.1.2); то же наблюдается, если *e* в языке-источнике находится после *j* (*éвро, диéта, клиéнт*, см. 4.1.2.). Напротив, если в языке-источнике (чаще это лит. язык) перед *e* находится мягкий заднеязычный, то в говоре всегда выступает /è/ (*хоккéй, пакéт* и под., см. 4.1.3). Рус. лит. ударному *e* после мягких губных и зубных в составе заимствованных слов в говоре Роговатого может соответствовать как /e/ (*инспéктор, пéнзия/пéнсия, шпéнт, фéрма, докумéнт, мéдик, матéрья, тéма, тéхника, тéхникум, сéссия, интерéсно, прéмия, эпилéпсия, клéить, нэрвы, нэфть*), так и /è/ (*лисапéт, конфéта, мéтр, мéтрики, аптéка, библиотéка, фатéра, карусéль, кассéта, газéта, розéтка, белéт, комплéкт, котлéта, таблéтка, лёночка, туалéт, милиционéр, пенсионéр, портрéт, тарéлка, тубарéтка*); предшествующий согласный в говоре «полумягкий». Огласовка /è/, как можно видеть по перечням примеров, встречается после парных по твердости/ мягкости согласных всё же в несколько большем числе слов, чем /e/.

Те же закономерности выбора между /e/ или /è/, по-видимому, характерны для слов славянского происхождения, вошедших в употребление носителей говора из лит. языка, см. 4.2.

4.3. Фонема /e/ в именах собственных — фамилиях государственных деятелей и названиях отдаленных населенных пунктов:

Брэ́жнев *пр'и Бр'э́жн'ьву* ДР; *Бр'э́жн'ев* АФ;

Ельцын *пр'и Йéл'цыну* ДР;

Лéнин, Лéнин-Стáлин *Дáжэ Лéн'ин н'а мòх м'ин'áт' пòч'ч'ерк. Лéн'ин дáжы пòч'ч'ерк н'а мòх м'ен'áт', а тьé эт кькáйт' урámьтнэйт', — нэ менé ЕН; А плат'ил'и кáг бы, у нáс тады́ Л'э́н'ин и Стáл'ин, ан'и нам плат'ил'и мáла АД; Тады́ былэ́ ува ус'эх (хаты, крытые соломой), эт вот уш кал'и Л'э́н'ин-Стáл'ин уш ушóл с пьстá и был éтът, шы́х'в'ер АД; пр'и Л'э́н'ину пр'и Стáл'ину л'уд'эй сэжáл'и* ДР;

Лéнинград *рòл'ен'к'иш, а н'и ад'эццэ н'и абóуццэ н'эту, а пэ́ э́тэ, дáл'òкь-тэ в'ербэ́вал'и — у Лéн'инурáт, щáс-тэ йеуó н'е Лéн'инурáт завóут', щáс-т йеуó э́тэ,*

как-тъ йеуó ИФ; Ну, а йá двáццѣт' шаштóуь, скóкъ мн'ѣ бѣль, йа н'е знáйу, м'ил'н'к'ѣйе мѣйá, скóкъ мн'ѣ бѣль, йа пайѣхъль у Л'ѣн'инурáт АД; у Л'ѣн'инурáд'е АД; Йáмы ѣт'и пакѣпáим — тáм вѣдá, там бл'íскъ вѣдá, у Л'ѣн'инурáд'е АД; Лѣнынурáд⁶ Вóт йá с тр'ицáт' н'ѣрвѣуь, мѣ с н'ѣйу вм'ѣст'е нѣ тархú был'и, у Л'ѣн'инурáд'е ЕН; Этъ двѣ у зтáм, у Стáрѣм Ъскáл'ѣ жывут', а ѣднá л'иш у зтѣм, у Лѣн'инурáд'е ИФ;

Тѣрек Бржѣн'ик'úд'з'ицк'иш крáй, стáнцыйѣ Т'ѣр'ек ЕН;

Тюмѣнь Т'ум'ѣн' МК.

5. Некоторые свидетельства подражания литературному произношению при заимствовании слов в говор Роговатого; влияние «школьного» произношения.

Ниже рассматриваются две группы примеров, в которых в говоре Роговатого отражается влияние литературного произношения. Оба представляют собой незакономерное с точки зрения правила архаического диссимилятивного яканья появление гласного [и] в соответствии с /е/ в 1-м предударном слоге. Само выделение этих примеров возможно потому, что правило диссимилятивного аканья/яканья архаического, близкого к задонскому типа действует в говоре практически без исключений.

5.1. «Тиливизеры и тилихвóны»: отражение литературного яканья в заимствованных словах.

Некоторые слова иноязычного происхождения с предударным е усвоены из литературного языка со свойственным ему предударным иканьем; иначе говоря, эти слова восприняты носителями говора как содержащие фонему /и/ в первом предударном слоге. Это выражается в том, что в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъема в этих словах произносится [и], как в словоформах з'имóй, з'имѣ и т. п., а не [а], как в словоформах в'аснóй, в'аснѣ и т. п. Наряду с примерами, отражающими литературное иканье, встречаются варианты тех же слов с предударной /е/, реализованной в указанной позиции как [а]:

апильсинны ѣп'ил'с'ины ПФ;

пирсидский / персидский пирсидский А тады таб'ѣ н'ирс'ицк'им'и дарбóуу пр'ис'тал'у АД; А óн скзáл: «Умр'ѣш, дѣ клáдб'ишиш' н'ирс'ицк'их пашл'у таб'ѣ, пѣст'ал'у АД; уáвар'ил с'ѣл'ицкѣй: таб'ѣ н'ирс'ицкѣм'и пр'ис'тал'у дѣ сáмѣй

⁶ Фрагмент *Ленин-*, по-видимому, осмысливается как притяжательное прилагательное, суффикс которого *-ин* в говоре Роговатого не смягчает основу, ср. *мáмын, ан'утыны глáск'и*.

этэй... АД; Угад'ит' ией на́да, н'ирс'ицкэм'и эт'им'и АФ; персидский кавры́ н'арс'ицкэи пас'т'эл'е АФ;

телевизер, телевизор / **телевизор** теливизер Вот нь т'ил'ив'из'иру-ть ул'ан'иши — у цэркв'е там нарбоду, и мужык'и, и ус'о на с'в'ет'е ИФ; Тады в'еч'ерьм — д'о́ч' жив'е у уорьд'е, у Ста́рм Ъскал'е, а и́а та́м у н'е́й бы́ла — и во́т ъна т'эл'ив'из'ир-ть ук'л'уч'и́ла, а и́а — ад'и́н кьна́л пр'ам церко́ун'и́й ИФ; Пр'ив'азл'и́ т'ил'ив'из'ер, устро́ил'и т'ил'ив'из'ьр АД; см'отр'им, ук'л'уч'им вот, и усн'ём ньт т'ил'ив'из'ир НИ; у нас и та́м, у вр'им'ан'к'и б'ял'ио́й т'ил'ив'из'ир мн'е ньдар'и́ли, а ту́т вон стаит' х'ялад'и́л'н'ик НИ; ул'ад'ет' доч' нь т'ил'ив'из'иру н'е́ч'ьу́, адна́ хуйн'а, н'ич'ьу́о пут'о́вьу́р н'ету́ ММ; ъна́уды на т'ил'ив'из'иру два́ ма́л'ч'кь ММ; А ш'ас-ть л'у́ба: и я́с, и с'в'ет, и т'ил'ив'из'иры, и т'ил'их'в'о́ны, и м'е́с'иц и́а уру́ пр'ьид'е́ — ъха́нку д'е́н'их н'асу́т'! НИ; М'и́т', ук'л'уч'и́ т'ил'ив'из'ьр — ньд'е́ ук'л'уч'е́ НИ; И т'ил'ив'из'ер бузу́йе МП; телевизор Н'у́рка, вьк'л'уч'и́ т'ил'ив'из'ьр, а то́ ур'ьза́ ДР; Вот ньул'ажу́ т'эл'ив'из'ьр — м'ел'ка́йут' вь та́х-ть во ДР; В'ид'ик у м'ин'е́ и́ес'т', и т'ил'ив'из'ьр и́ес'т' ТН; телевизор Ты́ же зна́иши, как Хруш'о́в е́тът рабо́тъл, ка́к он куку́рузу с'е́ил, и та́м бу́дут нь т'ил'ив'из'ьру та́х-ть АФ;

телихв'он, телеф'он / **телехв'он, телеф'он** телихв'он т'ил'их'в'онн'ьй́й НИ; У н'еу́о т'ил'их'в'он пр'ём, ну он сп'и́т' — т'ил'их'в'он о́кьл и́еу́о ЕН; т'ил'их'в'онн'ьйе ЕФ; т'ил'их'в'о́ны НИ; телиф'он А ид'е́ х'о́ч'иши, нь ка́к'и́у е́ту, сто́р'ьну, т'ил'иф'он НИ; телеф'он Да, т'ил'иф'о́ны ка́к'и́е, во́н и в ъм'е́р'ику мо́ж'ьши ньзван'и́т' НИ; телехв'он нь свайо́м т'эл'их'в'ону ДР;

дезиртир Он кау́ д'ьз'ирт'и́р, их ш'ит'а́л'и НИ;

зифир з'их'в'и́ры МП;

кифир к'их'в'и́р ПФ;

электрический ил'иктр'и́ч'еск'ьй́ АФ; ыл'иктр'и́ч'иств'ь МР;

экспиртиза ыксп'ирт'и́за МР;

интерисуется у м'ин'е́ н'их'то́ н'и инт'ир'ису́иц'ь, д'о́ч' у м'ин'е́ эт'им н'и инт'ир'ису́иц'ь ТН.

Влияние литературного иканья отражается и в тех заимствованных словах, в которых в соответствии с предупредным *e* произносится [и] перед ударными гласными нижнего и среднего подъёмов при твёрдом правом консонантном контексте: в этой позиции в говоре Роговатого на месте фонем неверхнего подъёма обычно произносится «краткий» [e]:

делига́т Шас'т'оркь́ е́тъ пр'их'о́д'а, ишио́ у на́з был д'ил'иу́ат, Мьтр'е́нц'ьу́, ты́ и́еу́о н'е зна́иши? Д'ил'иу́ат Мьтр'е́нц'ьу́ бы́л, рабо́тъм' н'е хат'е́л, д'ит'е́й на́в'о́л, д'е́т'и у п'ач'и́ сп'а́л'и у́олаи ЕС;

гикстар п'а́д' у'икта́р нь ка́жн'ьу́ ч'илав'е́кь бы́ль МК;

опирация *ɔp'iráцыйа* АД;

титрадка *t'itrátка* АД.

В значительной части заимствованных слов такой же структуры произносится закономерный [e]: *в'ит'ерán* МК; *л'ет'ерán трудá* 2× АД; *м'етáл* ПФ; *мъм'ентáл'нъ* АФ; *р'емóнт* ПФ.

5.2. Читы́ре: влияние «школьного произношения». В числительном *четыре* (и *четыреста*) в И. п. в части примеров зафиксирован предударный [a], ожидаемый на месте *e по правилу диссимилятивного яканья, однако в другой их части произносится [и]:

(1) *ч'аты́р'е* АД 5×, ЕС 6х, НИ 4×, МП, ДР 3×;

(2) *ч'у́тыр'е* НИ 10×, *ч'у́тыристь* НИ 2×, ММ, ЕН 3×, АФ 2×.

Учитывая жесткость распределения [a] и [и] по правилу яканья в говоре, едва ли примеры с [и] можно объяснять влиянием произношения в позиции перед ударными гласными *a*, *o*, *e*: *ч'итв'э́рх* ДР, собират. *ч'итв'о́ра* АД 4×, ДР; *ч'итв'о́ртъй* МП 2×, *ч'итв'о́ртъйу* АФ; *ф'н'ис'áт ч'ит'в'о́ртъм'уáдý* ДР.

Самые старшие информанты 1919–1926 гг. р. (ЕС и АД, не учившиеся в школе, МП, закончившая 2 кл., и одна из самых образованных ДР) употребляют только «старую» и вместе с тем «правильную» в рамках фонетической системы говора форму *ч'аты́р'е*. «Новая» форма *ч'у́тыре* встретила у не учившейся в школе ЕН 1931 г. р., ММ 1936 г. р. и самой молодой АФ 1948 г. р.; варьирование с количественным преобладанием *ч'у́тыре* зафиксировано у НИ 1937 г. р. По-видимому, здесь отражается влияние «школьного произношения», начавшееся не ранее середины 1930-х гг. (ДИ, АД и МП ко времени появления нового произношения уже научились считать). Произношение *читы́ре* могло усваиваться при обучении счету (независимо от того, учился человек в школе или нет), а затем эта фонетическая форма получила распространение среди молодежи села.

6. Выводы. Представленные в работе заимствования в говор села Роговатого, имеющий архаичный «семифонемный» ударный вокализм, из церковнославянского языка, из русского литературного языка и городского просторечия, из идиш различны по времени вхождения в говор и обнаруживают разные принципы выбора ударных фонем /e/ и /ê/ в соответствии с e (ъ) в языке-источнике. В церковнославянизмах /e/ и /ê/ распределены в соответствии с традицией, истоки которой могут восходить к древнерусскому времени. В личных христианских именах, которые имеют в говоре в специфически диалектные формы, и их производных это распределение, по-видимому,

соответствует распределению /e/ и /i/ в украинском языке. В словах с неполногласием выступает /e/, см. разд. 2. Заимствования из идиш зафиксированы только с /e/, см. разд. 3; пути их проникновения в говор требуют дополнительного изучения (в результате контакта с носителями идиш или через посредство восточнославянских диалектов).

Большая часть нашего материала — слова, вошедшие в говор из русского литературного языка, профессиональных языков, городского просторечия. Последний из названных источников предполагается для старейших заимствований в говор из европейских и некоторых других языков. В XX веке заимствование происходит из литературного языка, в том числе его официальной разновидности, и из профессиональных разновидностей русского языка.

Среди заимствований из русского языка или через его посредство, как более старых, так и более новых, слова с ударными /e/ и /ê/ встречаются примерно с одинаковой частотой, причем варьирование /e/ и /ê/ в одной основе — случай достаточно редкий. Фонетические условия выбора между /e/ и /ê/ сводятся к тому, что всякий *e* литературного языка, перед которым находится твердый согласный и *j*, а также *e* в начале слога субституируются в говоре Роговатого фонемой /e/, а всякий *e* после заднеязычных — фонемой /ê/, см. раздел 4. В соответствии литературному *e* после парных мягких губных и зубных согласных в говоре Роговатого могут произноситься /e/ и /ê/, причем последняя встречается в большем количестве слов. Такие же принципы выбора /e/ и /ê/, по-видимому, характерны и для слов славянского происхождения, вошедших в говор из литературного языка, см. 4.3.

Отдельную группу представляют собой собственные имена, с которыми носители говора познакомились в XX веке: фамилии государственных деятелей, названия стран и отдаленных населенных пунктов (*Амэрика*, наряду с *Амэрика*, *Брэжнев*, *Ельцын*, *Лéнин*, *Лéнинград*, *Тюмён*, *Тéрек*, см. 4.2), которые произносятся с /e/. Первоначально при выборе огласовки /e/ в таких словах мог сказываться фактор новизны или неосвоенности слова. Возможно, фактором новизны обусловлена фонема /e/ в имени *Глеб*, см. 2.1.

Фактор новизны слова и обозначаемой им реалии в XIX–XXI вв., по-видимому, влиял на выбор /e/ носителями «семифонемных» говоров при огласовке слов, заимствованных из литературного языка. С определенным временем на выбор огласовки /e/ мог влиять и «культурный» фактор, а именно связанные между собой представления о том, что ударному *e* в литературном произношении соответствует диалектная фонема /e/, а не /ê/; и что именно фонема /e/ соответствует букве «е» и является ее правильным чтением, в то время как фонема /ê/ передается буквой «е» на письме лишь в силу необ-

ходимости, поскольку специальной буквы для ее передачи нет в азбуке. Следствием таких представлений является то, что некоторые люди младшего поколения, получившие образование, осознанно выбирают огласовку /e/ заимствованных слов, если хотят говорить более «литературно»; это наблюдается в речи АФ, которой принадлежат практически все примеры произнесения /e/ в тех заимствованных словах, в которых остальные информанты произносят /ê/, см. 4.1.2.

Напротив, выбор фонемы /ê/ для огласовки ударного слога заимствованных слов обусловлен фонетической близостью ее репрезентантов в говоре Роговатого и дифтонгоида [ʰe] — основного аллофона фонемы /e/ литературного языка. Имеется немало примеров, показывающих, что новые слова заимствовались в говор Роговатого в фонетическом облике, свойственном литературному языку. Примеры влияния литературного иканья на произношение и фонемный состав заимствованных слов в говоре Роговатого рассмотрены разделе 5.1, влияние литературного иканья на фонетическую форму числительного *четыре* — в разделе 5.2.

Список информантов

- ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919–2012, неграмотная, работала в колхозе.
ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923–2015, 10 кл., работала секретарем сельсовета и библиотекарем.
АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926–2013, в школе не училась, грамотная, работала в колхозе; в начале войны была «на окопах» в Воронежской обл., после войны работала на торфоразработках в Ленинградской обл.
МП — Мария Ивановна Плутахина (Гузеева), 1926, 2 кл., работала в колхозе, после войны была бригадиром.
МК — Мария Сергеевна Колесникова (Козлиха), 1929, 3 кл.
МР — Мария Родионовна Кудрина (Двоюшиха), 1930, неграмотная, работала в колхозе.
ИФ — Ирина Ивановна Фомина (Арина Монахова), 1931–2016, 1 кл., работала в колхозе, из Роговатого не выезжала.
ЕН — Елена Андреевна Нечаева (Алёна Немых, Капралова), 1931, неграмотная; в детстве жила в Сибири, в молодости работала на торфоразработках в Ленинградской обл., на кирпичном заводе в Москве; вернувшись в Роговатое, работала в колхозе.
МА — Мария Алексеевна Макарова, 1932, 7 кл., работала в колхозе, из Роговатого не уезжала.
ЕЖ — Екатерина Андреевна Жильникова (Деркачиха), 1935–2017, 5 кл., работала в колхозе; в молодости работала на строительстве здания МГУ.

- ЕФ — Екатерина Никитична Фомина (Гулюнчикова), 1935, 5 кл., работала в колхозе.
ММ — Мария (Мирониха по свёкру), 1936, работала в колхозе.
НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1937–2016; 7 кл., работала в колхозе; певица и поэт, руководитель фольклорного ансамбля с. Роговатое.
ПФ — Прасковья Ивановна Фомина, 1940.
АФ — Анна Ивановна Фомина (Метревелина), 1948, среднее специальное образование, библиотекарь.
ТН — Татьяна Васильевна Нечаева, 1949, высшее образование, выйдя на пенсию, живет в с. Роговатое.

Литература

- Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–11. М., 2007–2017–.
Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сб. ОРЯС, 1907. Т. 83.
Высотский 1967 — *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.
Дьяченко 1900 — *Дьяченко Г. М.* Полный церковнославянский словарь. М., 1900. (Репринтное переиздание: *Дьяченко Г. М.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993).
Дьяченко 2015 — *Дьяченко С. В.* Гласные первого предупредного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. М., 2015. С. 244–297.
Дьяченко 2017 — *Дьяченко С. В.* Особенности коартикуляции в южнорусском говоре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. С. 11–34.
Зализняк 1985 (2010) — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. (Переиздание: *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. М., 2010. Т. I. В переиздании сохранена нумарация страниц издания 1985 г.)
Зеленин 1913 — *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.
Касаткин 2007 — *Касаткин Л. Л.* Особенности консонантизма говоров Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области // *Slavica Helsingiensia* 32. Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера. Helsinki, 2007. С. 64–100.
Князев, Пожарицкая 2011 — *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика: учебник. М., 2001.

- Корпус говора села Роговатое — Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Мальшиева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: [http://www.parasolcorpus.org/Rogovatkaj].
- Николаев 2015 — Николаев С. Л. Новые данные о рефлексах *о и *ъ в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 90–188.
- Пауфощима 1973 — Пауфощима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1973.
- Савинов 2013 — Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.
- Соболевский 1907 (2004) — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Издание четвертое. М., 1907. (Репринтное переиздание: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. М., 2004. Т. 1).
- Тер-Аванесова 2008 — Тер-Аванесова А. В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008. С. 67–111.
- Тер-Аванесова 2015 — Тер-Аванесова А. В. Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 298–333.
- Успенский 1969 — Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1987.
- Шахматов 1914 — Шахматов А. А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии: (посвящается профессору Олафу Брокю). С.-Петербург, 1914.
- Delattre, Liberman, Cooper 1955 — Delattre P., Liberman A. M., Cooper F. S. Acoustic loci and transitional cues for consonants // Acoustical Society of America, Vol. 27, № 4, July 1955, Pp. 769–773.

Summary

Svetlana V. Dyachenko,
Aleksandra V. Ter-Avanesova

The phonetics of loanwords and loaned phonetics in a Russian dialect with seven vocalic phonemes: the stems with the [e]-like phonemes

The paper deals with the data of the dialect of Rogovatoje, Belgorod region; in its vocal system there are monophthong /e/ < *e, *ъ and diphthong /ê/ < *ě. In the words borrowed from Church Slavonic, in proper names /ê/ is pronounced before *j* (*Andrêj, Marêja*), /e/ in

other positions (*S'érgъv d'en'*). In *nepolnoglasije* /e/ is pronounced (vr'ém'a). This distribution is close to that in Ukrainian language. In loanwords that come from Jiddish /e/ is found (*x'éd'er*, *p'és'ik'i*). Many words from European languages and also from written Russian have been borrowed in XIX–XXI through standard Russian, professional and official variants of Russian and colloquial substandard “city” language. In such words, there are phonetical positions where phonemes /e/ and /ê/ are distributed (/e/ after hard consonants: *xвъzéndá*, *céntra*, after *j*: *jévry*, in the beginning of the syllable: *pъét*, /ê/ after velars: *pak'êt*). After labial and dental “semisoft” consonants both /e/ and /ê/ occur (*pr'émija*, *tar'élka*). For proper names familiar to the dialect speakers since XX c. /e/ is a common case (*Lén'in*, *Br'ézhn'ev*, but *Am'érika/Am'érika*). The factors of novelty and foreignness and also the factor of culture must be important for use of /e/ in loanwords, while the choice of /ê/ must be due to the imitation of the standard pronunciation. Some other cases of loaned phonetics are described in the article: the imitation of standard *ikanje* in loanwords (*p'irs'ick'ij*) and in a “school” word *chityre*.

Использование геоинформационных сервисов в диалектологии: лингвогеографическая характеристика производных от субстантивов в смоленских говорах

Традиция описания грамматических явлений диалектов с помощью картографирования языковых фактов и интерпретации полученных данных является устоявшейся и весьма богатой. В то же время картографирование фактов диалектного словообразования привлекало меньшее внимание исследователей по сравнению с другими областями грамматики.

Словообразовательный тип является одной из традиционных комплексных единиц диалектного словообразования. В связи с этим возникает вопрос о специфике описания этой единицы с учетом собственно диалектных характеристик и, в частности, с учетом географической дистрибуции элементов типа, поскольку именно прикреплённость языковой единицы к определенной местности и определяет ее диалектный характер.

Подойдем к решению этой лингвогеографической задачи на примере нескольких типов. Описание типа будет строиться по традиционной схеме, включающей описание, во-первых, специфики словообразовательной семантики производных слов и, во-вторых, характера отношений производящих и производных основ. Каждое из положений будет сопровождаться лингвогеографическими данными. Картографирование осуществлялось с помощью программы MapInfo, данные о населенных пунктах, где встречались слова, были извлечены из картотеки «Словаря смоленских говоров», насчитывающей полмиллиона карточек.

Словообразовательный тип отсубстантивных конкретных существительных с суффиксом *-овк(а)*, в орфографической записи также *-ёвк(а)*, включает 44 производных слова.

Модификационное и мутационное словообразовательные значения, выражающие идею предметности у производных диалектных существительных, представлены в словообразовательном типе неравнозначно. Модификационное значение отмечается у 16 производных существительных, тогда как мутационное — у 28. Оба типа значения являются собственно диалектными, поскольку в современном русском языке словам с данным суффиксом присуще совершенно иное, процессуальное, словообразовательное значение.

Модификационное словообразовательное значение разделяется на два подвида — тождества и подобия. Значение тождества выделяется у 12 производных слов: *гарцовка* ‘сосуд, стеклянная бутылка, бочонок размером с четверть ведра’, *гасовка* ‘коптилка’, *домовка* ‘дом, жилище’, *калитовка* ‘калитка’, *козюлёвка* ‘небольшая скамеечка’, *лобовка* ‘деревянная чашка, миска’, *лустовка* ‘небольшой кусочек хлеба’, *лучовка* ‘лучковая пила’, *мурцовка* ‘жидкое кушанье (род окрошки), приготовляемое из воды или кваса и мелко накрошенного черного хлеба с добавлением растительного масла или сахара’, *пелесовка* ‘тонкая, длинная полоска какого-либо материала, лыка, берёсты и под.’, *севаловка* ‘лукошко для ручного сева’, *шалёвка* ‘шаль, платок’, причем все они разнородны в семантическом отношении.

Значение подобия отмечено лишь у четырех производных: *гужовка* ‘веревка, которой увязывают возы с сеном, соломой’, *киёвка* ‘тяпка для обработки гряд’, *моторцовка* ‘коромысло’ и *ценовка* ‘палочка, разделяющая в ткацком стане основу пополам’, которые также не имеют общих элементов значения, позволяющих объединить их в группы.

Распространение слов с модификационным словообразовательным значением может быть проиллюстрировано на следующей карте (рис. 1).

Перейдем к следующему типу значения. Как было установлено, мутационное словообразовательное значение является наиболее распространенным в этом типе. Среди существительных, обладающих данным значением, можно условно выделить несколько семантических подгрупп.

Посуду и различные емкости называют слова *берестовка* ‘корзина, лукошко из бересты’, *квасовка* ‘деревянная бочка для приготовления и хранения кваса’, *липовка* ‘липовый бочонок’, *осиновка* ‘бочка из осины’, *селедовка* и *селедцовка* с одинаковым значением ‘бочка из-под сеledки’, *солодовка* ‘кадка’.

Одежду и ее детали именуют существительные *батистовка* ‘отделка из батиста’, *ватовка* ‘ватник, фуфайка’, *стволовка* ‘об облегавшей одежде (юбке, платье)’, *стунёвка* ‘портянка’, *шкурровка* ‘одежда из кожи’.

Головные уборы обозначают *атласовка* ‘атласный платок’, *муслиновка* ‘праздничный платок из муслина’, *пеньковка* ‘дешевый платок для повседневного пользования’.

Прочие существительные разнородны по семантике и не образуют подгрупп: *берцовка* ‘веревка, завязка у лаптей’, *возовка* ‘длинная крепкая веревка для увязывания сена, снопов и под.’, *журовка* ‘длинная загнутая на конце палка, которой мешали в печи кисель’, *задовка* ‘веревка (или часть ее) для укрепления сена, соломы и пр. в задней части повозки’, *колосовка* ‘пшеничная мука второго сорта’, *кулговка* ‘мешок из рогожи или холста’, *передовка* ‘лавка,

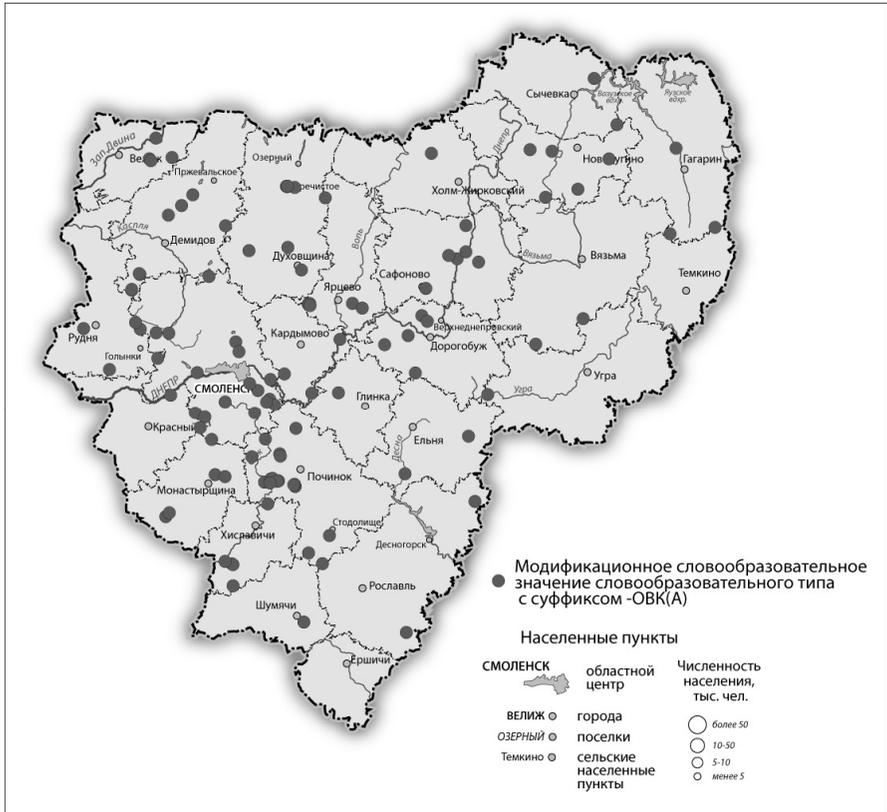

Рис. 1. Особенности распространения модификационного словообразовательного значения в типе с суффиксом -OBK(A) на территории Смоленской области

скамья', *рогачёвка* 'веревка, которая поддерживает рогач или рукоятку сохи', *сторожовка* 'сторожка', *судовка* 'тряпочка, мочалка для мытья посуды', *холодовка* 'отдушина в печи, предназначенная для вытяжки дыма', *хомутовка* 'игла для шитья хомутов', *шлихтовка* 'тонкая хлопчатобумажная ткань'.

Распространение слов с мутационным словообразовательным значением представлено на карте (рис. 2):

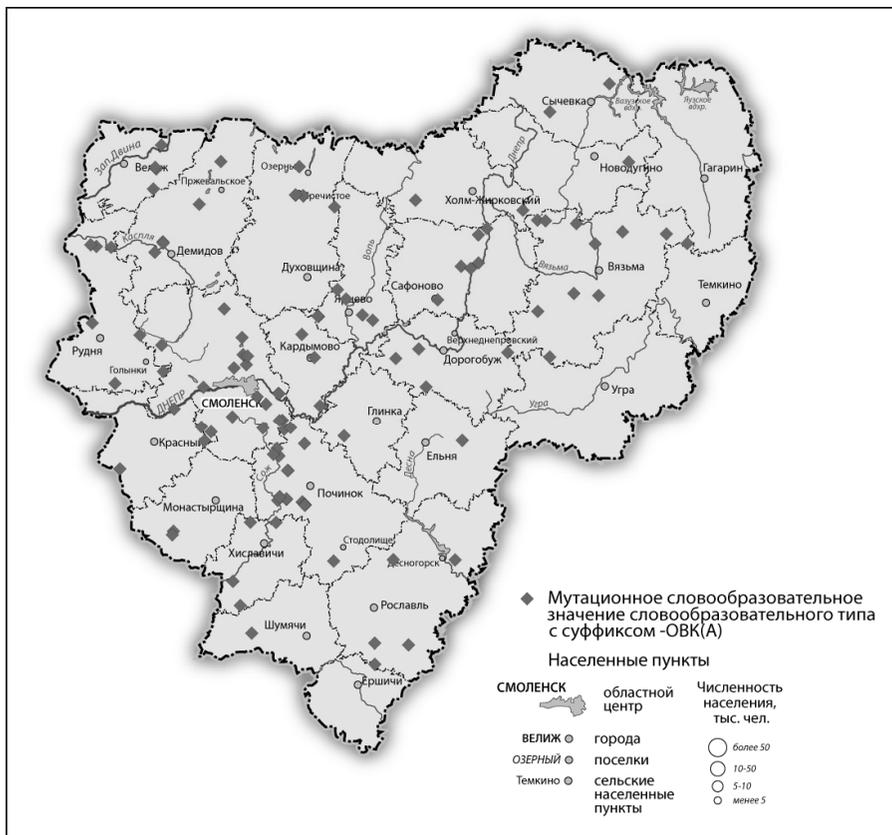

Рис. 2. Особенности распространения мутационного словообразовательного значения в типе с суффиксом -ОВК(А) на территории Смоленской области

Проанализировать особенности распространения слов со значениями словообразовательной модификации и мутации удобно, совместив полученные карты (рис. 3).

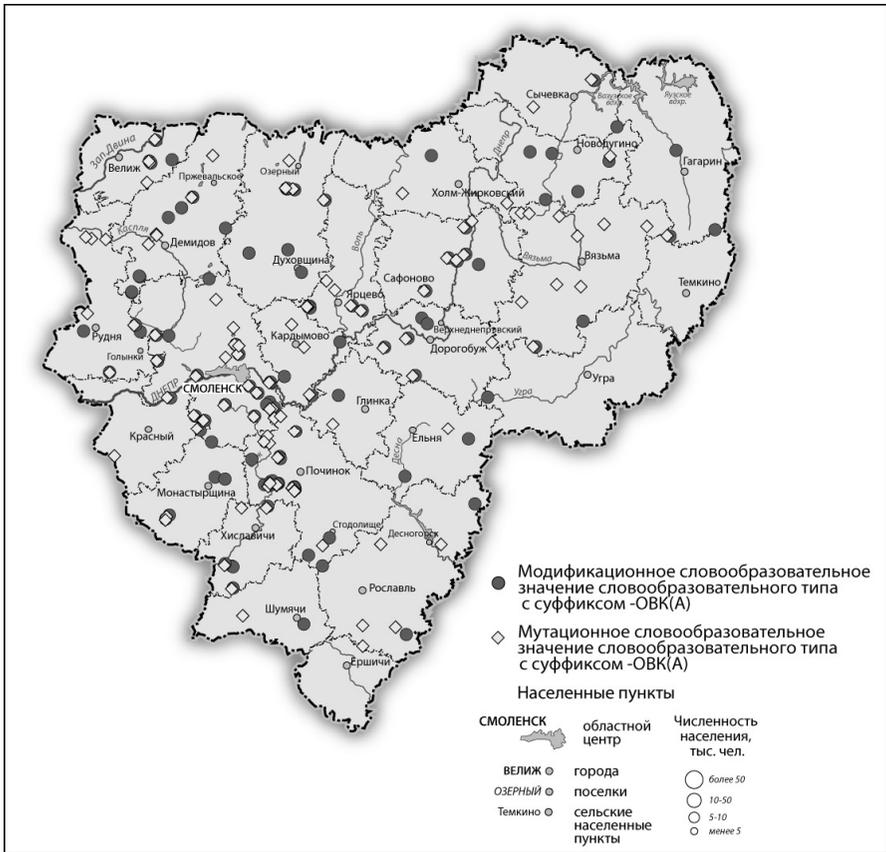

Рис. 3. Соотношение модификационного и мутационного словообразовательных значений в диалектном словообразовательном типе с суффиксом -ОВК(А)

Модификационное значение, уступая количественно мутационному, тем не менее достаточно равномерно распределяется по территории Смоленской области, преобладая, однако, в западной ее части.

Мутационное значение характеризуется повсеместным распределением, но при этом обнаруживает большую концентрированность в центральных районах области и относительно слабую — в восточных. Интересен факт

небольшого количества совпадений обоих типов значения в одних и тех же населенных пунктах — это может говорить о достаточно самостоятельном характере словообразовательной модификации или мутации в пределах типа.

Вторая обязательная составляющая диалектного словообразовательного типа — характеристика производящих основ.

Производящие основы в диалектном словообразовательном типе от субстантивов с суффиксом *-овк(а)* представлены предельно разнообразно: они могут быть производными и непроизводными, общерусскими и собственно диалектными.

Непроизводные производящие основы в рассматриваемом типе преобладают над производными, их отношение составляет 40 к 4, или 86% к 14%. Среди непроизводных основ в качестве самых частотных выделяются основы общерусские (*атлас* – *атласовка*, *батист* – *батистовка*, *вата* – *ватовка*, *дом* – *домовка*, *колос* – *колосовка*, *липа* – *липовка*, *луч* – *лучовка*, *ствол* – *стволовка*, *хомут* – *хомутовка*, *шал* – *шалёвка* и др. — всего 27 пар). Основы, известные смоленским говорам, встречаются в 13 парах: *берцо* – *берцовка*, *гарца* – *гарцовка*, *гас* – *гасовка*, *жур* – *журовка*, *калита* – *калитовка*, *козюля* – *козюлёвка*, *кулган* – *кулгановка*, *лоба* – *лобовка*, *луста* – *лустовка*, *пелеса* – *пелесовка*, *суд* – *судовка*, *цен* – *ценовка*, *шлехта* – *шлехтовка*.

Производные производящие основы используются в этом словообразовательном типе редко: известна общерусскому языку лишь одна основа (*селёдка* – *селёдцовка*), употребляются в говорах три (*моторец* – *моторцовка*, *муrcы* – *муrcовка*, *рогач* – *рогачёвка*).

Все производящие основы, таким образом, могут быть объединены в две группы по принадлежности к смоленским говорам или к общерусскому языку, сведения об этом могут быть нанесены на карту.

Особенности распространения диалектных производящих основ проиллюстрированы на карте (рис. 4). На данной карте обращает на себя внимание плотность существования диалектных производящих основ и повсеместное их распространение на территории Смоленской области.

Рис. 4. Распространение диалектных производящих основ в диалектном словообразовательном типе с суффиксом -OBK(A)

Рассмотрим теперь территорию распространения общерусских производящих основ (рис. 5):

Рис. 5. Распространение общерусских производящих основ в диалектном словообразовательном типе с суффиксом -OBK(A)

В отличие от диалектных, общерусские производящие основы представлены далеко не во всех районах области: наибольшая их концентрация наблюдается в центральных и западных районах.

При анализе характера производности существительных с суффиксом -овк(а) было установлено, что соотношение производящих основ в этом типе составляет 28 общерусских к 16 диалектным, т. е. общерусские основы преобладают. Однако отражает ли такое соотношение единицы реальную языковую ситуацию? Обратимся к лингвогеографическим данным и сопоставим результаты, опираясь на карту (рис. 6).

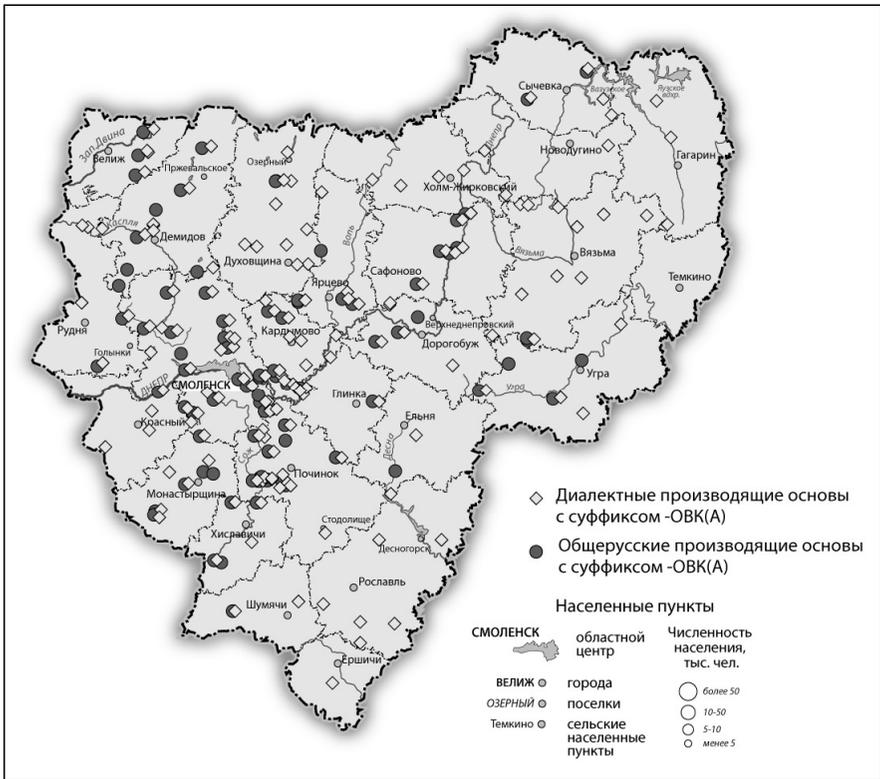

Рис. 6. Соотношение диалектных и общерусских производящих основ в диалектном словообразовательном типе с суффиксом -ОВК(А)

Как следует из данной карты, диалектные производящие основы, уступая по количеству единиц в этом типе (следует напомнить, что их лишь 16), тем не менее представлены значительно шире, чем общерусские (которых 28). Это создает своеобразный языковой парадокс: диалектная мотивация в диалектном словообразовательном типе является доминирующей, хотя соотношение общерусских и диалектных производящих основ изначально предполагало совсем иной вывод.

Картографирование характера производности в данном случае позволяет говорить определенно об особом языковом статусе частного словообразовательного типа в смоленских говорах.

Возможно, именно картографирование призвано стать процедурой, уточняющей важные факты, связанные с функционированием и историей возникновения и развития комплексных словообразовательных единиц в говорах.

Однако при картографировании диалектолог может столкнуться с некоторыми техническими сложностями.

Картографирование лингвистических данных осуществляется как вручную, так и с помощью специальных программ — геоинформационных систем (ГИС). Автоматическое картографирование имеет несомненное преимущество.

Чаще всего созданием карт на базе ГИС занимаются специалисты — профессионалы в области картографирования. При этом используются узкоспециальные программные средства, например, программы MapInfo, ArcView, ArcGIS, «Панорама» и др. Такие приложения требуют специальной подготовки, знаний в области географии, проектирования информационных систем и баз данных. Их использование для специалистов-филологов представляет значительную трудность.

Однако существуют сервисы, которые вполне доступны широкому кругу пользователей и не требуют глубоких профессиональных познаний. Одним из них является картографический онлайн-сервис Google Maps Engine (сейчас это сервис Google My Maps). Даже бесплатная версия Google Maps Engine Lite позволяет пользователям на основе карт Google создавать собственные карты, размещая на них нужную информацию, например, сведения о распространении лингвистических явлений. Для использования сервиса достаточно иметь аккаунт Google. Карты создаются и хранятся онлайн, их можно использовать для совместной работы нескольких пользователей.

Информация на карте может располагаться на независимых слоях в виде меток-значков. Каждая географическая метка прикрепляется к карте и имеет содержимое — в нашем случае это слово и его характеристики. Для прикрепления точки к карте можно использовать географические координаты либо названия населенных пунктов, стран, областей, иных объектов. В соответствии с данными карт Google метка добавляется в нужное место.

Метки на карту можно добавлять по одной, вручную, однако гораздо удобнее использовать загрузку большого массива данных с помощью таблиц Excel или Google. В структуре такой таблицы должны присутствовать столбцы, определяющие положение меток, — это координаты или названия населенных пунктов. Версия Google Maps Engine Lite позволяет добавить на карту до 10 слоев и на каждом разместить до 100 объектов. Этого вполне до-

статочно для анализа лингвистических данных, определения тенденций, выдвижения гипотез. Простота освоения этого сервиса дает также возможность его использования в обучении студентов филологических специальностей основам лингвогеографии в рамках курса диалектологии.

Обратимся к лингвогеографическим характеристикам диалектного словообразовательного типа отсубстантивов с суффиксом *-к(и)*, нанесенным на карту с помощью сервиса Google Maps Engine Lite.

Общая характеристика этого типа такова.

Словообразовательный тип с суффиксом *-к(и)*, объединяющий отсубстантивы с предметным значением, включает 30 производных слов.

В типе представлено словообразовательное значение двух видов — модификационное и мутационное. Модификационное значение отмечается у 21 производного диалектного существительного, мутационное — у девяти.

Необходимо отметить, что этот диалектный тип также является своего рода уникальным, поскольку в общерусском языке действует исключительно в сфере отглагольной деривации. Уникальность диалектного типа определяется именно его словообразовательной семантикой.

Модификационное словообразовательное значение в этом типе значительно преобладает над мутационным и разделяется на два подвида — значения тождества и подобия.

Значение тождества выделяется у пяти существительных: *кладки* ‘деревянный мостик’, *махорочки* ‘бахрома’, *монистки* ‘бусы’, *резьки* ‘приспособление для переноски сена, соломы скоту’, *сенки* ‘сени’.

Значение подобия выделяется у шестнадцати существительных: *бычки* ‘примитивное устройство для перевоза тяжестей, состоящее из двух полозьев разной толщины, скрепленных поперечными брусьями’, *видалки* и *вилки* ‘ухват’, *гачки* ‘инструмент, служащий для снятия коры; скобель’, *грабельки* ‘приспособление в виде грабель на косе, употребляющееся при косьбе хлебов’, *драбки* ‘выездные сани со спинкой’, *kozyрьки* ‘легкие узорные сани с крутыми полозьями’, *мотылки* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’, *мылки* ‘очень густое картофельное или гороховое пюре’, *ночѣвки* ‘род деревянного корыта’, *рамки* ‘телега с высокими бортами для перевозки сена’, *рожки* ‘старинный женский головной убор’, *ручки* ‘две ленты, украшающие женский головной убор или платье’, *скибки* ‘картофельный суп’, *требушки* ‘вафельный материал или изделия из него’, *червячки* ‘кушанье из вареного, протертого через решето картофеля или гороха’.

Мутационное словообразовательное значение отмечается лишь у девяти существительных: *дробинки* ‘выездная легкая тележка, возок со спинкой’,

дужки ‘самодельная плетенка из веревок, скрепленная двумя кольцами или прутьями, для переноски сена, соломы скоту’, *задки* ‘место позади дома’, *кляушки* ‘часть ботинка, разделенная шнуровкой и прикрывающая щиколотку’, *могилки* ‘кладбище’, *мостики* ‘крыльцо’, *полозки* ‘легкие сани’, *ровки* ‘доска с углублениями для выравнивания соломы на крыше’, *сподки* ‘штаны, брюки’.

Производящие основы в этом типе — производные и непроизводные, известные общерусскому языку и диалектные. Соотношение диалектных и общерусских производящих основ — 15:15, т. е. равное.

Непроизводные производящие основы, известные общерусскому языку, преобладают над остальными: их выделяется пятнадцать (*вилы* – *вилки*, *грабли* – *грабельки*, *дуга* – *дужки*, *зад* – *задки*, *могила* – *могилки*, *ров* – *ровки*, *требуха* – *требушки* и др.). Непроизводные основы, известные смоленским говорам, встречаются в десяти парах (*гак* – *гачки*, *драба* – *драбки*, *козырь* – *козырьки*, *ночва* – *ночѣвки*, *резвы* – *резьки*, *скиба* – *скибки* и др.). Производные производящие основы в этом словообразовательном типе немногочисленны и известны лишь смоленским говорам (*орабина* – *дробинки*, *кладь* – *кладки*, *махорки* – *махорочки*, *мотыль* – *мотылки*, *червяки* – *червячки* — всего пять пар).

Для графического отображения изберем, как и в предыдущем случае, во-первых, виды словообразовательного значения, и во-вторых, характеристики производящих основ.

Данные о словах и местах их употребления (населенных пунктах и районах) были собраны и упорядочены в виде таблицы, а затем размещены на карте Google. На рис. 7 отражены модификационное и мутационное словообразовательные значения. Они обозначены на карте кружками (модификационное) и ромбами (мутационное значение).

Обращает на себя внимание компактное расположение случаев словообразовательной модификации в центральных и юго-западных районах области и относительно дискретное расположение в районах, удаленных от центра. Предположим, что это могло быть вызвано объективной причиной — недостатком данных, но с другой стороны, могли действовать и собственно лингвистические причины, например, конкуренция словообразовательных типов, выражение сходной словообразовательной семантики с помощью других формантов.

Случаи словообразовательной мутации в этом типе, наоборот, демонстрируют иную тенденцию: они примерно одинаково, дискретно, расположены на всей территории области, за исключением юго-западной ее части, где не отмечено ни одного случая мутационного словообразовательного значения.

Рис. 8. Дополнительная информация о производном слове

Кроме того, метка, привязанная к населенному пункту, может содержать тот объем сведений, который необходим исследователю в конкретной ситуации.

Ссылка <https://www.google.com/maps/d/edit?mid=zeQLVPaMHxUc.ksAGR8anMESc> позволяет просмотреть данные о распространении диалектных словообразовательных значений в описываемом типе в формате on-line в интернете.

Количество информации на метке может быть расширено — сюда в отдельных случаях, например, целесообразно включать контекст употребления, который помогает уточнить не только словообразовательную семантику, но и нюансы в отношениях производности слова (рис. 9–10).

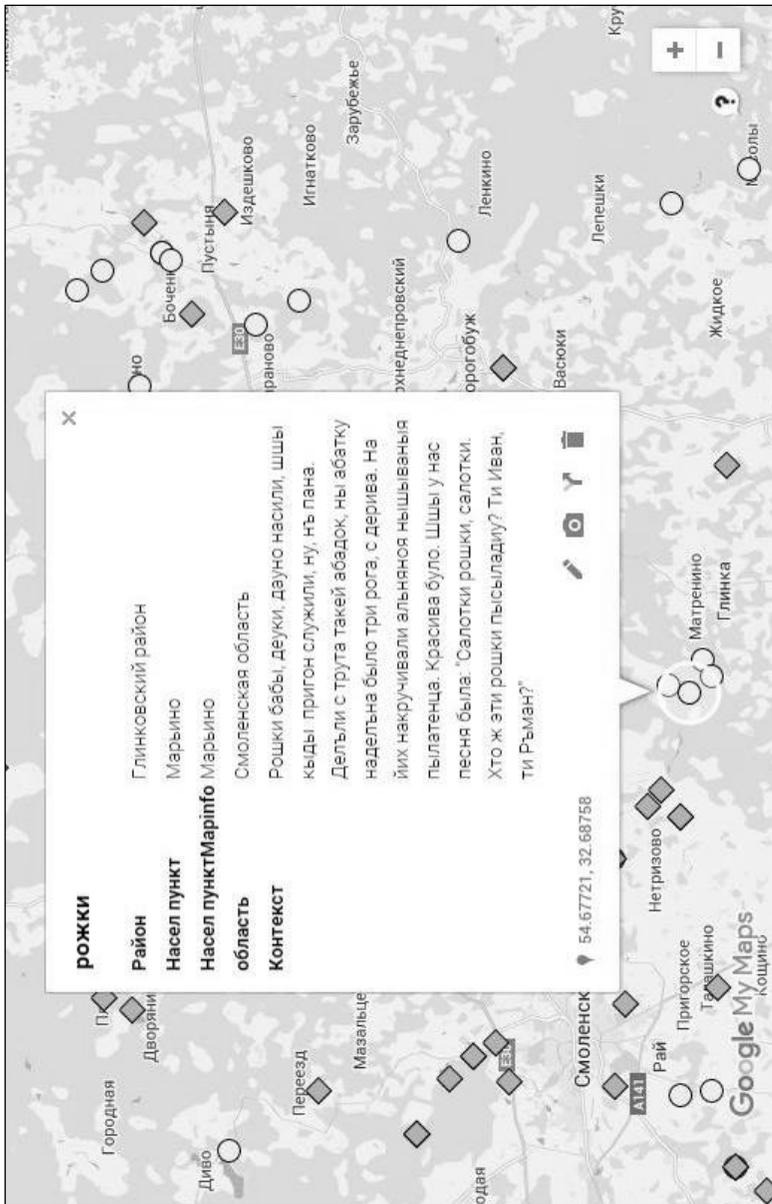

Рис. 9. Расширенная информация о производном слове

Существует и другой вид выдачи сопутствующей информации — в виде поля слева:

← рошки

Слово
рошки

Район
Глиньковский район

Насел. пункт
Марьино

Насел. пункт
Марьино

область
Смоленская область

Смоленская область

Контекст
Рошки бабы, деуки, дауно насили, шшы кыды пригон
служили, ну, нь пана. Дельфи с трута такей абадок, ны
абадку наделъна было три рога, с дерива. На йих
накручивали альпьяноя ньшыванья пылатенца.
Красива було. Шшы у нас песня была: "Сапотки рошки,
сапотки. Хто ж эти рошки пысыладу? Ти Иван, ти
Ръман?"

Рис. 10. Расширенная информация о производном слове

Рис. 11. Характер производящей основы в типе с суффиксом *-K(I)*

Данные о характере производящей основы, полученные в ходе анализа диалектного языкового материала, также подвергаются картографированию (рис. 11). На данной карте кружками обозначено распространение общерусских производящих основ, ромбами — диалектных.

В описываемом типе производящие основы разделяются на две равные группы: 15 общерусских основ и столько же диалектных. Однако нанесение данных на карту свидетельствует о другом — не о равновесии разных основ в одном типе, но о преобладании диалектного материала. Более того, диалектные производящие основы достаточно равномерно представлены во всех районах Смоленской области, в отличие от общерусских основ, которые почти не представлены, например, в западных районах.

Таким образом, в диалектном словообразовании картографированию могут подвергаться разные виды грамматической информации.

Первый вид данных, отображающий словообразовательную семантику, представляет интерес с позиций распространения словообразовательного значения и конкуренции его подвидов. Второй вид данных позволяет установить географическую дистрибуцию собственно диалектных производящих основ в конкретном словообразовательном типе и их объективное соотношение с общерусскими основами.

Картографировать диалектный материал можно не только с помощью специальных программ, требующих от диалектолога дополнительных познаний (как, например, MapInfo), но и с помощью ГИСов интернета (например, Google Maps), которые более легки в использовании.

Безусловно, создание диалектных атласов требует использования профессиональных программ. В случае же привлечения лингвогеографической информации как дополнительной характеристики сложного языкового объекта, на наш взгляд, можно использовать относительно простые ГИСы. В их пользу говорят следующие возможности:

- 1) работа над одной картой может производиться сразу несколькими участниками одновременно,
- 2) на каждую метку наносится тот объем сопутствующей информации, который необходим исследователям,
- 3) все данные можно хранить в «облаке»,
- 4) базы данных, на основании которых строятся карты, можно постоянно обновлять в соответствии с записями последних экспедиций.

Литература

- Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
- Ватлина Т. В., Евдокимов С. П. История атласного картографирования Смоленщины // ИнтерКарто-ИнтерГИС–20: Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение. Материалы международной конференции / под ред. В. С. Тикунова. Белгород, 2014. С. 398–408.
- Самарина А. Е., Лунькова Е. С. Использование картографических сервисов в обучении студентов-филологов // Инфокоммуникационные технологии в региональном развитии: Сб. трудов Межрег. научно-прак. конф. Смоленск, 2014. С. 139–141.
- Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- Сервис Google Maps Engine Lite. [Электронный ресурс] URL: <https://www.google.com/maps/d/>

*Summary**Jekaterina Lunkova, Anna Samarina***Geoinformational services in dialectology: geolinguistic description of noun derivatives in the Smolensk dialects**

The article looks at geolinguistic description of elements of two dialect word-formational types with suffixes *-ovk(a)* and *-k(i)* in the Smolensk dialects. Grammatical semantics and derivation relations in the first type are described in accordance with the MapInfo program's data, while the second description is based on the data of the Google Maps Engine service.

Программная обработка фонетических особенностей белорусских говоров центрального региона

В настоящее время, когда уже описаны основные фонетические особенности литературного и диалектного произношения, проведение исследований фонетической маркированности различных функциональных и территориальных разновидностей белорусского языка — литературного и диалектного — направлено, с одной стороны, на аргументированную кодификацию литературного произношения, культуру речи, а с другой стороны, на более углубленное исследование отдельных фонетических явлений и средств дифференциации речи в различных регионах. Современное изучение звукового строя языка является логическим продолжением предыдущих этапов исследования звуков, фонетики слова и суперсегментного уровня. Особое внимание в этой связи отводится изучению фонетики диалектного языка в его территориальных разновидностях как основы национального языкового развития. С точки зрения социально-языковой ситуации интересными представляются среднебелорусские говоры, которые наиболее близки к литературному произношению, а их фонетические особенности, как и особенности грамматики и лексики, имеют, как правило, выразительную двухдиалектную природу.

Актуальность подобных исследований предопределяется рядом причин. Во-первых, среднебелорусские говоры — это довольно широкая полоса, которая сложилась в результате совмещения и продолжительного исторического взаимодействия северо-восточного и юго-западного диалектных массивов. Во-вторых, их изучение постоянно притягивает внимание исследователей как ценный материал для создания полной картины звуковой организации устной речи, особенно в ее фонетическом облике, в «живом» произношении. В-третьих, учитывая, что частные фонетические системы разных диалектных групп, входящих в состав языка, тождественны в одних своих элементах и отличаются друг от друга в других, это обстоятельство может служить устойчивым признаком идентификации личности по речи и голосу.

В настоящей статье мы обратимся к островкам определенных остаточных и/или динамично изменяемых явлений вокализма, которые отмечаются на территории западной и центральной частей диалектной базы среднебелорусского произношения, а точнее — к говорам, расположенным вблизи Минска. Речь пойдет об отличиях, которые связываются с особенностями функцио-

нирования отдельных звуков в конкретных лексемах и грамматических формах, не совпадающих с тем, как это происходит в литературном языке.

Можно вспомнить, что, например, исследователи не раз отмечали наличие долгих гласных в первом предударном слоге в позиции перед гласными верхнего подъема под ударением. Н. Т. Войтович, описывая речь жителей деревни Теребейное Столбцовского района Минской области, отмечала: «Долгий гласный произносится протяжно, нараспев /как бы *лоозы*/, с повышением тона голоса в начале слога при дальнейшем его снижении, а временами резким падением на месте ударного слога» (Вайтовіч 1973: 11).

Жителей этой деревни за растягивание, затягивание, пение гласных называют «церабейнскія пявунчыкі». А еще говорят, что «церабейнаўку» сразу узнать можно по разговору. Автор приводит даже такую самооценку информантов: «Тых няма, што больш пацягвалі, так працяжна і спакойна: цяпер гавораць быстэрэй, а дзеці вучацца ў школе — адвыкаюць. Раней вельмі пацягвалі, асабліва старыя. У нас і цяпер гавораць з працягам старыя і моладзь з простых: роодны браат, л'уудз'і» (Вайтовіч 1973: 15).

В данном случае нам интересно существование долгих гласных неверхнего подъема перед ударными гласными верхнего подъема в говорах Столбцовщины. Это явление представляет интерес не только для белорусского, но и для общеславянского языкознания и ждет специального изучения с применением звукозаписывающей аппаратуры.

Если продолжать разговор о таких речевых маркерах или несоответствиях в литературном и региональном произношении, то также необходимо отметить, что в отдельных белорусских говорах фиксируется лабиализация ударного гласного [o] в позиции перед неслоговым губно-губным [ʏ] в лексико-грамматических условиях, в которых в литературном языке закреплён гласный [a] (как, например, в соотносительных парах слов типа *проўда, узёў // праўда, узяў*). Эти фонетические особенности имеют выразительный отличительный, иной от литературных норм характер. По этой причине они остаются существенными чертами, по которым может определяться диалектная принадлежность говорящей личности. Материалом для синхронного описания анализируемых особенностей среднебелорусских говоров послужили тексты и аудиозаписи речи информантов населённых пунктов Минского, Пуховичского, Борисовского и Червенского районов Минской области, записанные исследователями в разное время.

Вообще, если говорить о среднебелорусских говорах, то они вызывают постоянный пристальный интерес исследователей, в том числе и с точки зрения приближенности их к литературному произношению, которое, как

известно, характеризуется последовательным полным недиссимилятивным аканьем. Возможно, что именно на таком контрастном фоне особенной выделяемостью объясняется и вообще редкое в речи белорусов произнесение звука [o]. Хотя, по мнению исследователей, эта позиционная фонетическая особенность является единственной, которую можно считать самобытной по своей природе чертой среднебелорусских говоров, а не результатом взаимодействия междialeктных фонетических явлений (Крывіцкі 1984). Эта особенность характеризует среднебелорусское диалектное произношение, которое связано преимущественно с центральной и западной частями его диалектной базы — говорами, территориально расположенными в Минской области.

В материалах фонотеки белорусских говоров зафиксировано произношение гласного [o] в положении перед [ǔ] в глаголах единственного числа прошедшего времени, а также в отдельных существительных и прилагательных: у зубы *дóў* вместо лит. *даў*, *пагаравóў* вместо лит. *пагаравáў*, *пашукóў* — *пашукáў*, *разадрóў* папалам — *разадрáў*, *старóўся* — *старáўся*, *укрóў* — *укрáў*, *цягóў* — *цягáў*, *прóўда* — *прáўда*, *зóўтрашні* — *зáўтрашні*; [*малады прыйéхаў у н'адз'эл'у і забрóў м'ан'э над в'эчар*], [*х'іба мы с табóй прападóм удвайіх*] (д. Междуречье, Пухович. р-н). Такое же употребление ударного [o] в положении перед [ǔ] отмечается в подобных глагольных формах в говорах Червенского района: *астóўся* — ‘застáўся’, *стóў* — ‘стáў’, *дóў* — ‘дáў’, *казóў* — ‘казáў’ и в других словах с таким же сочетанием звуков: *настóўнік* ‘настáўнік’, *прóўда* ‘прáўда’; [*а пайедóм / аны кóшык вынóс'ац' іайéчак*] (д. Ляды, Червен. р-н).

В текстах хрестоматии, посвященной центральным белорусским говорам, также встречаются лексемы с характерным произношением: *шчóўе*, *маркі ш дóў*, *настóўнік*, *забрóў*, *за авечку* — *пóўдня*, *настóў*, *забрóў пóўгактара*, *пóўкругля*, *пóўночы*, *Кóўнас* (Хрестаматыя 2009: 103).

Все исследователи белорусской диалектной речи указывают на эту отличительную черту в произношении местных жителей отдельных регионов. Еще П. О. Бузук подчеркивал, что лабиализация [a] перед [ǔ] — локальное явление. Эту особенность А. А. Кривицкий называл наиболее существенной и отличительной особенностью вокализма среднебелорусского произношения, в тех случаях, когда во всех иных разновидностях белорусского диалектного произношения имеет место гласный [a] (Крывіцкі 1984: 235).

В этой связи можно вспомнить, как известный исследователь Н. Улащик в своем историко-этнографическом очерке «Вёска Віцкаўшчына» приводит интересное описание с оценкой восприятия говора переселенцев д. Гричино Смиловичской волости (сейчас это Червенский район Минской обл. —

В. Р.), где было распространено явление лабиализации [a] перед [ʏ], жителями д. Вицковщина Новогрудской волости, где эта черта не была известна. В его очерке речь идет о двух соседних деревнях — Вицковщина и Гричино. Автор приводит следующую показательную запись: «Значительно превосходя гричанцев, бывших крепостных, по уровню жизни, жители Вицковщины стали считать себя и намного культурнее. Более культурным был вроде бы и их язык. Вообще же, и одни и другие говорили на центральнобелорусском диалекте, который стал основой современного литературного языка, но гричанцы имели особенность в произношении, которая, по мнению населения Вицковщины, говорила о «мужицком» происхождении соседей. Эта особенность (кстати, очень распространенная на юго-востоке от Минска) была в том, что в глагольных формах мужского рода “а” и “е” под ударением переходят в “о” и “ё”. Например, если вицкавцы говорили “збраў”, “падняў”, “узняў”, то в Гричине и окрестности эти слова произносились “узёў”, “паднеў”, “зброў”. Естественно, что гричанцы тоже считали своё произношение единственно правильным, а тех, кто говорил иначе, имели за дураков» (Улашчык 1988: 145).

Таким образом, уже продолжительное время исследователями белорусского диалектного произношения отмечается анализируемая особенность ударного вокализма в среднебелорусских говорах.

Следует отметить, что на сегодняшний день эта фонетическая черта уже не носит всеобъемлющего характера, она фиксируется у одних носителей и отсутствует у других, даже в речи одного и того же человека проявляется с разной степенью последовательности. Указанная особенность постепенно нивелируется и исчезает из произношения представителей младшего поколения. В замечаниях исследователей указывается, что эта черта у носителей говоров при переходе на литературный язык не вызывает трудностей, от неё легко избавляются (Янкоўскі 1978: 41).

В «Дыялекталагічным атласе беларускай мовы» картой № 28 «Галосныя на месцы націскага “А” ў пазіцыі перад [ʏ]» картографируется употребление ударных гласных [a] и [o] в диалектах белорусского языка. Картографируемые материалы в основном относятся к двум разрядам слов: к глаголам сослагательного наклонения прошедшего времени мужского рода; существительным. Материалы карты показывают следующую картину: 1) на всей белорусской диалектной территории значительно преобладает произношение ударного гласного [a], что совпадает с литературными нормами; 2) компактное параллельное употребление ударных гласных [a] и [o], которое фиксируется на двух островках территориальных говоров: юго-западном диа-

лектном произношении, сконцентрированном на небольшой территории гродненско-барановичского региона, а также в переходных среднелитовских говорах на территории юго-восточнее Минска. Характерно, что только на этой территории, как показано на карте, в 10 населенных пунктах зафиксировано произношение с одним вариантом — ударным гласным [o] перед [ŷ]: *лоўка, настобўнік, прбўда, збўтра, настбў*.

Если рассмотреть подробно материалы карты № 36 «Націскны галосны пасля шыпячых у інфінітыве і формах прошлага часу дзеясловаў тыпу *маўчаць, дрыжаць, крычаць*», то сходную по произношению картину ударного [o] перед [ŷ] демонстрируют формы глаголов мужского рода в прошедшем времени: *маўчбў, крычбў, бурчбў, журчбў, пішчбў, дрыжбў*.

Тем не менее, каким бы факультативным ни казалось любое из отмеченных фонетических явлений, их наличие в речи определенной категории носителей языка представляет исключительный интерес, поскольку характеризует организацию вокализма белорусских говоров.

Следует отметить, что выводы о функционировании и распространенности в речи информантов тех или иных фонетических явлений делались на основе перцептивного анализа исследователями больших объемов записанного звукового материала. Однако современные технические возможности позволяют решить актуальную для белорусской диалектологии задачу — уточнение акустической базы белорусского диалектного языка на основе компьютерной обработки самых различных образцов речи. Поэтому сегодня вместе с созданием новых атласов особую актуальность приобретает решение методологических и технических проблем обработки и представления уже собранного, имеющегося диалектного материала, создание интерактивных информационных систем, обеспечивающих сохранение, визуализацию, аудиальную репрезентацию диалектологических сведений. Не случайно еще Л. Т. Выгонная обращала внимание на необходимость создания фонетического фонда белорусского языка с репрезентацией литературных и диалектных особенностей речи (Выгонная 2001: 248). Это предусматривает анализ вариативности акустических характеристик речевых сигналов, перцептивную оценку этой вариативности и количественную интерпретацию функциональной нагрузки отдельных звуковых единиц. Статистические параметры звуков, уточнение частотности фонем в диалектном белорусском языке — это те аспекты, которые ждут своего исследования и которые могут быть исследованы благодаря программной обработке звукового материала.

Современные лингвистические исследования демонстрируют широкий интерес к инструментальному изучению звукового строя языка, так как «да-

же самая точная фонетическая транскрипция всегда носит характер только дополнительного инструмента, поскольку она не способна передать богатство артикуляционных и акустических оттенков, присущих живой речи, и в связи с этим она не может заменить фиксацию речи, осуществляемую инструментальной фонетикой» (Трубецкой 1987: 11). Выявление акустических параметров звуков признается надежным критерием их идентификации. С появлением и распространением компьютерных программ обработки звукового сигнала (Sound Forge, Praat, Speech Analyzer и многих других) анализ физических параметров звуков, их акустических свойств вышел на качественно новый уровень. В связи с этим в литературном языке стали возможны как работы монографического характера, так и отдельные исследования физических характеристик фонем в зависимости от их фонетического положения, вида речи, интонационной оформленности высказывания и т. д.

Что касается белорусской диалектной фонетики, то подобные исследования имеют реальную перспективу благодаря сотрудничеству Института языкознания с лабораторией распознавания и синтеза речи Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси. Сотрудниками лаборатории создан целый ряд программных продуктов, связанных с различными аспектами обработки данных по белорусской литературной фонетике и орфоэпии; кроме того, они имеют основательный опыт деятельности по систематизации и обработке лингвистических ресурсов. Эти разработки, находящиеся в открытом доступе на специальной интернет-платформе (<http://www.corpus.by>), применимы и для исследования звуковой вариативности диалектного массива белорусского языка. В частности, сервис «Графическое отображение частоты основного тона» позволяет пользователю получить контур частоты основного тона и его графическое изображение. Этот физический параметр, характерный для вокализованных звуков, помогает уточнить такие просодические характеристики речи, как мелодика, ритмика и энергетика. Точная идентификация и анализ этих характеристик является важным этапом в исследованиях (фонетистов и фоноскопистов) разговорной речи с целью определения различных просодических и интонационных явлений.

Уникальность данного сервиса для уточнения идентификационных характеристик звуков диалектного языка заключается в том, что параллельно с построением контура частоты основного тона происходит осциллографический и спектрографический анализ звукового материала (см. рисунок 1).

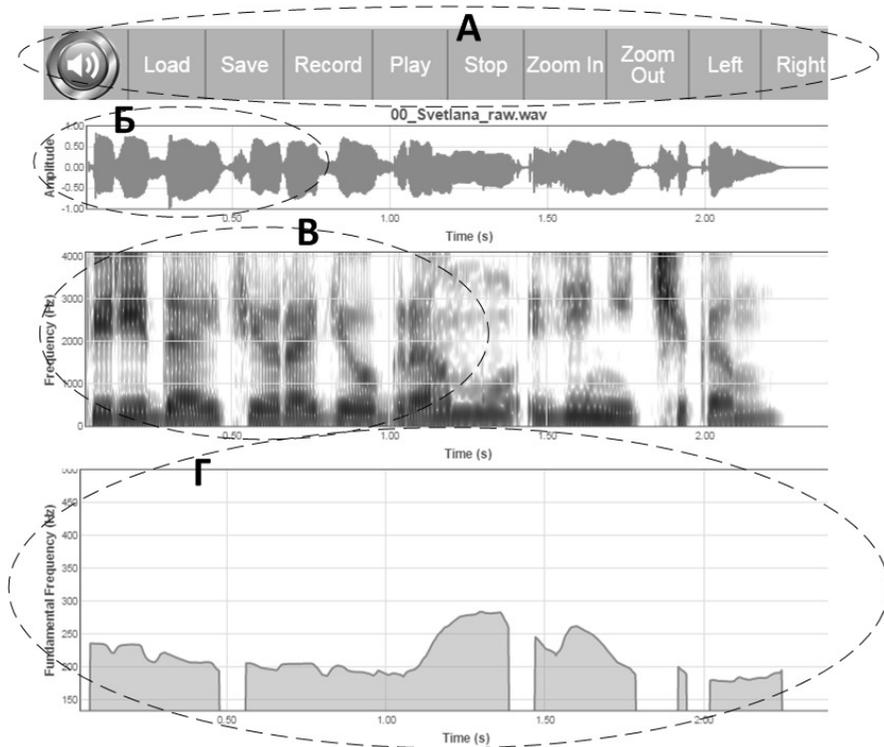

Рис. 1. Интерфейс сервиса «Графическое отображение частоты основного тона»

Осциллограмма (Б) интересующего исследователя сегмента представляет собой двухмерное изображение сигнала с выявлением его амплитуды в определенный промежуток времени. Этот график наглядно отображает динамику энергии сигнала и изменение всех его компонентов (тонального, шумового), что помогает идентифицировать звуки как относящиеся к определенному типу (например, по способу образования — смычные или щелевые согласные; по участию голоса — звонкие или глухие и т. д.). Спектрограмма сигнала (В) — это его трехмерное изображение, позволяющее устанавливать зависимость мощности сигнала одновременно от времени и частоты. Этот график демонстрирует интенсивность шумовых или тональных составляющих в определенных частотных диапазонах, что вкупе с осциллографически установлен-

ной структурой сегмента дает возможность точного определения каждого конкретного звука.

Таким образом, использование инструментальных методов обработки диалектного звукового материала позволит уточнить акустический реестр говоров разных регионов, создать фонетическую базу с систематизированной технической подачей образцов диалектной речи.

Літэратура

- Вайтовіч 1973 — *Вайтовіч Н. Т.* Доўгія галосныя ў беларускіх гаворках // Беларуская лінгвістыка. 1973. Вып. 4.
- Крывіцкі 1984 — *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- Хрэстаматыя 2009 — *Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона / уклад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова.* Мінск, 2009.
- Улашчык 1988 — *Улашчык М.* Вёска Віцкаўшчына (1883–1917) // *Польмя.* 1988. № 7.
- Янкоўскі 1978 — *Янкоўскі Ф.* Беларуская мова. Мінск, 1978.
- Выгонная 2001 — *Выгонная Л., Ліхадзіеўская Л., Сянчук Л.* Праблемы стварэння фанетычнага фонду сучаснай беларускай мовы // *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў / Міжнар. асац. беларусістаў; рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск, 2001.
- Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* Принципы фонологической транскрипции // *Избранные труды по филологии: пер. с раз. яз. Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе [и др.].* М., 1987.

Summary

Valentina Rusak, Yuryj Getsevich (Minsk)

Software processing of phonetic features of the Middle Belarusian dialects

The article focuses on the phonetics of the Belarusian dialect language as the basis for national language development. A special attention is paid to Middle Belarusian dialects, which are closest to literary pronunciation. The fact is some prosodic characteristics of these dialects expressively differ from the literary norms. The pronunciation of the stressed [o] before [j̥] in Middle Belarussian dialects is described.

Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне

Одним из актуальных направлений современной диалектологии является многомерное лингвокультурологическое изучение диалектного текста как особой единицы сельской коммуникации (Гольдин 2002). Диалектный текст, и шире — диалектный дискурс, отражает когнитивное пространство социума, включающее, помимо современного взгляда на миропорядок, и реликты архаического восприятия мира. Традиционная народная культура, несмотря на все трагические обстоятельства, которые выпали на долю русской деревни в XX в., сохранилась и проявляется не только в обрядовых и фольклорных, но и в бытовых текстах.

Самые разнообразные рассказы, отражающие мифологическую картину мира русского человека, мы находим в сборнике, составленном известным петербургским фольклористом М. Н. Власовой (Мифологические рассказы 2015). В книгу включены в первую очередь былички (истории о мифологических персонажах), а также другие виды повествовательных текстов: о колдунах и знахарях, о покойниках, о предсказаниях судьбы, знамениях, болезнях и исцелениях, снах, всякого рода иррациональных происшествиях. «Кроме того, книга содержит ряд бессюжетных текстов-описаний, характеризующих те аспекты верований, которые важны для понимания структуры и семантики мифологических рассказов либо дополняют их» (там же: 10). В собраниях диалектологических текстов значительную часть также составляют рассказы подобного рода.

Материалом для нашего исследования послужили записи, сделанные авторами и коллегами из отдела диалектологии ИРЯ РАН во время экспедиций (2000–2016 гг.) в говоры Европейской части России. Среди текстов встречаются различные истории о сверхъестественном, при этом собственно быличек немного, так как их порождение требует определенной коммуникативной ситуации, что весьма аргументированно доказала Е. Е. Левкиевская (2007: 41).

Мифологические рассказы встречаются в речи далеко не каждого информанта, а лишь у людей с традиционным менталитетом. Во время беседы-эксперимента диалектолог наводит респондента на нужные для записи темы, стараясь спровоцировать воспроизведение историй, связанных с местными обычаями, праздниками, суевериями, гаданиями и т. д. В процессе подобной коммуникации и появляются разного рода мифологические тексты. Они

обладают общими свойствами, к которым относятся такие универсальные составляющие, как достоверность и мифологичность. Установка на достоверность крайне важна, поскольку в крестьянском социуме ценится прежде всего реальное событие, пережитое самим человеком (Гольдин, Крючкова 2008). Стремление к правдивости выражается в упоминании большого числа подробностей, в избыточной детализации повествования, помогающей представить событие, этому же способствует иконичность (изобразительность) и обязательные формулы достоверности.

Среди мифологических рассказов немалый пласт составляют те, которые повествуют о «ходячих покойниках». Этой теме посвящено большое количество фольклорной, этнографической и этнолингвистической литературы. Тексты о ходячих покойниках приведены в книге (Мифологические рассказы 2015) в разделе «Загробное бытие», в них, как правило, говорится о причинах прихода умерших: тоска родственников, претензии к живым или месть, предсказание будущего.

Особенно значимые работы обобщающего характера в этой области, в основном опирающиеся на обширный материал полесских говоров, принадлежат С. М. Толстой. Автор исследует в первую очередь категории «ходячих покойников» и причины их хождения, а помимо этого сроки, время, место появления, образ покойника, способы защиты от него, и подтверждает каждое положение текстами быличек и поверий. Рассказы о приходе покойников распадаются на две категории: о явлении покойников во сне и наяву (Толстая 2015а: 380). Интересным нам кажется замечание о том, что «... подобные рассказы о приходе покойников могут не быть связаны с состоянием сна, а воспроизводить ситуацию видения или звукового восприятия (реже тактильного восприятия) наяву, причем сюжеты и мотивы обоих типов рассказов во многом совпадают» (Толстая 2015б: 469). Наши материалы полностью подтверждают это положение.

В работе будут проанализированы рассказы, названные нами таинственными (Букринская, Кармакова 2015). К этому жанру мы отнесли повествования о знаках потустороннего мира, о событиях, которые могут иметь как сверхъестественное, так и реалистическое толкование, о встрече с покойником во сне, вещих снах, предсказаниях.

Когда информант начинает транслировать подобные истории, то обычно рассказывает их одну за другой, а присутствующие подхватывают эту тему. Таинственный рассказ занимает, на наш взгляд, промежуточное положение между бытовыми и фольклорными нарративами (быличками, бывальщинами) (Букринская, Кармакова 2014).

В 2006 г., собирая материал для описания говоров белорусско-русского пограничья, в д. Лобок Невельского района Псковской области мы встретились с удивительным человеком — Екатериной Яковлевной Тищенко, 1923 г. рождения. Она оказалась блестящей рассказчицей, обладающей хорошей памятью и яркой, выразительной речью. По менталитету и укладу жизни Тищенко принадлежит к традиционному типу культуры, это отражается в речи, в оценке тех или иных жизненных ситуаций. Именно от нее записано много быличек, бывальщин, историй о колдовстве, гаданиях, в том числе и таинственных рассказов. Приведем некоторые из них¹.

«Случай под горой»

А яшио один [случай] вот сейчас [расскажу]... Там Хрябтово, уде я раньше жила, и большая дóже гора была. Бывало, всё на ней за морду лошадей свóдють. Сейчас уже засыпали пяском. Ишёл этот мужчына домой, и яю кто-то поймал под этой горой... И он умёр, не сказаў. Он сказаў, что, коуда буду умирать, я расскажу, а сейчас мне нельзя.

Пришел и два с половиной месяца отлежал на постели. А что было, хто был? Он сказал жаны: «Коуда буду умирать, тоуда я тобé расскажу». А умирал — у нею речи не было. Так никто и не узнал, что с ним случилось.

Как видим, рассказ полон загадками: кто-то встретил мужчину и, вероятно, избил или испугал, а он почему-то при жизни не может объяснить, что же с ним произошло. При этом Тищенко ни минуты не сомневается, что события имеют сверхъестественное объяснение. При загадочности и неопределенности содержания удивительно выглядит точность деталей: указание на место, описание горы, время болезни. Остается неясным, знала ли информантка сама этого мужчину или от кого-то услышала историю.

Рассмотрим еще один таинственный рассказ:

«Отец забрал сына»

Опять же з моим свёкрым было. Ну вот ўвори ни ўвори, а так было. похоронил ён своёю шурина²... ну тшьестя, да, тшьестя, тесь был мёртвый. А шурин на исходе был, пьмирал тоже, лежал. Ну яюб пьхоронили, и поехал обратно туда, што ён приь смерти ляжыть. А Илюха, такей был с

¹ Диалектный текст дается в упрощенной транскрипции.

² Шурин 'брат жены'.

Терпéльгyа, Жук, я, у́ворить, заеду домой да прибяру хзъяйство и тожа приеду, што...Бабы... эта, у́т (говорит), на печ, змучались, ляули, заснули, а я, у́ворить, сязжу́ ко́ло сто́ла. Едутъ. Ну это ж Илюха едитъ. Едитъ, думаю, што ж это за Илюха... Ворота **открывáюца** на двóр, ко́лидо́р **открывáица**, в хати дверь **открывáица**: ш-ш-ш шум... То лежал **не в́рáчивался**, у́ворить, **верть** – **пъреварн́улся** на дру́ей бок. И этот шум оячь: ш-ш-ш. И ипьять поехали, и оячь зазвенело и паехало. Я подоишёл — шурин умёр.

Вот это действительно было наяву. Тады уже **взади**³ приехал Илюха. Тут ужо меня страх — я баб этих разбудил усих, ну стали уже мыть да убярать. Вот это шум, вот это, наверно, отец сзади приехал и зьбрал сына. **Это, это уже наяву было.**

В данном случае информантка пересказывает историю, произошедшую со свекром, которому она безусловно доверяет (*у́вари ни у́вари, а так было*), причем речь ведет от 1-го лица. Этот прием типичен для деревенской коммуникации и призван приблизить события к моменту текущего общения, указав на их истинность.

Правдивость должны подтверждать и многочисленные подробности: знакомый Илюха Жук из Терпелого обещает приехать, когда управится с делами; уставшие бабы спят на печи, сам свекор сидит у стола. На протяжении рассказа трижды — в начале и в конце — дается формула достоверности: *так это было, эта было наяву, действительно было наяву.*

Текст насыщен глаголами, особенно значимы повторы глаголов движения, усиливающие динамизм и напряженность рассказа: *поехал, заеду, приеду, едутъ, едитъ, поехали*. Благодаря этому в монологе нарастает ожидание чего-то мистического: как в сказках, трижды употреблена конструкция с глаголом *открываться* (ворота, коридор, дверь). Далее следуют однокоренные глагольные формы, характеризующие положение умирающего шурина: прежде он *не в́рáчивался* — многократный глагол передает значение усиленного отрицания события в прошлом (Виноградов 1972: 431), *верть* — глагольное междометие со значением быстроты и неожиданности действия (там же: 435), наконец, глагол со значением однократности *пъреварн́улся на дру́ей бок*. Рассказчик отмечает и изображает шум, *ш-ш-ш*, который возникает перед и после того, как шурин перевернулся. Вновь идет «таинственный» глагольный ряд: *поехали, зазвенело, поехало* (неопределенно-личная и безличные конструкции). В итоге шурин умирает.

³ Взади, сзади 'следом' (ПОС 3).

Автор определенно считает, что шум и названные действия указывают на умершего отца: *Вот это шум, вот это, наверно, отец сзади приехал и зъбрáл сына.* Так разворачивается мистический план происходящего. Но события рассказа могут иметь и реальное объяснение: уставшему, полусонному человеку что-то померещилось в порывах ветра, в скрипах и шорохах избы, вздохах умирающего.

В другом таинственном рассказе Тищенко действующим лицом выступает она сама⁴.

<Мама приходила>

А у меня лично со мной был случай. Отправляла сына ув армию, ну ён поехал на это... в кино с друуом своим, а я думала, протру я люстру, что завтра ж гюсти собираются, а дожжжók такёй моросит, дожжжок, и тёпло, тёпло, тихо.

Родители были осенние. Вот как раз мы собирались в еты родители. Осенние родители оны бывают чятвертаю ноября, гуляли-то мы уже не в родительский день, а назавтрею. А я собираюсь, тут у меня женишина приглашёна ну гюготовить ешию, собирать, гюговорю: «Ну, я на кладбишию хоть ноччу, а все равно пойду, я не могу не сходить».

Я это узяла куттí, там закуски, пячэння, конфет и побéула на кладбишию. Прихожу да гюговорю: «Мама, я отпрувляю Лёню своего ув армию, остаёмся мы только вдвоих, больше у нас никою нет» (а мама посля дочки умерла). Ну, а это Машка (соседка) тот гют...: «Забяуи ты и на мои кладбишию, что я сеюдня не пойду». Я это куттí посыпала, конфет, пячэння полóжила, забéула на ту моуилку и прихожу домой.

И стала протирать, а Сашка (зять) на печке спит, ну правда не пьяный — трезвый. Послúхала (у нас очень слышно, коуда под вокном идеть): по шлиху⁵ — шлён, шлён, шлён, шлён, шлён. Ну, это Лёнька с кина бяуить. Я это прых со стола долой, побéула открýла дверь — ну никою нет. Ну я чуть ноуи себе не посяклá, так спугóлась, как дала оттуль. Сашку за ноуу потрясла: «Ты, гюговорю, спишь, вот так со мной случилось». — «Во... ой, твою мать, а что с тобой случилось?» Да вот, гюговорю, так и так. Ещё послухала, постояла: нет. — Идеть, идеть, шлéпаеть. Я это побеула открýла — никаю нет.

Вот это мама приходила. Точно знаю, что это ина приходила. Вот это лично уже со мной было. Такеи случаи. А вот она гýварила: «Умру, тады

⁴ Текст был приведен и проанализирован в (Букринская, Кармакова 2014).

⁵ Шлях 'дорога'

*всё тебе расскажу, приду с того света, что, как это з Люсей (дочь) случилось». **Никогда не видела, никогда не пришла и не рассказала. Это так. Видимо, не положено.***

Рассказчица видит в случившемся неоспоримую связь с потусторонним миром: приход покойницы-мамы, которая при жизни обещала прийти рассказать про Люсю (дочь информантки, которая жила в Ленинграде и там трагически погибла).

Обратимся к построению текста: в нем ясно выделяется начало и завершение рассказа, в экспозиции следует отсылка ко времени — действие происходит в родительскую субботу. В самой истории присутствует множество ненужных для развития сюжета деталей. Происходит совпадение, что характерно для устной речи, ситуации темы с ситуацией текущего общения, проявляющееся в обилии прямой речи, в использовании глаголов настоящего времени при описании событий в прошлом. В тексте находим экспрессивные глагольные междометия *шлёп, прыг*, различные виды повторов: композиционный, синтаксический, лексический. В качестве связующих элементов выступают повторяющиеся частицы с указательным и усилительным значением: *вот, это, ну*. Все перечисленные черты придают тексту большую экспрессивность. Глагольные повторы, глагольные междометия, звукоподражания и в том и в другом тексте отражают иконичность — существенное свойство диалектной речи.

И вновь говорящим для подтверждения правдивости используется фигура достоверности: *«Вот это лично уже со мной было. Такой случай»*.

Важным нам представляется концовка рассказа, информантка не сомневается, что таинственные шаги относятся к маме: *Вот это мама приходила. Точно знаю, что это она приходила*. Далее рассказчица рассуждает, почему не произошло обещанной встречи, осмысляет ситуацию: ***Никогда не видела, никогда не пришла и не рассказала. Это так. Видимо, не положено***, т. е. земному миру «не положено» знать больше, чем дано.

Интенцией подобных нарративов может быть передача жизненного опыта или объяснение миропорядка: вера в проницаемость границ между мирами, в способность покойника влиять на судьбу живых.

Особенно часто связь «того и этого» света реализуется в мистических снах. Об этом пишет С. М. Толстая: «...заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира, и прежде всего со своими умершими родственниками» (Толстая 2015б: 463). Анализируя сны об умерших родствен-

никах и знакомых, автор отмечает, что в полесской традиции приход покойника (во сне или наяву) представляется очень опасным для живых: «мертвые являются, чтобы просить и требовать, укорять и предъявлять претензии, чтобы угрожать и наказывать». Полесские материалы С. М. Толстая сравнивает с польскими (С. Небжеговская) и влашскими (А. Георгиева). При этом в польских рассказах «слабее выражена идея вредоносности явления покойников во сне... умершие более дружественны по отношению к своим живым родственникам, приходят их проведать, готовы им помочь...». Во влашских текстах (северо-запад Болгарии) «практически отсутствует мотив опасности», умершие приходят, чтобы рассказать о своей жизни на том свете или показать ее, для них важно соблюдение живыми правил погребения и поминания, иногда «живые сами стремятся увидеть во сне своих умерших родственников» (Толстая 2015б: 469–471).

Мистические сны приводятся и в сборнике (Мифологические рассказы 2015), хотя их там немного. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет тот, где покойная приснилась не родственникам, а соседке-старушке. Во сне она пришла к дочке и, ожидая ее у подъезда, замерзла, о чем рассказала этой соседке. Узнав о сне, дети поехали на кладбище. Как оказалось, могила провалилась и покрылась водой. Подобные сны распространены достаточно широко, в них покойники приходят с жалобами или просьбами. Народное представление о возможности общения живых людей с покойниками подробно описано в словаре «Славянские древности», такое общение может происходить в доме на поминках, на могиле, на похоронах новопреставленных, во сне (Толстая 2009: 118).

В рассказах о снах, которыми мы располагаем, отсутствует мотив опасности при встрече живых с умершими, есть сны с жалобами или рассказами о жизни на том свете. Приведем некоторые из них. Е. Я. Тищенко вспоминает свой сон, в котором видит погибшую дочь.

<Люсю видела во сне>

А Люсю вот видела раз во сне, один единственный раз и больше посля того нигде не вижу.

Вроде я приезжаю в Ленинград, как я и была, говорю: «Ну как ты, доченька, тут проживаешь?» Она: «Да я хорошо живу, Сашка со мной жить ня хочет». А мужа звали Сашка... Я говорю: «А где он?» Ина мне и показывает: «Во, в тей квартиры». А там вот так дом и вот так [показывает]. Она — «В тым уулé живёт». Я говорю... Вот как з вам сейчас говорю: «Наплюнь ты на яю. Тебе таких десять Сашков будет, как этот Сашка!»

А я не хотела дуже, чтоб она замуж шла, она была высокая, не такая, как я, и красивая была деушка. «Ну, тебе, уворю, здесь десять таких Сашков будет».

И вдрух я спрашиваю: «Доченька, скажи, а как это с тобой случилось?»
А ина: «Что случилось, **так надо было, мама, так надо было.** Вот это со мной и случилось, и никоу не вините. **Так надо было.**»

Я уворю, да, **и вдрух я спрашиваю:** «А ти видишь ты своих рódных там каю?»
Ина уворить: «Всех, мама, вижу, но мне к им ходить не надо. Нажимаю кнопки, ихнии комнаты открываются двери. Я всех их вижу».

И я вдрух прочитаюсь. И посля того больше никоуда ня видела.

А вот тогда она мне так рассказала. Я уворю... я уворю: «Улухеи, сляэи живут же в уорде, и всё хорошо, а ты?»
Она уворить: «**Так надо было.**»
Наверно, судьба ина такая была. **Так надо было.**

В сюжете видится реальный план — поездка в Ленинград (дочь жила там и там же погибла), плохое отношение к зятю, и мистический — разговор во сне с дочерью о том свете.

Текст представляет собой развернутый диалог. И уже первый вопрос звучит двусмысленно: *Ну как ты, доченька, тут поживаешь?* — где? — в Ленинграде? на том свете?

Далее речь заходит в иносказательной форме о расставании дочери с мужем: он теперь живет отдельно, в другом месте — *в тым ууле*, так как смерть разлучила их. После этого вполне правдиво звучат слова матери, которые она говорила дочери и при жизни: *Наплюнь ты на яю. Тебе таких десять Сашков будет, как этот Сашка!* Далее идет отступление от сюжета об отношении информантки к замужеству дочери и повтор основной фразы: *Ну, тебе, уворю, здесь десять таких Сашков будет».*

Новый поворот сюжета начинается так: *И я вдрух спрашиваю.* В рассказе слово **вдрух** употребляется трижды, всякий раз вводя нечто важное. В первом случае после него следует вопрос о гибели: *Доченька, скажи, а как это с тобой случилось?* Мать не знала подробностей трагедии: дочь, которая уже была в декрете, *подбило уоночным велосипедом*, она ударилась головой о камень, что и явилось причиной смерти. Дочь во сне отвечает, принимая судьбу как нечто предначертанное свыше: *Никоу не вините. Так надо было.*

После второго повтора *И я вдрух спрашиваю* идет вопрос о родственниках: *А ти видишь ты своих рódных там каю?* Ответ дочери напоминает фрагмент из фантастического фильма: *Всех, мама, вижу, но мне к им ходить не надо. Нажимаю кнопки, ихнии комнаты открываются двери. Я всех их вижу.*

И в заключение: *И я вдрух прочинаюсь [просыпаюсь]. И послѣ тоуо больша никоуда ня видела.*

Информантка воспринимает сон как реальную встречу с дочерью, о чем свидетельствуют слова: *Вот как з вам сейчас уоворю.* Рассказ имеет рамочную композицию, при которой в начале и в конце звучит одна и та же фраза: *И больша послѣ тоуо никоуда ня вижу.*

Последний абзац представляет собой композиционный возврат к теме разговора с дочерью: *А вот тоуда она мне так рассказала. Я уоворю... я уоворю: «Улухѣи, сляпѣи живутъ же в уоруде, и всё хорошо, а ты?»* Повторно следует: *Так надо было.*

Подводя итог, Тищенко, со свойственным ей стремлением понять произошедшее, констатирует: *Наверно, судьба ина такая была. Так надо было.*

Значение рассказа заключено в желании поделиться с другими своей болью и найти смысл события. Информантка полагает, что именно так распорядилась судьба, иными словами, высший порядок не может быть открыт и понята «этому миру», что подчеркивается многократным повтором слов дочери: *«Так надо было».*

В следующем тексте, который будет проанализирован, также происходит встреча во сне с покойником. Причиной прихода умершей матери становится отсутствие дочери на сороковинах, т. е. нарушение установленного традиционного порядка.

Рассказ был записан в июне 2016 г. от Зинаиды Васильевны Ореховой (1930 г. рождения, уроженки Вязниковского р-на Владимирской обл., после замужества живущей в д. Галицы Гороховецкого р-на той же обл.)⁶.

<На сороковины не приехала>

Д. (диалектолог): *Как покойника поминали? Что готовили?*

З. В. *Ну это я не знаю как... Что готовили? Мня уж не приходилось...*

Я уже здесь жила, мама умерла. Готовили сно́хи, д'ве снохи да и сестрѣнка с тридцать восьмого года, она подростла. Я уже приеж'ж'ала к готовому, да работала-то.

Д. *Туда приезжали, в Вязники?*

З. В. *Да, в деревню. Доежж'али э-э поездом, а от станции Вязники до автостанции автобусом, а там тоже автобусы еще, прям до деревни, на против дома остановка автобусные. Хорошо.*

⁶ Речь информантки характеризуется неполным оканьем.

А на сорок дней к маме не приехала. **Вот, девчонки, какой случай был.** Я работала и приехала с ночи, усталая. Думаю: я немножко полежу. И со станции Горховёц уходил поезд, это уже электропоезд уже... в час дня. А я приехала в девять часов утра, думаю: я часика полтора полежу, и проспала. Проспала в час, а он в час и отправился. Я так переживала, тах-то меня там ждали: сорок дней маме, я не приехала. Легли спать. Муж с работы приехал и говорит: «Ты чего дома?» Еще, значит, я должна еще там, я должна попоздней приехать-то. Я говорю: «Я ведь проспала, я не была в деревне».

Ну ладно, легли спать. И мне снится сон, что этот сон, я проснулась от этого сна. Значит, слышу, открывается дверь, это мне снится. Открывается дверь, входит мама и топает ногами, слышу, **я уже вроде проснулась, это я чувствую, что я проснулась.** А у меня был сундук (усмехается), багажом отправляли вот сюда вот, когда замуж выходила, машинку, конечно, мы с собой взяли, а шобл⁷, там осеннее, плащ, зимнее, там платишки, всё в сундуке утправили багажом. И этот сундук у меня стоял ну на кухне, што ли, в бараке-то. Вот она подошла туда, поставила сумку и говорит: «Фу, как я устала!» **Я уже совсем проснулась, бужу его.** Он: «Ты чего?» Я грю: «Мама пришла!» Он: «Да ты что?» Я говорю: «Да так!» Ну чего? Он уж боится, я уж его тут наполнила (?), он уж боится вставать-то: мама пришла.

Это вот правильно поминки: покойник-то вот приходит. А я не явилась, а она ко мне на сорок-то дней-то явилась, сюда к нам, в Гáлицы. Она, правда, приежже'ала ко мне в гости-то, но после сорока-то дней-то... Попраснодали, а меня не было. **Вот какой случай был.**

Утром встала, баушка глухая жила (теперь сама такая же глухая), пошла к ней. «Баушка, мне мама вот и вот как пришла». – «Иди быстрее в магазин, купи там батон!» Тогда и батон еще праздник был, не у всех и батонь-то были, девчонки, как жили-то. Батон купила, еще чего-то, не помню, и подала кому-то. «И подавай мiлосьтинку!» **Вот, а проспала. Не пришла на сорок дней к маме, так она ко мне явилас.** Это во мне бродит, это я вам сон рассказываю своей.

Д. А почему нужно было батон кому-то подать?

З. В. Вроде, чтобы помянули, шоб помянули.

Д. А всё равно кому?

З. В. Да, да. Ну, старались пожилым людям, им отдавать-то. Скажеш там кому. Они там перекрестятся, помянут, или детям глупым. Вот сей-час всё детям глупым.

⁷ Шоблò 'одежда'.

Как видим, информантка прекрасно понимает, что ей снится сон, но в то же время говорит, что она будто проснулась и видит маму. Вводная часть характеризует коммуникативную ситуацию: именно разговор о поминках служит толчком для последующего рассказа, имеющего кольцевую композицию: **Вот, девчонки, какой случай был.** В экспозиции дано объяснение причины, почему рассказчица не попала на поминальную трапезу сорокового дня. В тексте много конкретных деталей: упоминание электропоезда, вечерний разговор с мужем, подробная история сундука, у которого стоит мама, и т. д. Как и в приведенных выше текстах, главные события описываются с использованием глаголов настоящего времени и прямой речи. В заключительной части объясняется случившееся: если нарушается установленный порядок, то происходит нечто, что его восстанавливает: **Это вот правильно поминки: покойник-то вот приходит. А я не явилась, а она ко мне на сорок-то дней-то явилась.** Важный вывод усиливается повтором.

Чтобы загладить вину, нужно совершить определенное действие, о котором следует узнать у опытных людей: *глухая баушка учит подать милостинку*, чтобы помянуть умершего. Считается, если покойник приснился, то его следует помянуть в церкви или подать милостыню. Интересен ответ на вопрос: *Кому подают милостыню?* – Ну, *старались пожилым людям... или детям глупым*, т. е. самым слабым. Милостыня — важный атрибут традиционной народной культуры. Обычай подавать милостыню сопутствует основным моментам жизни человека, особенно он важен для поминовения усопших: в родительские субботы, годовщины со дня смерти⁸.

В русских диалектных текстах, записанных нами, нет историй, где встреча с покойником повлекла бы за собой что-то неприятное; как видно из приведенных выше пересказов снов, умерший приходит, чтобы пообщаться, утешить, повидаться с живыми. Любопытный рассказ о встрече с покойником не во сне, а наяву мы услышали в г. Устюжне (Новгородской обл.) от местного умельца-самородка, краеведа, поэта В. Жабрева, этот рассказ был включен в книгу, в которой собраны бывальщины, былички, охотничьи и другие рассказы, услышанные им в деревнях близ г. Устюжны. (Жабрев 2006). В истории «Тещино видение» речь идет о том, как родственница автора, сельская учительница, поднимаясь в гору с тяжелыми дровами, вспомнила покойного

⁸ Этнографы, исходя из источников XVIII–XIX вв., делают вывод о том, что милосердие и подача милостыни нищим были свойственны русскому крестьянину повсеместно. Судя по нашим полевым материалам, этот обычай сохраняется в разных регионах в разной степени; в наиболее полном виде мы зафиксировали его в архаических говорах Поветлужья (Букринская, Кармакова 2012).

мужа, а потом почувствовала, что сани идут без усилий. Оглянувшись, она увидела мужа, толкавшего возок, и окликнула его, после чего «он распрямылся, улыбнулся и растворился в сумерках, как облако пара...» (Жабрив 2006: 35). Автор подчеркивает, что прежде теща грустила, а после этого случая снова стала веселой и общительной.

Итак, таинственные рассказы, как и другие диалектные нарративы, имеют следующие общие признаки: вычленяемость в потоке речи благодаря четкому обозначению начала и конца повествования, присутствие авторского взгляда на ситуацию, преимущественно изобразительный тип речи — репродуктивный регистр. Репродуктивный регистр характеризуется подсистемной сюжетных времен, наличием конкретных наблюдаемых действий и хромота, перцептивным присутствием говорящего субъекта. Для различного рода пояснений и комментариев используется информативный регистр, где присутствуют несюжетные времена, ненаблюдаемые действия (Коммуникативная грамматика 2004).

Важнейшую роль в построении таких рассказов играют повторы на всех уровнях: композиционные, синтаксические, лексические и даже фонетические, в результате тексты получаются в достаточной степени экспрессивными и эстетически организованными. Таинственные рассказы, наиболее интересные по сюжету и композиции, могут неоднократно воспроизводиться информантами, становясь рассказами-«пластинками».

Интенцией таинственных, а может быть, и любых мифологических рассказов является желание поделиться жизненным опытом, обобщить его и вывести на уровень мировоззренческих универсалий. Бывает, что вывод о жизни как таковой дается в форме дидактического высказывания или афоризма, указывающего на нравственные ценности и картину мира говорящего.

Литература

- Букринская, Кармакова 2012 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Традиционная культура и ее отражение в диалектном тексте // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2012. СПб., 2012. С. 265–281.
- Букринская, Кармакова 2014 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014. СПб., 2014. С. 155–164.
- Букринская, Кармакова 2015 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Таинственный рассказ как жанр диалектного монолога // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015). М., 2015. С. 30–32.

- Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Гольдин 2002 — Гольдин В. Е. Доминанта традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58–64.
- Гольдин, Крючкова 2008 — Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2008. Вып. III, С. 398–413.
- Жабрев 2006 — Жабрев В. Бывальщины и небывальщины. Устюжна, 2006.
- Коммуникативная грамматика 2004 — Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Левкиевская 2007 — Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика. АДД, М., 2007.
- Мифологические рассказы 2015 — Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост. М. Н. Власова. СПб., 2015.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1976. Т. 3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. –СПб., 1965–. Т. 1–,
- Толстая 2009 — Толстая С. М. Покойник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 112–118.
- Толстая 2015а — Толстая С. М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 379–420.
- Толстая 2015б — Толстая С. М. Иномирное пространство сна // Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 463–472.

Summary

*Irina Bukrinskaja,
Olga Karmakova*

Mythological tale as a genre of dialectal monologue in the present-day Russian village

In the article the authors examine dialectal texts, which have been recorded for the past ten years in different regions of Russia. Various features of traditional folk culture have been preserved better than it could be expected. The authors study such genre as a tale of mystery, which describes encounters with the dead. The article analyses mysterious stories of different types.

Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре*

0. Для глаголов речи предсказуемы валентности адресата (*говорить Пете*), темы (*говорить о погоде*), содержания (*говорить, что погода плохая*) и др. В данной статье подробно рассматривается реализация этих валентностей в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области.

Село Роговатое (местное название Рогова́тка или Рогова́товка) расположено на границе с Воронежской областью, недалеко от границы с Украиной (подробнее о селе и особенностях его говора: Букринская и др. 2014: 263–281; Тер-Аванесова 2015: 298–301). В результате диалектологических экспедиций 2007, 2010, 2012–2015 гг. собран обширный материал и создан корпус расшифрованных текстов объемом около 80000 словоупотреблений¹. В корпусе представлена речь 9 информантов, рожденных в промежутке от 1919 до 1948 г. Основная часть приводимых в данной работе примеров извлечена из корпуса, отдельные примеры записаны от руки или получены путем прослушивания аудиозаписей.

В Роговатом наиболее распространены следующие глаголы речи: *балáкать* (синоним *говорить*, с широким кругом значений) и его дериваты: *забалáкать*, *побалáкать*, *разбалáкаться*, *добалáкаться*; *бранíть*, *бранíться*; *бубнíть*, *набубнíть*; *бурды́кать* ‘ругать, ворчать’; *бурбóвить* ‘говорить ерунду’; *гнать* на кого-н. ‘обвинять, упрекать’, *погнáть*; *говори́ть*, *разговáривать*, *заговáривать*; *дразнíть*, *поддразнивать*, *передразнивать*; *жа́литься*, *пожа́литься*; *kozyря́ться* на кого-н. ‘ругать матом’, *обkozyря́ть*, *заkozyря́ться*; *критикну́ть*; *крича́ть*; *ругáть*, *ругáться*, *наругáться*; *сказа́ть*, *наказа́ть* ‘высказаться о ком-н. плохо’, *рассказа́ть*, *рассказыва́ть*; *спра́шивать*, *спроси́ть*; *тараба́нить*; *тарахте́ть*; *толкова́ть*; *шуме́ть* на кого-н. ‘кричать, ругать’, *зашуме́ть*.

Дальнейший анализ касается прежде всего нейтрального и наиболее широко представленного в корпусе глагола *говорить* (более 400 употреблений) в значениях: ‘сообщать кому-н. какие-н. факты, сведения, мысли’, ‘пытаться

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 17-04-00485а.

¹ Тексты для корпуса расшифрованы С. В. Дьяченко, А. В. Малышевой, А. В. Тер-Аванесовой, база данных создана С. А. Крыловым.

словами воздействовать, оказывать влияние на кого-н.' (обоснование выделения этих значений см. в п. 1.1), 'разговаривать с кем-н. о чем-н.', 'рассказывать кому-н. что-н.', 'высказываться о ком-н. плохо, наговаривать'².

1. Валентность адресата

Возможность употребления предложно-именного сочетания *на + вин.* в значении адресата при глаголах речи (*говорить на Петю* 'говорить Пете') неоднократно отмечалась исследователями южнорусских говоров. Подчеркнем, что речь идет о чисто адресатном значении, при котором высказывание обращено непосредственно к собеседнику: *хазяин гаварить на яго* (= *говорит ему*) (Расторгуев 1961: 154).

Можно предположить, что форма *на + вин.* для обозначения валентности адресата появилась в южнорусских, украинских и белорусских говорах достаточно поздно; в исторических словарях и описаниях эволюции синтаксического строя русского языка она не фиксируется. Для русского языка более характерно объектное или объектно-адресатное употребление этой формы. Форма *на + вин.* для обозначения объекта нападения, критики, хуления устойчива в русском языке уже с древнейшего периода и сохранилась до настоящего времени, в частности она отмечается при глаголах **говорити**, **глаголати** в значении 'наговаривать на кого-л.' (СлРЯ XI–XVII 4: 53), 'роптать, жаловаться на кого-л.' (СлДРЯ XI–XIV II: 342), например, в Ипатьевской летописи: *начаша людѣ говорити на воеводу на Косначь* 1068, 63об. (ИЛ: 159), то же в Радзивилловском и Академическом списках Лаврентьевской летописи: *и нача[ша] людие говорити на воеводу на Косначька* (ЛЛ: 171), см. также: (Срезневский 1: 516, 530; Ломтев 1956: 430), в значении 'давать показания на кого-н.' в воронежских рукописях XVII в.: *а что де он Оска сказал на нихъ Мартина и Якова, что бутта с Петрова пасту сентября по кѣ число жил...* (Собинникова 1978: 16)³.

Управление *на + вин.* у глагола *говорить* в современном русском литературном языке является факультативным, в большинстве словарей оно не представлено вообще, в некоторых представлено с пометой «просторечное», например: *говорить* в значении 'называть кого-н. как виновника чего-н.' (прост.):

² За пределами рассмотрения остаются значения 'владеть речью', 'произносить, выговаривать', 'называть', также представленные в корпусе.

³ В старославянском при глаголах **сѣвѣштати**, **рѣпѣштати**, **клеветати**, **хоудити** конструируют *о + лок.* и *на + вин.*, где форма *о + лок.* маркирует содержание высказывания, а *на + вин.* — содержание высказывания и дополнительный оттенок отрицательного отношения к лицу, являющемуся объектом высказывания (Ходова 1971: 172).

подозревают его, а он **говорит на соседа** (ТСРЯ 2008: 157).

В говорах объектная форма *на + вин.* достаточно употребительна, например в вологодских: **говори на волки**, да *говори и по волки* ‘не все говори против обвиняемого, но и в пользу обвиняемого’ (СРНГ, вып. 6: 256); в архангельских при глаголе *говорить* в значении ‘обозначать словом, называть что-н.’: *йешишó бабушки говорíли на сáни «чю́нки»*, ‘указывать на кого-н. как на причину, источник чего-н.’: *вы на меня-то не говорíте* (т. е. не обвиняйте меня); *надь говорíть на людéй, а как не будём говорíть* (АОС 9: 176–177). Очень близкая к южнорусскому адресатному употреблению форма *на + вин.* отмечена в псковских говорах при глаголе *говорить* в значении ‘обозначать каким-н. словом (выражением), называть, именовать’: *У наз гаваря́ на каря́-вава шарба́тый; Вот када́ ужэ мой зять напъёцца чéрез мэру, я на невó гаварю́: «Суслик ты ётакий!»; Как типéрь гаваря́т на мўжа «бес», а рáни ни бёснши: удáри да и фсё* (ПОС 7: 35) (*говорить* в значении ‘высказывать недовольство, делать замечание кому-н.’ в псковских говорах управляет также предложно-падежным сочетанием *над + твор.*: *што ш я буду над диверья́м гьварíть* (ПОС 7: 34)).

Н. Н. Дурново приводит примеры употребления формы *на + вин.*, маркирующей семантическую роль адресата, при глаголе *говорить* в говоре д. Парфёнок Рузского уезда Московской губернии: *ана гвар’т нахóтникъ; сўкъ... нъ къбиля́ гьварíт; з’бирáсь, гвар’т, правóр’ния, нъ ниўó* и специально уточняет, что в том же значении может употребляться и дательный без предлога (Дурново 1903: 252).

Форма *на + вин.* при глаголе *говорить* на южнорусской территории зафиксирована в воронежских говорах: *а свекровя на мене гаварит’; сказат’ на снаху; я на его гаварю: «Ван’!»; он на мене гаварит’* (Собинникова 1961: 182), брянских: *нъ нивеситну матирю гьварит; гьварит’ на девку: скажи з’вяну картошку акучивэ́т’; я гьварю на Нас’тю: ай забрали?; я гьварю на Антона: я дьлалзу пьтихон’ку узнаю прь сястру* (Иванова 1961: 146–147), смоленских: *гаварит на хазяйку; барин атвичаит на кучира* (Расторгуев 1960: 154–155), липецких (Гринкова 1947: 109). Пример из белорусских говоров: *раз мацы говóрыць на сына* (Карский 1956: 433). Более ранние фиксации имеются также для смоленских говоров (Добровольский 1891), курских (Солодовников 1867: 70), калужских (Чернышев 1900: 32).

Краткость приводимых контекстов часто не позволяет сделать однозначных выводов о том, имеются ли какие-либо критерии выбора одной из двух возможных форм при глаголе *говорить* (*дат.* и *на + вин.*) или они являются дублетами. Некоторые исследователи прямо указывают на отсутствие семан-

тических различий между ними: «В говорах южнорусского наречия отмечена конструкция “на + винит. п.” при глаголах речи в значении адресата речи вместо дательного беспредложного: *А Нинка на мене и говоритъ*: “*Подь сюды*” (на мене = мне)» (Черенкова 2014: 104 (ср. также: Дурново 1903, Расторгуев 1961). В. А. Иванова высказывает предположение, что в случае употребления формы *на + вин.* в лексическом значении глагола возникает дополнительный оттенок воздействия, влияния на того, к кому обращаются с речью (Иванова 1961: 146). Для украинского языка отмечается, что конструкция *на + вин.* появляется под влиянием говоров и имеет специфический оттенок значения: она означает «либо негативное высказывание про кого-н., либо высказывание про кого-н. в присутствии этого лица, а чаще всего — и то и другое одновременно: “*Як ти смієш таке говорити на свою матір?*” — *сурово крикнув Кайдаш*» (Курс современного украинского языка 1951: 92–93).

1.1. Значения глагола *говорить*, влияющие на выбор управляемой формы. Валентность адресата при глаголах речи в роговатовском корпусе реализуется формой дательного падежа в 40 примерах (при глаголе *говорить* — 19 примеров, *сказать* — 14, *рассказать* — 4, *рассказывать* — 3) и предложно-именным сочетанием *на + вин.* — в 16 примерах (при *говорить* — 14 примеров, *сказать* — 2).

Таким образом, вариативность в реализации валентности адресата представлена при полисемичных и широко употребляющихся в говоре глаголах *говорить* и *сказать*.

Глагол *говорить* в говоре Роговатого реализует адресатную валентность в двух основных значениях (или типах контекстов): ‘сообщать кому-н. какие-н. факты, сведения, мысли’ (*говорить 1*), ‘пытаться словами воздействовать, оказывать влияние на кого-н.’ (*говорить 2*). Вопрос о том, являются ли *говорить 1* и *говорить 2* отдельными значениями или это так называемые контекстные употребления внутри одного значения, представляется спорным. То, что имеется тенденция к распределению вариантов управления между *говорить 1* и *говорить 2*, как будет показано ниже, может являться аргументом для выделения *говорить 2* в рассматриваемом говоре в отдельное значение.

Далее будет показано употребление форм *дат.* или *на + вин.* при глаголах *говорить*, *сказать* в разных значениях и в разных речевых ситуациях.

1.2. Управляемая форма при *говорить* в значении ‘сообщать кому-н. какие-н. факты, сведения, мысли’. *Говорить 1* управляет формой дательного падежа имени или местоимения. При этом речевое действие, обозначенное глаголом, представляет собой чистое сообщение; цель говорящего — донести до собеседника информацию; в значении глагола нет эмоционально-

го компонента; у говорящего нет цели как-то воздействовать на собеседника.

Например, в (1–3) описывается ситуация, когда влюбленные мужчина и женщина, каждый из которых имеет семью и детей, решают тайно уехать из села, никому ничего не сказав:

- (1) *Ну а хто знае, как ан'и. Дь кан'ешинь д'ит'ам н'е уьвар'а, а мोज уьвар'ил'и* АнФ;
- (2) *Да ну, с'ид'и, как'им-тгь д'ит'ам, н'икаму н'е уьвар'ил'и!* ДР;
- (3) *Тайна уйежжэл'и, н'икаму н'е уьвар'ил'и, нэ м'ин'е пр'едупр'ад'ил'и, пьжэлусть, н'икаму н'иуде н'е уьвар'и, шо ты нас сн'елá с уч'оть* ДР.

В корпусе представлены и другие примеры употребления формы *дат.* для обозначения адресата сообщения в нейтральном контексте:

- (4) *Эть мы с н'им'и (с соседями) дружым, дь л'ебó вы скáжыт'е, скáже эт: ан'и нам ышишó уьвар'ил'и* (в более широком контексте содержится просьба не рассказывать соседям о том, что их обсуждали) ДР;
- (5) *Дь йá, — уьвар'ит', — Д'имк'и уьвар'у: «Мáма н'ьбóс' умар'ил'с'». Он ыр'ит: «Н'ь на ту н'пáл'и»* АнФ;
- (6) *Ус'о ш'и'áс ус'ó равнó: «Óх, труднь!». А йá им уьвар'у: «Н'ет, вáм ш'и'áс н'е труднь! Бьйл нам труднь!»* АрФ;
- (7) *Р'авн'ивей был. Ну он мáйей сас'ет'к'и рáз уьвар'ит': «Ну, бáпкь Вáр', кубы мн'е ууьвар'ит' зáмуш, ну уш йá п'ийей пр'ииз'в'ол — н'и л'уд'ам, н'и саб'е — и брóс'ил бы йей». П'н'áл? ЕН;*
- (8) *А он (муж) шез' радбw н'и рьзуьвар'ивъл. Он йей, мóже, пр'из'в'ол йей ('измучил, лишил сил') — йá йей н'икдá н'и уьвар'у — он, мóжсь, йей и пр'ииз'в'ол, што гнá — и давл'ен'ийе у н'ей, и с'ёрцъ — н'ь рьзуьвар'ивъл* ДР;
- (9) *Вот йáму уьвар'иш — он ус'ó п'н'имáйá, а сáм н'а мóжа вьискъзът'* ДР;
- (10) *Мáмь ыр'ит': «Йá тóкь слыхáл эть, он скъзál: а хто знай, — гьт', — как йей уьвар'у?»* (что ее муж утонул) ЕН;
- (11) *А йá уьвар'у: «Ар'инка, дь ты д'еду н'е уьвар'и». Гнá гьт': «А п'ч'á-мү?» — «Дь п'тамү, мы д'ужь бран'ил'ис'а»* АД (в Роговатом принято в дни поминовения усопших раздавать соседям сладости, небольшие подарки. При поминании покойника нужно назвать его имя, сказать «Царствие Небесное» и съесть поминальную еду. Муж АД осуждал ее за частые траты на поминальные «пряницы» и «канхветь», поэтому АД призывает подругу не поминать его. Позже она ужаснулась этому: «Н'иужел'и н'е страинь мн'е буд'е, скъзат', вьч'ьркнут' йеуó ис п'м'и-нан'йá, д'еда»).

- (12) *И йѣнтѣд д'ѣд был ѣедьнал'ич'н'ик, ус'ѣ пѣзашил'и у калхѣс, а ѡн н'е зьхад'ил. Хад'ил, йа ш таб'ѣ уѣвар'у; кышки ваз'ил...* АД;
- (13) *Вѣт йаму кáжнѣму уѣвар'ит'* — *многѣ д'алѣу* АД (о молчаливом мельнике, который жеста́ми показывал людям, приехавшим на мельницу, что им делать).

Глагол *сказать* в этом значении также имеет управление дательным падежом:

- (14) *Ну ты Кáт'и скъзáль, што, э́тъ, падрѣшкѣ там пр'ий'ѣхъль?* ДР;
- (15) *Ну а мы им скъзáль'и:* «*Мы н'ѣ пайиѣд'им*» АНФ;
- (16) *Ну а ш'ш'ас, йа п таб'ѣ скъзáль, ш'ш'ас, йа ул'ажу́, пр'идал'ис'е ѣ Бѣуу* АрФ и др.

1.3. Управляемая форма при *говорить* в значении 'пытаться словами воздействовать, оказывать влияние на кого-н.' *Говорить 2* имеет вариативное управление, но преобладает форма *на + вин*. В этом значении различаются контексты, содержащие просьбу или побуждение к действию, и контексты, представляющие собой упрек или порицание, обращенные к собеседнику.

1.3.1. Значение адресата при *говорить 2* реализуется формой *дат.* в шести контекстах со значением просьбы или побуждения к действию; валентность темы чаще всего реализуется прямой речью, содержащей глагол в форме императива (18–22), а также формой инфинитива (17):

- (17) *Дѣ йа таб'ѣ уѣвар'илъ зап'исывѣт', ты н'и зап'исывѣль* АНФ;
- (18) *Ну тѣда шѣ ш, карѣва л'ажы́т', ѣна йей скъзáла:* «*Карѣму прѣда́йт'е w дру́гѣе рук'и! Ужѣ у вас ѣна жы́т' н'а бѣд'е*» НИ;
- (19) *Ну ѣна пѣч'итáла тудѣ судѣ, йа шс'ѣ слѣхъйу с'ажу́. Н'итк'и нѣв'езáла узлѣм, скока скока, и máмы уѣвар'ит':* «*Пр'ид'и дамѣи и зькѣпáй ид'ѣ карѣва жыв'ѣ, пѣт парѣх*» ДИ;
- (20) *А Н'урка:* «*Брѣс', йа сьма*». *А мн'ѣ тѣжѣ нѣдайѣс'т' ѣта, уѣвар'ит' йей:* «*Н'ур, на, з'д'ѣльи, Н'ур, на, пѣда́й, Н'ур, вын'ѣс'и*» ДР и др.

Два раза в контекстах со значением просьбы зафиксирована форма *на + вин*.

- (21) *А налѣх н'ѣч'ѣм плат'ид', бáт'а уѣвар'ит' нѣ свѣеуѣ на кѣмъ:* «*Кѣм Ъл'ѣшк, ваз'м'и Нас'к'у с сабѣу*» АД;
- (22) *Пр'иб'еуáйут' судѣ л'исы. Йа вот на Н'урку уѣвар'у:* «*Зѣтѣвр'áй д'в'ѣри, а тѣ л'исá зал'ѣз'ѣе уѣ ѣтѣт вот у сьра́й*» ДР.

Также с глаголом *сказать*:

- (23) *И ўвэр'ит', на нэй скъзъл, ўрит'*: «Ус'о буд'е, сажу́и, свэй'уо из л'ул'к'и вазм'и, w печ' зьбрóс'», — *а этъ'ъ Исуса Христа ꙗлажъл'и, ул'ул'к'у НИ*;
 (24) *Ъна́ (мать) вы'у'н'е пьрс'атък мал'ин'к'их ст'ер'еч', ъна́ нь ндс-тъ скъже*: «Ид'ит'е, вон' этъ вьр'ьбóйушк'и, б'ау'ит'е пьймáйт'е», *а сьма́ этъ свол'иццъ нь мау'илу и кр'ич'дт' ЕН*.

Таким образом, в контекстах со значением просьбы возможно варьирование форм управления. По-видимому, здесь имеет значение степень императивности или эмоциональности высказывания: чем строже, категоричнее или эмоциональнее просьба, тем вероятнее появление формы *на + вин*. Употребление этой формы может также указывать на то, что просьба сопровождается негативной эмоцией, некоторой агрессией по отношению к собеседнику; такая просьба больше похожа на требование.

1.3.2. В высказываниях, содержащих критику, упрек, порицание, неодобрительных по отношению к собеседнику, глагол *говорить* последовательно управляет предложно-именным сочетанием *на + вин*.

В приводимых ниже контекстах информанты описывают ситуации, когда обращение к собеседнику содержит осуждение его действий, поведения (25, 26), слов (31), критику его манеры речи (27), несогласие с его мнением (28, 29). В контексте (30) содержится недовольство ситуацией и побуждение собеседника к действиям, которые могут изменить эту ситуацию. В контексте (32) не содержится упрека или осуждения, но из слов говорящего следует, что собеседница сама спровоцировала неприятную для себя ситуацию.

- (25) *Ну, ньпр'им'ер, ъддълá ѡа д'ен'у'и, стó рубл'ей. А нь м'ин'е ўвэр'а́:* «Куды́ ты ъддълá у б'елъй св'ет эт'и стó рубл'ей, н'е нэдъ их ъддвáт'!» ДР (объясняет значение выражения *в белый свет*);
 (26) *Нь таод́ на эту́ нь Тán'к'у ўввар'у́:* «Тán'к'а, таб'е зъ дупкóм пьшóл, а ты спáт' л'еулá! Во, в'идáль, — ѡа ўввар'у́, — ты кькáй! Дь ты хóд' бы пьул'ад'елъ, пр'ин'ос он таб'е этъд дубóк ай н'е» ДР (соседка попросила мужа ДР принести ей с колхозного склада бревно или жердь, чтобы починить крышу погреба; муж отправился за «дубком» вечером и долго не возвращался; обеспокоенная ДР отправилась искать его и обнаружила, что муж в темноте провалился в погреб соседки, а сама соседка легла спать);
 (27) *Ну́ эт, а нь м'ин'е ўвэр'а́:* «Н'и ўввар'и́ кóхв'е мьйá, кóхв'е — этъ мушкóу' пóль, кóхв'е ч'ей? — мой» ДР;

- (28) *Вот у нас быва́ль ба́бь, тут э́на ны́н и́шн и́й уот ум'ерла́, пр'ид'е:* «*Вот ма́ль п'э́нз'иш*». «*Ка́к ма́ль? — йа на н'ей у́вар'у́, — ка́к ма́ль, а ско́к ш таб'э́ на́дь? Дв'ена́цът' пълуч'а́иш, а ско́к ш таб'э́ на́дь?*» АрФ;
- (29) *А йа́ у́вар'у́ нъ́ е́ту, нъ́ ч'итáлку-тъ́, у́вар'у́:* «*А пач'ом вод зна́йт'е?*» АД (интересуется у чтицы в церкви, есть ли твердые расценки на требы);
- (30) *Вот йа на Н'у́рку у́вар'у́:* «*Н'у́рка, кда́ ш ты саб'э́ вот там о́къл врем'а́н'к'и зъя́рòд'иш?*» ДР;
- (31) *Што-н'ибу́т' он нъ́бубн'ит', ну а мы́ у́вар'и́м тады́ нъ́ н'еуó, на е́тъвъ́ ч'илав'э́ка:* «*Ты б'э́з у́лавы́, бубн'и́ш хто́ знай што́*» ДР.
- (32) *Э́на у́вар'и́т' нъ́ ма́му:* «*До́мушка, ты ма́сла ка́му дъва́ла?*» ДИ (знахарка считает, что женщина, которой мама дала масло, навела порчу на корову).

В нижеприведенном контексте при объяснении слова *приизводи́ть* в значении 'говорить колкости кому-н., дразнить' употребляется глагол *говорить* с управлением *на + вин*.

- (33) *Пр'извад'ит' — ф плаху́йу сто́ръну у́вар'и́т' нъ́ ч'илав'э́кь* АнФ.

Этот материал можно дополнить примерами, записанными от руки в экспедиционной тетради:

- (34) *Йа́ вот на д'э́вкъ у́вар'у́:* «*Ма́иш, ну што́ ты йéзд'иш?*» ДР (считает, что внучке слишком далеко ездить на работу);
- (35) *Йа́ на Н'у́рку у́вар'у́:* «*Бро́с'т'и, ръ́зайд'ит'ис'ь с э́т'им хо́ръм*» ДР (уговаривает дочь не выступать в фольклорном коллективе, в котором возникли разногласия и конфликты).

1.3.3. Встречаются случаи, когда в высказывании не содержится ни просьбы, ни порицания, однако присутствует попытка эмоционального воздействия на собеседника. В приведенном ниже контексте женщина сообщает мужу, что опять родила девочку. Она опасается, что тот расстроится, чувствует себя виноватой и ставит себя в ситуацию, которая вынуждает ее просить прощения, защищаться, оправдываться, а муж, в свою очередь, не соглашается с ней и считает, что просить прощения не за что:

- (36) *А е́тъ э́на́ (мама) у́вар'и́т':* «*Андр'у́н'а, — на мъ́йеуó, а йа́ бът'а́къ йеуó звъ́ла, — Андр'у́н'а! Дъ́ ит' э́п'а́т' тр'э́т'йу́ д'е́жу ръ́д'и́ла!*» Он: «*Т'фу́! Вра́и ттаб'э́ ко́жу сым'и́! Дъ́ ит' э́та́, ус'ò у́ ней, ру́ч'к'и, ус'ò, здра́в'ин'к'ийа́?*» — «*Дъ́ э́тъ ус'ò*». А ма́мъ на п'ач'э́. Он: «*Пòл'к', а ты́-тъ шло́ там, зда́рòв'ие ка́к?*» А ма́мъ: «*Дъ́ н'ич'еуó*». Ну, ръ́д'и́ла ч'ильэ́к. Бу́а. «*О́х, а ты́, Пòл'к', н'е уар'уйи́, — нъ́ ма́му, — ка́к с'а́дут' у́ тр'и́ пр'а́х'и пр'ас'т', а ты́ то́къ сну́й!*» ЕН.

1.4. Точка зрения говорящего или адресата. Различия в употреблении форм *дат.* и *на+вин.* в зависимости от точки зрения участников ситуации можно проиллюстрировать на примере нескольких контекстов, в которых мать выражает свое отношение к замужеству дочери — пытается отговорить ее от этого шага или, наоборот, склонить к браку с подходящим, по ее мнению, человеком.

В примере (37) ситуация представлена от лица матери (временной фокус отнесен в прошлое): мать напоминает, что предостерегала дочь от неудачного замужества; с точки зрения матери, в ее словах не было осуждения или негативного отношения к дочери:

- (37) *Мамъ бываль скáже: «Кáк ÿа таб'ё уьвар'и́лá: не хад'и зь неуб зáмуш. Кáк ÿа таб'ё! Хто́ мáт'ер'и н'а слухайá, хто́ ъцá-мáт'ер'и н'ь пьч'и-тáйе, то́т, уыт, тр'ижд'и прокл'ьтýй»* ЕН.

В примерах (38, 39) ситуация представлена, наоборот, с точки зрения дочери, которая чувствует, что на нее оказывают давление. Дочь воспринимает высказывания матери как негативные, осуждающие, соответственно выбирается другая форма управления:

- (38) *Ынá бываль скáже: «Д'ётч'к'а, ÿа этъ, хóт' н'ебъуáт'ыйá, а д'уже ÿа в'идн'ыйá, пьч'óтн'ыйъ, — мамъ скáже, — дъ за коуб и ты-тъ ид'иш зáмуш?» — нъ м'инé* ЕН;
- (39) *Мамъ с'ид'ит' и нъ м'ин'ё уьвар'ит'»: «Ну пьч'аму за этъгъ мáлгъ н'а вьйти?»* АнФ.

1.5. Функциональное различие между формами *дат.* и *на + вин.* при *говорить 1* и *говорить 2* проявляется также в том, что форма *дат.* для обозначения адресата сообщения, в отличие от *на + вин.*, может употребляться и при *говорить* в других значениях, которые подразумевают заполнение валентности темы, например в значении 'рассказывать кому-н. о чем-н.'. Так, вполне возможна в роговатовском говоре фраза: *Я тебе говорила про/за свою семью*, но нельзя сказать: **Я на тебя говорила про свою семью*.

Таким образом, в говоре прослеживается тенденция к распределению вариантов управления между разными значениями. При *говорить, сказать* со значением чистого сообщения преобладает *дат.*, при *говорить, сказать* в контексте, подразумевающим воздействие на собеседника, — *на + вин.*

1.6. Семантическое распределение вариантов *дат.* и *на+вин.* имеет место и в безглагольных предложениях. Дательный падеж употребляется в ситуации чистого сообщения, передачи информации:

- (40) Да! И йо́н, *йа-ть вам* [говорю, рассказываю], ч'ёр'из зёр'нищю, *э́тъ бы* *йс'о р'а́дъм* ЕН;
 (41) А *йа́, ба́бы, вот вам* [говорю], *дъ вы́, йа зна́йю, вы спи́сывът', бу... бу-*
дут' там ид'е́ и урхъ́тат' (смеяться) ЕН⁴.

Форма *на + вин.* маркирует ситуацию просьбы (42), побуждения к действию (43–46) или употребляется в контексте, содержащем осуждение (47–50), несогласие с собеседником, попытку переубедить его (51).

- (42) *Дъ там н'е́къда иш лажы́ццъ, и но́ч' пр'а́л'и, пьд луч'и́нйю, ад́ин дёржа* *хто-н'ибут' луч'и́ну ат е́тъга, ат кънапл'и́, э́бд'ару́т' луч'и́ну, и зъжы-*
уа́йу́т', а е́т'и с'ид'а́ пр'а́дүт', н'е́скъка пр'а́х. Дъ пр'а́дүт'-пр'а́дүт', и
д'е́т устáн'е, мо́ш, пáд'е ссáт', а ан'и́ нъ н'еу́: «Дъ д'едушка, *дъ нáм*
бы...» – *йе́ст' зъхат'ел'и. Ау́а, щáс пáд'е́ э́тамкн'е́ там, атр'е́же,*
пр'ин'ос кúс сáл'ца, хл'е́бушкá, пажу́йуццъ ет'и снóх'и — а́п'а́т'
пр'а́ст'. И *у́тръ мáх-тá* НИ;
 (43) *Пайду́ с' н'и́м, право́д'е м'ьн'е́.* Ну, как *нъпъд'е́ццъ харо́шй:* «Н'е́, Ва-
н'у́и, ид'и́ дамóй, — Ван'у́иш йеуó, — ид'и́ дамóй», — на н'еуó,
 (отсылает прочь ухажера, если попадаетея более подходящий) ЕН;

часто в контексте угощения, предложения еды:

- (44) *Вот ан'и пр'ин'асу́т':* «*Мáм, нá вот, ба́бушкь здéла́ таб'е́, йе́ш», — нъ*
ма́му ЕН;
 (45) *А мы-ть, йа үл'ажу́, и д'е́т'и-ть үл'ед'а́, ма́мá, үл'ед'а́. А збо́ку двóр,*
та́м была́ кúхн'а. Вот ан'и́ (немецкие офицеры) н'еá йе́л'и ис кúхн'и!
Палу́ч'үт' у кьт'алкú ад'ин и друго́й, «Дáр'им!» — нъ д'ит'е́й, ан'и́
пъд'б'агу́т', ан'и́: «Нá», — и ука́жа: «Пъмо́й!» — э́ддадүт', ну а́дда-
дүт' нáшым р'еб'а́тъм е́т'и кьт'алк'и́ АД;
 (46) *Ма́мá-тá: «Йе́шт'е, йе́шт'е, йе́шт'а! Йе́шт'е, йа найе́мс'и, йе́шт'е!» —*
«Мáм, сад'ис'» — «Йе́шт'а!» А рууáльс'е. «Ч'о́рт, уш пькъмáндьвáлá,
— нъ м'ин'е́, — пькъмáндьвэ́ль, йе́шт'е, д'е́т'и, н'а в'е́р'т'а» АД;
 (47) *А он: «Ид'и́, врау́и ттаб'е́ ко́жу, йа тт'иб'е́ ц'а́с!» — нá н'еуó,* зькьзы-
р'а́лс'и ЕН;
 (48) *Вот йа нъ н'еуó зь п'йáнку, а он у́вар'ит:* «*Йе́с'л'и пьш'и'итáт', ты у*
с'е́м' рас бóл'ь м'ен'е́ пьтрат'иль, кáжнй д'ен'у т'иб'е́ рад'ит'ьлскъ-
йа!» (много денег тратила на поминание умерших родственников) АД;
 (49) *Бна́ пáдышлá к э́тй жэ́н'ишыны:* «*В'е́ра!*» *Бна́: «Што?» — «У т'иб'е́*
э́тъ, ты кр'ест нóс'иш?» — нъ н'е́й. *Бна́: «Нащү. А што?» — «А што*

⁴ Эти фразы можно интерпретировать и как эллиптические конструкции, в которых опущен глагол.

же ты этъ? Этъ вот скат'инъ ил'и л'уд'и? Хот' и скат'иня, ус'о равно надъ што-йтъ и пълсат' (постелить)! Ну што ж жён'шишынъ д'оруйе салому? И спат', этъ, лажыт' д'ит'ей! И съма зьбал'ель!» ЕН (одна женщина упрекает другую за то, что не пустила переночевать больную с маленькими детьми);

- (50) *А тады рум'ан'ил'ис'а бурькам'и, а бурак'и йес' р'едам'и, н'а ч'истъ красныйе. И вот бывалъ нъмусол'уцъ, жыл'и-та, а фс'о хощъ была пькръсив'ейа. Бурькам'и нъсусблицъ и ид'а, улъза вълуп'а. Йа вот тош къка-тъ н'и събръжайу, йа мау' мноу' нърум'ан'ицъ, у м'ин'а этът пакдйн'ик Зьвалок'ин и втругал. Он нъ м'ин'е: «Ну куды ты тах-тъ нъв'елас'е? Как т'иб'е пькъзат' пь этъму (по телевизору)?» Ну йа увар'у, св'арнула: «У нас тах-тъ рум'ан'ил'ис'а» НИ;*
- (51) *А нас'ил'и мы ув'ес' в'иек, вон' н'и лаз'инк'и у лау', вот из ен'т'их лаз'инк' нас'ил'и. А йа-тъ на н'их нъ купиубу' нъ ем'их: «Дъ кау' жъ йа-тъ, дуръч'к'а! Йа из во ен'т'их лаз'инк' нас'илъ», там у нас калод'ис', уш он ш'ас там н'ьбоз' зьвал'илс'и, н'еагуд'ин (люди, собирающиеся купать дом, считают, что слишком далеко носить воду от колонки) АД.*

В следующих двух контекстах информантка рассказывает о том, как безуспешно пыталась скрыть от жениха свою неграмотность. Сначала жених просит ее прочитав письмо от матери (побуждение к действию, пример 52), потом, видя, что все письма от невесты написаны разным почерком, понимает, что она неграмотная, и мягко упрекает за обман (53):

- (52) *Вот ху... ну мамъ пръишлй рас, этъ, пр'ислалъ н'исмб, а он уз'ал йей, зту н'исмб. Ну он уйт': «Ну дъвай, дъвай, ч'итай, йа ш н'е мау' ч'ужуйу этъ. Ч'итай», — нъ менё. А йа пьд'ержалъ у рук'е: «Дъ н'ехай патом пръч'итайу». А йа-тъ н'е ум'ейу ч'имат' ЕН;*
- (53) *Ну, он пр'исылайе мн'е н'исмб: «Ленач'к'а, пьч'аму ты поч'ч'ерк м'ен'аши?» — он нъ м'ен'е (с точки зрения ЕН, вопрос содержит упрек, ставит ее перед необходимостью оправдываться). Ну, што ш мн'е? А йа, а йа ишио-тъ нп'исалъ: «Ну, дъ йа тък мау'. А он вьратнъ мн'е пр'исылайе, увър'ит': «Даже Лен'ин н'а мѳх м'ин'ат' поч'ч'ерк. Лен'ин дажы поч'ч'ерк н'а мѳх м'ен'ат', а ты эт къкайт' урамътнйъ», — нъ менё. Ну уш он тьод' пн'ал, ишио йа н'еурамътнйъ. Знаши, кау' былъ н'еудбнъ ЕН.*

В приводимом ниже контексте ДР выражает недовольство тем, как сложены рушники, а АнФ уверяет диалектологов, что упрек обращен только к ней. При этом она в свою очередь возмущается, что дожидается почти до семидесяти лет, а мать по-прежнему считает ее ребенком:

- (66) *Йа-тъ пѣм'ина́ль рад'и́т'ѣл'ѣй, а он нѣпѣда́лс'и нѣ м'ен'ѣ: ѡа дѹрѹч'к'а АД.*

Глагол *кричатъ* так же, как и глаголы *говорить*, *сказать*, имеет вариативность управления *дат.* и *на + вин.*, в зависимости от значения глагола. В значении 'громким голосом сообщать что-н. кому-н.' он управляет формой *дат.*:

- (67) *Ан'и́ тут т'анут', вѣлаку́т', а мѡи кѣѹб' б'и́ут', а хтѡ-н'т' там, стѣ-р'ик'и́ л'ежа́л'и, ув акнѡ **кр'ич'а́т' л'уд'а́м** — разбѡй! НИ;*
 (68) *Ну, разбѡй, а **каму́ кр'ич'а́т'**? ЕС;*
 (69) ***Кр'ич'а́т'-тъ н'ѣка́му**, пѣстѣва́л'ис' ад'н'и́ ба́бы, каму́ мо́жнѣ бы́ль, он вѣйехя́л, ѣцѣл'е ЕС;*

в значении 'бранить кого-н.' — формой *на + вин.*:

- (70) *И д'ѣт са мно́й сроду́ н'и бран'и́лс'и и ѹромкѣ **нѣ м'ин'ѣ н'и кр'ич'а́л** ДР.*

Глаголы *шумѣть*, *зашумѣть* в значении 'бранить кого-н.' также имеют управление *на + вин.*:

- (71) *Ъна́ кѣка́йѣ-тъ шумав'и́тѣйѣ, **шум'и́т нѣ м'ин'ѣ** ДР;*
 (72) *Ну́ он (сын) то́кѣ пр'ийѣд'а, ѹл'а́н'а: ну́ н'е та́х-тъ там ид'ѣ — н'ич'еуѡ́ н'е за́шум'и́т', а са́м, са́м из'д'ѣльѣе. Са́м из'д'ѣльѣе, ма́м. Ну́ уш он н'е **зашу́м'и́т' нѣ м'ен'ѣ** ЕН.*

2. Валентность темы

Валентность темы в роговатовском говоре может реализовываться предложно-именными сочетаниями *про + вин.*, *о + предл.*, *за + вин.*, *насчѣт + родит.*, а также формой *вин.* Глагол *говорить* имеет валентность темы преимущественно в значениях 'сообщать кому-н. какие-н. факты, сведения, мысли', 'рассказывать кому-н. что-н.', 'разговаривать с кем-н. о чем-н.'

2.1. Самым распространенным вариантом реализации валентности темы в говоре Роговатого является предложно-именное сочетание *про + вин.* С таким управлением в корпусе отмечен глагол *говори́тъ* — 4 примера, а также глаголы *расска́зывать* — 9 примеров, *рассказа́тъ* — 4 примера, *бала́кать* — 3 примера, *пожа́литься* — 2 примера, *жа́литься* — 1 пример, *разбала́каться* — 1, *побала́кать* — 1, *разгова́ривать* — 1, *бесе́довать* — 1. Валентность адресата или второго участника может заполняться соответственно формами *дат.* или *с + твор.*

говори́тъ

- (73) *ѹл'ад'и́т'е, прѣ́ нас н'е ѹ́вар'и́т'е, а то ѣна́, ан'и́ бѹдут' ѣб'ижа́циѣ ДР;*
 (74) *Н'е на́дѣ прѣ́ на́з ѹ́вар'и́т' ДР;*

(75) *Вот, а йа прь маму увар'у:* п'бр'кр'ас'т'илас', пьклан'ил'с' и пайэх'ла пьхат' НИ;

(76) *Ну вот прь пропк'и кажн'ий д'эн' увар'им,* а йа вот н'е скэзаль сразу пропк'и ДР.

разговаривать

(77) *А йа:* «А пьч'аму ты прь мыйею' џица' н'е эть, н'а хоч'иш рьзубар'ив'ят', а прь эн'т'у?» ЕН.

балакать, разбалакаться, побалакать

(78) *Наишут прь н'ей' б'лак'ят'* — што' увар'а М'он'а ДР;

(79) *Прь м'ин'е б'лак'яла,* а йа с'вастод'жыла АНФ;

(80) *Йа же н'е знайу прь ч'уб'о у т'иб'е' џна с табой буд'е б'лак'ят'* ДР;

(81) *Ох, рьзб'лак'ал'ис' прь д'м'х'но'у' АНФ;*

(82) *П'рад'и, д'вай пра н'ефт' п'б'лак'им* АНФ.

беседовать

(83) *Прь с'лав'ий (вин.=имен.) б'ас'ед'в'л'и* НИ.

рассказывать

(84) *Эт' џна рьск'аз'в'л' пра му'ж'е?* ДР;

(85) *Эт', мам, х'ват'а эт' рьск'азыв'ят' прь м'ен'е* АНФ;

(86) *Эт' ид'е-т', што ты што рьск'азыв'иш прь у'раж'и?* АНФ;

(87) *Ну вот йа прь с'иб'е' рьск'азывайу,* там жы сл'ва так'ийе што м'ожн' их ДР;

(88) *Рьск'аз'в'ла йа прь ц'рк'ву,* как з'крыв'ал'и, как т'крыв'ал'и ДР;

(89) *Рьск'аз'в'л' прь сл'ив'уку,* ка'ша мал'ошн'ий', ка'ша сух'айа АНФ;

(90) *А па эт'ий л'ес'ьнк'и л'ез'е туды, н' н'ьб'ес'а. Прь на'иш'и ур'ах'и рьск'азыв'ят',* м'ы ж'е ур'аш'им АД;

(91) *Вот т'б'е' и б'уат'и, д' прь к'уб'о ет, мам' вот рьск'аз'в'л', д'а у'ос-п'д'и, д'а йа вот ус'эх'ы знайу, йа и иш'у зна'л', а заб'и'л' ЕС.*

рассказать

(92) *Мы прь П'орку хат'ел'и рьск'аз'ят'* АНФ;

(93) *Ну д' прь ч'еуб'о вам рьск'аз'ят'-т', х'то знай* АНФ;

(94) *Рьскаж'у, как й'д'инал'иш'н' ж'ыл'и, как кал'х'озы' б'ру'н'из'овыв'л'ис' рьскаж'у, рьскаж'у иш' эт' точ'н'ь и'с'од' прь вайну', как пр'ихад'ил'и, как за'куп'и'р'в'л'и нас, как мы ж'ыл'и, как у вайну' ж'ыл'и ДР;*

(95) *Знач'ит прь кал'од'ис' џна рьск'аз'аль* ДР.

жалиться, пожалиться

(96) *П'жал'ус'е пра д'ев'к' — пра Н'урку пр'ишла мн'е ж'ал'и'ц'я* ДР;

(97) *Дай йа с табой п'б'лак'ий, п'ж'ал'ус' таб'е пра д'ев'к' прь эт'их* ДР.

Обычны примеры употребления формы *про+вин.* в безглагольном предложении:

(98) *Ну вот, и мн'ѣ дѣстáльс'е лóвкѣ. Кáк' ѡа за н'йм'и хад'йл'и. И вот он, прѣ кáп'ил'к'у прѣ ѣту. А вып'ивáл. Вот бýл стѣкáн'ч'ик мál'ин'к'ий, и ѡн в ѣтѣт стѣкáнч'ик, на рýпч'икѣх нѣ как'ѡх-тѣ был. И вот ѡа ѡаму на рýпч'ик вот тѣхтѣвó нъл'ивáла. Трóшк'и, мѡжѣ рáза двá ай тр'и улън'ѣ он. А он бвѣль: «Дѣ кáпн'и ѡеи'о. Дáшк, кáпн'и ѡеишó трóшк'и!» — «Вáн', дѣ н'е нáдѣ, л'ѣбó таб'ѣ плóхѣ бýд'а. Ты думѣиш итó, мн'ѣ жéáлкѣ?» Марýс'а пр'ѡйѣд'а пр'ам рáс ѡаму на тумбѣч'к'у, збóку ѡбóу тумбѣч'к'а стѣйáла, а ѡá вазму, — «Дѣ н'е пр'ѡб'ѡрáй, н'ѣхáй мѡжѣ ѡа сáм», — «Н'ѣ, Вáн', ѡа сѣмá таб'ѣ бýду л'ѡт'». И вот наишну л'ѡт', он итó кáпн'и ѡишó, вот и **пра ѡѣту кáпл'у**. Дѣ вóт'к'и, а ч'бóу ш. Бвáль он н'ѣ ѡввар'ыл итó вóтку кáпн'и, а бвáль: «Дáшкѣ, дѣ кáпн'и ѡеишó трóшк'и». — «Вáн', дѣ шó и ты, л'ѣбó таб'ѣ плóхѣ бýд'а». Ну **прѣ кáп-л'у ус'о?** ДР и др.*

2.2. Случаев, когда валентность темы при глаголах речи реализуется сочетанием *о (об) + предл.*, что характерно для русского литературного языка⁵, в нашем материале очень мало:

(99) *а ѣба мн'ѣ н'ѣ талкуѡт'е* (ср. также при отглагольном существительном: *ѡá ѡр'у, ѣба мн'ѣ нѣ с'ал'ѣ рѣзѡвóру, ч'ѡá-ѡтѣ д'ѣвушка ид'от' пр'áмѣ в ѡóру* НИ).

Носители диалекта воспринимают эту форму скорее как чуждую их языку, что отражено, в частности, в ответе на вопрос диалектолога, как правильно «по-роговатовски» — *рассказывать о семьѣ* или *о семьѡ*:

(91) *Рѣскáзывъл прѣ свáйу с'ам'ѡу. Ъ свѣйѣй с'ам'ѡй* — *ѣтѣ н'ѣ нѣ рѣѡвá-тѣфск'и* АнФ.

2.3. Управление *насчет + родит.* также встречается редко и зафиксировано в единственном контексте:

(100) *Ты ѣтѣ, наиш'ш'от ѣтѣѡѣ ты прáв'ил'нѣ ѡввар'ѡиш, шишó в'ис'ал'ѣй бýль д'ѡжѣ, в'ис'ал'ѣйѣ* АрФ.

⁵ Примечательно, что управление *про + вин.*, также широко распространенное, не фиксируется в большинстве словарей современного русского литературного языка (см., например, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Большой толковый словарь под ред. С. А. Кузнецова и др.).

2.4. Форма *вин.* без предлога при глаголах речи обычно реализует валентность содержания, но иногда может реализовывать и валентность темы, в некоторых случаях их трудно разграничить:

- (101) *Он выступáл пón, óн выступáйе, в'ид'ё, этъ б'лáк'йе, харóш'и д'елá у'вар'йт'*: *на́дъ л'уб'йт', на́дъ ув'яжа́т', на́дъ д'ал'и́цъ, на́дъ н'а ссб-р'и́цъ, на́дъ н' вóтку н'а п'ит' и н'е да н'е сп'ивáцъ, ну. Вот эт'и вот д'елá* АрФ;
- (102) *Дъ шó ж ъна́ б'уд'е р'ьскáзыв'ят' ёт'и д'елá?* ДР;
- (103) *А посл'е [нрзб] пр'ид'е у рóльву, а щó ж йа вóт этъ н'и скъзáль* АрФ;
- (104) *Марóка, н'ь марóч'ьй рóльву. И вот у'вар'йт' што-н'иб'ут', т'ь мн'ё н'ь марóч'ий рóльву, ты н'ипрáв'ил'н'ь у'вар'и́и;*
- (105) *Штó ш ъна́ тáм бáнкъ вáм р'ьскáзыв'ель?* *Кáу жылá?* ДР;
- (106) *Ну щó ш таб'ё ишишó р'ьскъзáт', м'ил'ин'к'ийъ?* АрФ.

Пример диалектной замены местоимения *что* местоимением *кого*:

- (107) *И маш'ыны, и л'исап'ёты, и л'ехкав'ичк'и, и тра... н'ь тра́хтър'е пр'и-йёхъл'и — он б'лáкъл вóт к'ьó:* *«Вóт к'ьó йа скъзáл, н'е пайдú уль-с'ьвáт', — п'ёрв'ий ульс'ьвáн'йе былá, — йá н'е пайдú!»* АД.

2.4. В современном русском литературном языке есть управление *за + вин.* при глаголе *говорить* в значении ‘служить доводом в пользу чего-н.’, например: *Каждое движение его души говорит за то, что в своем клиенте я имею честь видеть идеального человека* (А. П. Чехов), однако оно воспринимается как устаревшее или разговорное, противопоставляясь нормативному *говорить о + предл.* (Розенталь 1997: 39), ср. *говорит само за себя* (МАС), (ТСРЯ 2008: 157) и др.

Управление *за + вин.* для обозначения темы высказывания при глаголах речи, так же как форма *на + вин.* в значении адресата, встречается в южнорусских говорах. Оно отмечено при глаголах *говорить, гутарить* в ростовских (Полторацкая 1939: 55, см. также: Касаткин 2013: 275) и воронежских (Собинникова 1961: 181; Черенкова 2009: 39, 56) говорах, также при глаголе *сказать* (Черенкова 2009: 47), при глаголе *говорить* в кубанских (Харламов 1898: 9), курских (Бюллетень диалектологического сектора 1947: 146), тамбовских (Мешковская 1950: 146) говорах. Употребление предлога *за* в соответствии с *о (об)* литературного языка при глаголах *говорить, знать, плакать* и др. зафиксировано также в старообрядческих говорах с южнорусской основой, например, в говоре старообрядцев-липован с. Татарица в Болгарии (Касаткин 2008: 135).

Исследователи указывают, что винительный с предлогом *за* при обозначении объекта речи в южнорусских говорах распространился под воздействием украинского языка (Собинникова 1958: 53–54; 1961: 181). При этом для современного украинского литературного языка эта конструкция, синонимичная *про + вин.*, не совсем нормативна, отмечается, что она воспринимается скорее как архаичная и более свойственна диалектной речи и фольклору (Сучасна українська літературна мова 1969: 485–486; см. также: Курс современного украинского языка 1951: 92–93; Культура русской речи на Украине 1976: 339); конструкция *за + вин.* типична для юго-западных говоров украинского языка, но встречается и в некоторых юго-восточных (Історія української мови 1983: 190–191; Добош 1978: 18–19).

Примеров управления *за + вин.* в роговатовском материале зафиксировано не очень много, достаточно сказать, что в основном корпусе такой материал отсутствует.

В отличие от ситуации с распределением вариантов *дат.* и *на + вин.* для обозначения адресата, в данном случае не удастся обнаружить никаких семантических критериев выбора варианта управления, что, возможно, связано с недостаточностью материала. Форма *за + вин.* отмечена при глаголах *сказать, рассказать, рассказывать, говорить, спросить*. Ниже приводятся примеры свободного варьирования *за + вин.*, *про + вин.* и *вин.* в речи одного информанта (примеры получены путем прослушивания аудиозаписей, при прослушивании выбирались преимущественно контексты с формой *за + вин.*). Обращает на себя внимание архаическое употребление беспредложного винительного падежа для обозначения делиберативного объекта при глаголе *рассказать* (113, 114).

При глаголе *сказать*:

- (108) [А когда развалили церковь?] — *Эть йа, дэвѣчки, не мау́ скъ́зят', давнѡ, давнѡ рѣзвал' ѡнѣй цѣрквѣ. Какии уѣдѡ были, йа не мауу этъу́ скъ́зят', давнѡ* ЕЖ;
- (109) [А не купались там в Крещенье?] — *Не зна́йу. За э́тъ йа не мау́ скъ́зят'. Я дѹмѣйу, нѣт* ЕЖ;
- (110) *Йа за сѣм'йу хатѣль штѡ-т скъ́зят' и забѣль.* — [Ну вот отец...] — *А, ну ѡн был ичѣтъвѡдѣм у калхѡзи* ЕЖ;
- (111) *Ну, за э́тъ йа ни мау́ скъ́зят'* ЕЖ;
- (112) *За курѣй штѡ-тѣ йа не мау́ ничерѡ, не мау́ дѡ́жѣ скъ́зят'* ЕЖ.

При глаголах *рассказать, рассказывать*:

- (113) *Таки́йа йез' жалѣзѣ утыка́йут, ну, как ѣих рѣскъ́зят', не зна́йу* ЕЖ;

- (114) *Г'алѣуи*. — [А какие телеги?] — Ну *ка́к, как рѣска́зят' т'алѣуи*. *Кал'б-сь примѣрнѣ кру́улаи...* Дѣ у нас нѣту щас на́вѣрнѣ кал'бс ЕЖ;
 (115) *Ч'оуо́ йа рѣска́зывъль?* — забы́ль. — [Про свекровь.] — А, ну́, ну́ ъна́ тѣда́ э́тъ, састро́или ва э́тъ на́ двѣ вы́хѣдѣ. Дво́р был периу́ражѣнѣй, минѣ *прѣ нѣй* мно́гу надѣ *рѣска́зывътъ'*, дѣвки! Ужѣс! ЕЖ;
 (116) *А йа за себѣ не рѣска́зывъль*, как менѣ в'азли́ дѣ Шѣта́львки? Ни рѣска́зывъль? ЕЖ.

Форма *за + вин.* встречается и во фразе, где отсутствует глагол:

- (117) *Книшкѣ белу́арѣтскѣй, там зѣ на́шу Рѣу́вѣтъку* ЕЖ.

Несколько примеров употребления формы *за + вин.* записано от руки в тетради:

- (118) *Мы за лѣс у́варѣм* ЕЖ;
 (119) *Вот и йа́ за э́тъ у́вар'у́* ЕЖ;
 (120) *Не зна́ю, не зна́ю, йа за э́тъ не ма́ру' рѣска́зят'* ЕЖ;
 (121) *А за ва́шиъ вот н'ич'уо́ н'и спра́с'и́ль за жы́зн'* ЕЖ.

Форма *за + вин.* для обозначения содержания информации может употребляться также при глаголах слухового восприятия:

- (122) *Йа вот то́къ пѣрвѣй рас слы́шу зѣ Тѣрѣка́нѣфку* ЕЖ

(см. также Черенкова 1983: 123), для обозначения содержания и повода эмоционального состояния при соответствующих глаголах:

- (123) *Пайдѣ́ зѣ сва́йу жы́с' пѣвис'ал'у́с'* ЕЖ.

3. Валентность содержания при *говорить* чаще всего выражается прямой речью (более 300 примеров): *Ну он што́ вѣул'ин'е, у́вѣр'ит'*: «*Дѣ э́тъ з'ил'ан'ѣйуцѣ картѣх'и!*» АнФ; *Ш'и'ас ход'ѣ у́вѣр'а'*: «*О, трудо́нѣ*». *А ты ул'ад'иши, дѣ ка́у жѣ трудо́нѣ?* АрФ; *Ан'и́ у́вѣр'а'*: «*Дѣ ъна́ бал'ѣйѣ*», — *пл'емѣнн'ик'и*. «*Ъна́, — ур'ит, — бал'ѣйѣ*» АрФ и др.; реже — бессоюзным предложением (16 примеров): *Йу́вр', кѣда́ ты надѣйхѣл, у́ал'а у́вар'ит', кѣка́й-тъ машѣнѣ с д'иу́но́ст'икѣй пѣдѣежѣалѣ стѣйáль, ты н'е в'идáл?*; *А уш тѣй у́вар'иши, йа́ и во́ду н'е ч'ернáль. Во́ кѣка́йѣ до́ч'!* ДР; *Во́т, хто́ у́вар'ит', л'ѣтс'е за́сухѣ былá, хто́ у́вар'ит', пѣбр'т'ил'ис'* — *дѣ ка́у жѣ ан'и́ э́тъ'и у́да́ н'е по́р'т'ил'ис'?* АД и др.; придаточным предложением с союзом *что* (6 примеров): *Ал'и́, вот у́вѣр'ат', пр'ин'елá каку́-ѣта, к саб'ѣ д'ит'ѣй, и у́вѣр'ат', што́ ъна́ ету́ нди́шу нѣ с'ибе взвал'и́ла!*; *Бвалѣ он н'ѣ*

у́вар'íл, што вóтку кáпн'и, а бвáль: «Дáшкъ, дъ кáпн'и йъшишó трóшк'и»
 ДР; *Éтът у́вар'íл у́рбач'óф, што п'ир'естрóйк'е ета буд'е óч'ин' трóд-
 нýйа, как рáн'ше, у́вар'ит, нъ стал'ё, накрóшут', зур'абут', и в рóт ет'и*
крóхт'и НИ и др.

4. Выводы. Таким образом, диалектное своеобразие управления глаголов речи связано со способом реализации валентностей адресата и темы. Семантическая роль адресата в говоре Роговатого маркируется двумя формами — *дат.* и *на + вин.*, которые используются в разных речевых ситуациях. Форма *дат.* употребляется в нейтральном контексте, когда говорящему необходимо передать информацию собеседнику. Форма *на + вин.* используется в контексте, связанном с эмоциональным воздействием на собеседника. Семантическое распределение вариантов управления свидетельствует в пользу выделения в роговатовском говоре двух значений глагола *говорить*: ‘сообщать кому-н. какие-н. факты, сведения, мысли’ (*говорить* 1) и ‘пытаться словами воздействовать, оказывать влияние на кого-н.’ (*говорить* 2). В одной и той же ситуации при глаголе речи могут выбираться разные варианты управления в зависимости от точки зрения говорящего.

Закрепление формы *на + вин.* за глаголами в значении ‘пытаться словами воздействовать, оказывать влияние на кого-н.’ вписывается в общую картину функционирования этой предложно-именной формы при глаголах речи в русском языке (ср. значение ‘говорить плохо о ком-н., наговаривать’). Форма *на + вин.* для обозначения объекта хуления или критики используется также при глаголах с общим значением ‘ругать, бранить’.

В говоре Роговатого семантическое различие между формами *дат.* и *на + вин.* прослеживается достаточно четко, однако можно предположить существование говоров, в которых оно стирается (или не сформировано). Вопрос вариативности форм адресата в южнорусских говорах с лингвогеографической точки зрения требует дальнейшего изучения.

Валентность темы заполняется формами *про + вин.*, *за + вин.*, *насчет + родит.*, *вин.* Форма *за + вин.* для обозначения делиберативного объекта при глаголах, обозначающих речевую или ментальную деятельность, а также при глаголах восприятия в говоре Роговатого встречается достаточно редко, форма *про + вин.* при глаголах речи является общеупотребительной. Имеющийся материал не показывает семантических различий форм *про + вин.* и *за + вин.*; вариативность *про + вин.* и *за + вин.* отмечена лишь в речи отдельных информантов.

Список информантов

1. ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923–2015, 10 кл.
2. АнФ — Анна Ивановна Фомина, 1948 г.р., 10 кл. и библиотечный техникум, дочь Д. И. Рожковой.
3. ЕН — Елена Андреевна Нечаева, 1932, неграм.
4. АрФ — Арина Ивановна Фомина, 1931, 1 кл.
5. АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926–2013, неграм.
6. НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1937, 7 кл.
7. ДИ — Дмитрий Исаков, муж Нины Дмитриевны Исаковой, 1937, 7 кл.
8. ЕЖ — Екатерина Антоновна Жильникова, 1935, неграм.
9. ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919, неграм.

Словари

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1996. Вып. 9 (вязаться–готовой).
- ПСО — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1986. Вып. 7.
- СлДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4 (Г–Д).
- ТСРЯ 2008 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; отв. редактор Н. Ю. Шведова. М., 2008.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 6 (выросток–гон).

Литература

- Букринская и др. 2014 — *Букринская И. А., Дьяченко С. В., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В.* Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2013 г. / Под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой // *Русский язык в научном освещении.* № 2 (28). М., 2014. С. 262–309.
- Бюллетень диалектологического сектора 1947 — Бюллетень диалектологического сектора // Институт русского языка АН, вып. I. М., 1947.
- Гринкова 1947 — *Гринкова Н. П.* Воронежские диалекты // *Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. И. Герцена.* Л., 1947. Т. 51.
- Добош 1978 — *Добош В. И.* Синтаксис южнокарпатских говоров украинского языка (синтаксические функции падежей). Автореф. дисс. докт. филол. наук. Ужгород, 1978.
- Добровольский 1891 — *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Часть I. СПб., 1891.
- Дурново 1903 — *Дурново Н. Н.* Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903. С. 131.
- Иванова 1961 — *Иванова В. А.* Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* М., 1961. Вып. II. С. 140–149.

- ИЛ — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том II. М.: Языки русской культуры, 1998 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1908).
- Карский 1956 — *Карский Е. Ф.* Белорусы: язык белорусского народа. М., 1956. Вып. 2–3.
- Касаткин 2008 — *Касаткин Л. Л.* Русский говор села Татарца в Болгарии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. Съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. С. 116–139.
- Касаткин 2013 — *Касаткин Л. Л.* Экспедиция в Ростовскую область / Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г. (под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 272–295.
- Культура русской речи на Украине 1976 — Культура русской речи на Украине. Киев, 1976.
- Курс современного украинского языка 1951 — Курс современного украинского языка. Киев, 1951. Т. II.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. Л., 1927).
- Ломтев 1956 — *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Мешковская 1950 — *Мешковская Н. М.* Синтаксические явления в моршанских говорах Тамбовской области. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1950.
- Полторацкая 1939 — *Полторацкая М. А.* О задонских говорах Ростовской области // Труды I диалектологической конференции. Ростов-на-Дону, 1939.
- Расторгуев 1960 — *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- Розенталь 1997 — *Розенталь Д. Э.* Управление в русском языке: Словарь-справочник. М., 1997.
- Собинникова 1958 — *Собинникова В. И.* О влиянии украинского языка на говоры Гремяченского района Воронежской области // Славянский сборник. Вып. II, филологический. Воронеж, 1958.
- Собинникова 1961 — *Собинникова В. И.* Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961.
- Собинникова 1978 — *Собинникова В. И.* Материалы для характеристики восточной группы южнорусского наречия в XVII веке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1978. С. 3–19.
- Солодовников 1867 — *Солодовников Ф.* О старооскольском народном говоре // Филологические записки. Воронеж, 1867. Вып. II, III–IV.
- Срезневский 1958 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1.
- Тер-Аванесова 2015 — *Тер-Аванесова А. В.* Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Исследования по славянской диалектологии. 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 298–333.
- Харламов 1898 — *Харламов М.* Некоторые особенности живого говора города Ейска Кубанской области // Филологические записки. Воронеж, 1898. Вып. II.

- Ходова 1971 — *Ходова К. И.* Падежи с предлогами в старославянском языке: Опыт семантической системы. М., 1971.
- Черенкова 1983 — *Черенкова А. Д.* О сочетании глаголов чувства в русском языке в сопоставлении с украинским и белорусским языками (выражение делиберативного объекта) // Материалы по русско-славянскому языкознанию: проблемы сравнительно-исторического синтаксиса. Воронеж, 1983. С. 118–125.
- Черенкова 2009 — *Черенкова А. Д.* Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж, 2009.
- Черенкова 2014 — *Черенкова А. Д.* Русская диалектология: Лекции и практические занятия. Воронеж, 2014.
- Чернышев 1900 — *Чернышев В. И.* Дополнения к сведениям о говоре г. Мещевска // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1900. Т. 68. № 6.
- Історія української мови 1983 — *Історія української мови: Синтаксис.* Київ, 1983.
- Сучасна українська літературна мова 1969 — *Сучасна українська літературна мова: Морфологія / За загальною редакцією акад. АН УРСР І. К. Білодіда.* Київ, 1969.

Summary

Anna V. Malysheva

Semantic roles marking of speech act verbs in the South Russian dialect

The article examines variable use of rection forms of speech act verbs in the dialect of the village of Rogovatoye, Belgorod district, Stary Oskol region. It is demonstrated that the verbs *говорить*, *сказать* in the meaning 'to tell someone facts, data, thoughts' require the dative case. If the statement contains an attempt to influence the interlocutor emotionally – e.g. a request or reprimand – the accusative case with the preposition *на* is usually selected.

Вариантность диалектной лексики и этимология *

Тема настоящей работы стимулирована вышедшим в свет в 2013 г. «Словарем экстенциальных лексических единиц в русских говорах» Л. П. Михайловой (Петрозаводск; Москва, 2013). Необходимо, вероятно, пояснить, что под экстенциальностью лексических единиц автор, вслед за Г. П. Мельниковым, понимает особенности внешнего облика лексических единиц, обусловленные влиянием неславянских иноструктурных языков (следовательно, для вариантов предполагается обязательным генетическое тождество). Иноязычным влиянием автор объясняет значительный массив вариантов форм русской диалектной лексики различных регионов. Общую характеристику и некоторые критические замечания по поводу этого словаря я высказала уже в рецензии, опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» № 1 (29) за 2015 г. (Варбот 2015). Не буду останавливаться на правомерности отнесения всех охваченных словарем изменений на счет иноязычного влияния, и возвращаюсь я сейчас не столько к принципам словаря, сколько к его материалам и оценке их с точки зрения реальности и диахронической/синхронной природы вариантности форм в лексике.

Начнем с вопроса о реальности вариантных отношений. При всей семантической и некоторой формальной близости, многие пары слов не могут толковаться как таковые, будучи генетически неродственными. См. *рухляный* ‘ветхий’, которое связывается с *трухлявый* (при существовании корней **ruh-* и **trux-*), *отреби* ‘отходы от трепания льна’ / *отрени* ‘то же’ (ср. глаголы *теребить* и *трепать*), *бодучий* и *ботучий* (ср. *бодать* и *ботать*), *засуборивать* и *засуворивать* ‘стягивая чем-н., завязывать’ (ср. *сборки*, от **bьrati*, и *сворка*, от **verti*). Наконец, индоевропейские истоки имеет синонимия двух родственных, но разошедшихся структурно основ, давших русские (со славянским родством) глаголы *ощеулничать* и *ощеурничать* ‘насмеяться’ < и.-е. **skeul-* и **skeur-* (см. Варбот 2001: 8). Бесспорна ошибочность сближений: *лещотка* и *клещи*, *окреять* и *оклеять*, *лукаться* ‘бродить’ и *блукать*, *лынять* (от *лытать*) и *блынь*, *калякать* и *блякать*, *колча* и *кочка*, *заук* ‘промежуток’ (от праслав. **-okъ* ‘крюк’) и *зауло* (здесь и ниже диалектные варианты взяты из словаря Михайлова 2013, если не указаны другие источники).

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы», поддержанного грантом РГНФ № 15-04-00072.

Некоторые сопоставления представляются весьма спорными. См. *тáлкуша* ‘коллективная помощь в сельской работе’ и *толока* ‘то же’, при наличии *толкуша* ‘вид пляски’. Скорее здесь представлена контаминация производных от разных праслав. корней: **tylk-* ‘толочь’ и **telk-* ‘говорить’.

Интересна пара *глодаться* ‘браниться’ и *оголодаться* ‘то же’: при вероятности фонетического изменения (вторичное полногласие) этот случай обнаруживает возможность появления вторичных семантических сближений слов разного происхождения (от **glod-* и **gold-*).

Все перечисленные случаи должны быть исключены из рассмотрения проблемы вариантности. Остается спорной правомерность отнесения к вариантности также отношений внутри лексических псевдо-пар, созданных действием народной этимологии. Такова природа слов *окрючина* (< *уключина*), *боярковый* (< *поярковый*), *закорм* (< *закром*), *клицо* (< *крыльцо*), *металь* (< *медаль*), *мукашка* (< *букашка*), *провулка* (< *прогулка*). Есть случаи, объясняющиеся наложением народной этимологии на фонетические изменения: *воротынь* ‘сосуд для разлива пива’ < *боратынь*, *боротынь* < *братина*.

Вариантность форм — почти общая характерная черта, сближающая язык с природой и обществом. Исследования в различных отраслях науки обнаружили органическую связь явления вариантности с развитием соответствующих объектов и явлений. В связи с этим представляется неизбежным вопрос о временных соотношениях вариантов: диахронических или синхронных. Временной тип соотношений вариантов определяет последующее развитие — поступательное или параллельное. В отношении вариантов форм лексики это означает разграничение диахронических связей внутри каждой группы вариантов и синхронных связей.

Из областей лексикологии это разграничение представляет наибольший интерес для диалектологии, лингвогеографии и этимологии.

Следует еще учесть, что все отношения вариантов автор словаря представляет схематически только как перемещение, присоединение/утрату начальных гласных/согласных, отпадение конечных согласных (т. е. те явления, которые подпадают в лингвистике под термины «метатеза», «апокопа», «афреза», «синкопа» и др.), мену согласных, а в области вокализма это почти исключительно удлинение гласных. Соответственно все это, независимо от авторского толкования, может быть отнесено к диахронической по природе вариантности. Действительно, диахронической должна быть признана природа вариантности типа *прасека* (< *просека*), *дуванчик* (< *одуванчик*), *вежевать* (< *свежевать*), *бородить* (< *бродить*), *кормушка* (< *кромушка* ‘кусочек хлеба’), *лядеть* (< *глядеть*).

Аналогичным образом автор описывает отношения явно исконно русские, объясняющиеся обобщением позиционных чередований: *логоть* (< *локоть*), *лошечка* (< *ложечка*). К сожалению, автор дает, как правило, парные связи, хотя многие могли бы быть на основании того же материала продолжены в целые цепи, как *окиша* ‘левша’ < *покиша* < *пакиша* (следовало завершить исходным *пакиша*). См. *ломени* < *оломедни* (нет завершения *ономедни*), *парсук* < *прасук* (без исходного *поросук*); разбросаны по парным связям многоступенчатые преобразования *заль* < *взаволь* < *возаболь* < *обзаболь* без завершения исходным < *взабыль* ‘на самом деле, в действительности’ (Варбот 2003: 53).

От явлений фонетических автор принципиально не отличает словообразовательные отношения (также диахронические по природе) типа *лучаться/случаться* (вариант *лучаться* как первичный подтверждается чеш. *loučiti se*), *волнухи/волнушки*, *дирать/сдирать*. Сюда же можно отнести предполагаемую автором вариантность *заглуха/заглухменье*.

Генетическую синхронность можно предполагать для небольшого количества пар, являющихся словообразовательными вариантами. См. *опроворить/спроворить*, *оглазить/сглазить*, *израстать/вырастать/взрастать*, *наболочки/оволокчи*, и, возможно, *подволока/подболока* ‘чердак’ (здесь вероятны параллельные производящие основы волока и оболочка).

Таким образом, материалы рассматриваемого словаря свидетельствуют о преобладании в диалектной лексике диахронических преобразований над синхронными, следовательно, о большей возможности поступательных изменений.

В заключение приведу два случая возможности использования материалов словаря для обоснования этимологических версий.

В говорах и фольклоре известна многоступенчатая вариантность форм, обозначающих ветви, сучья, ответвления, коряги, корни, ростки и под.: *короколь*, *краколь*, *караколь*, *каракаль*, *каракал*. Учитывая вероятность вариантности суффиксов *-ол/-ул*, можно истолковать как член этой вариантной группы также русск. *каракуля*, поскольку старорусские фиксации семантики ‘кривое дерево, инструменты с раздвоенным или искривленным концом, железные рогульки с шипами (в войне против конницы)’ (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 72) очевидно сближают *каракуля* с *караколь/короколь*. В отличие от *караколь*, русск. *каракуля* имеет соответствия по суффиксу в других славянских языках, но форма корня в этих соответствиях предполагает исходное праслав. **kъrk-*: серб.-хорв. *kъркуља* ‘деревянные вилы, которыми поддерживает мельничный жернов при сьеме’, польск. диал. производное *karkulica* ‘палка с загнутой рукояткой’, словин. *kark'ulëca* ‘толстая суковатая палка’, укр.

диал. *каракуля* ‘кривой лес’ (ЭССЯ 13: 217). Для вост.-слав. *каракуля* при таких соответствиях предполагается вторичное полногласие (ЭССЯ 13: 218). Если принять родство вариантного ряда *караколь / краколь / короколь* с *каракуля*, то исходным этапом вариантного корневого вокализма в *караколь / краколь / короколь* следует считать (при основе **kerk-*) вторичное полногласие, с последующим преобразованием его в неполногласие *oro > ra* и *ara*. Для корня *каракуля* наиболее авторитетной этимологической версией признается производность от праслав. **kъrk-* ‘шея’ (ЭССЯ 13: 218). Однако, при учете семантики искривленного предмета, объединяющей всю рассматриваемую лексическую группу, более вероятной производящей основой для нее представляется глагольное гнездо **kъrčiti* ‘сгибать’ (принадлежность к этому гнезду праслав. **kъrk-* ‘шея’ является самостоятельной проблемой).

Второй случай — этимология названия растения *зверобой*. С ориентацией на блр. *дзіробой* и укр. *діробій*, предполагают и в русском слове сложение с обозначением дыры в первой части с последующим преобразованием по народной этимологии, с неясной, однако, мотивацией (Фасмер II: 87). Но польск. соответствие *dziurawiec* (Warsz. I: 660; приведенная в Фасмер II: 87 форма *dziurawiec* не подтверждается источниками) вполне определенно образовано от прилагательного *dziurawy* ‘дырявый’, что позволяет предполагать для украинской и белорусской форм первичность структуры субстантивированного прилагательного **diravъjь* ‘дырявый, продырявленный’. Название растения в форме субстантивированного прилагательного с конечным *-ой*, но уже с преобразованным народной этимологией корнем засвидетельствовано в русском (вятском) говоре: *зверовѡй* (СРНГ 11, 217). Преобразование *-дыр- / -дир-* в *звер-* произошло еще на стадии прилагательного, и оно могло быть мотивировано характерной для *звер-* семантикой крепости и силы, поскольку растение широко применяется как действенное средство от различных болезней. Изменение конца прилагательного *-вой > -бой* в таком случае является вторым этапом народно-этимологического преобразования.

Литература

- Варбот 2001 — Варбот Ж. Ж. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 3–8.
- Варбот 2003 — Варбот Ж. Ж. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 49–62.

- Варбот 2015 — *Варбот Ж. Ж.* Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск — М.: Издательство КГПУ, 2013. — 349 с. // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 283–286.
- Михайлова 2013 — *Михайлова Л. П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; Москва, 2013.
- СлРЯ XI–XVII вв. 7 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред Ф. П. Филин. М., 1980. Вып. 7.
- СРНГ 11 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1976. Вып. 11.
- Фасмер П — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1967. Т. II.
- ЭССЯ 13 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1987. Вып. 13.
- Warsz. I — *Słownik języka polskiego* / Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Warszawa, 1952. Т. I (wydanie fotooffset.).

Summary

Žanna Varbot

Variation in dialectal lexis and etymology

The article looks at the problem of variation in dialectal lexis applying the data of *The Dictionary of extensional lexical units in Russian dialects* which contains many dialectal words with probable phonetic / structural variants. Two aspects of the problem are essential for etymology: reality (= genetic identity) of probable variation relations and its diachronic/synchronic formation. The analysis shows that some variation groups found in the dictionary do not have a genetic identity. Most of retained groups are diachronic formations. Based on the variants, new etymological interpretations are proposed for two Russian words: *корюколь* ‘bended bough, tool’ (as derivate of **kъrk-* ‘bend’) and *зверобой* ‘Hypericum perforatum’ (as **dyravъjъ* ‘full of holes’ > **дыравой* > *зверовой* > *зверобой*).

Словацкая диалектная интернет-лексикография в структуре локальных информационных порталов: особенности функционирования

В статье речь пойдет о непрофессиональных диалектных словарях, размещенных в пределах словацкого веба.

Попытка общей классификации подобного рода лексикографических описаний представлена в наших предыдущих статьях (Ващенко 2015а; 2015б), и если в них большее внимание уделялось собственно лексикографическим аспектам проблемы — т. е. вопросам устройства этих словарей, их объема и отчасти авторства, то теперь мы бы хотели сосредоточиться на внешней рамке функционирования словацких диалектных интернет-словарей и подробнее рассмотреть тот экстралингвистический контекст (в первую очередь сетевой), в который они вписаны и без учета которого их анализ явно был бы неполным.

На данный момент в нашем распоряжении имеется около 25 словацких диалектных интернет-словарей. Специфика интернета как специфического коммуникативного пространства предполагает принципиальную открытость этого списка и его вариативность, когда один и тот же словарь может быть размещен на различных страницах под разными наименованиями, лексика, включенная в его состав, в этом случае также может претерпевать незначительные изменения. С другой стороны, тот или иной диалектный интернет-словарь может исчезать бесследно (с утерей путей доступа), в том случае, если страница, на которой он размещен, прекращает свое существование. В определенном смысле список источников, приводимый здесь, носит достаточно условный характер.

При рассмотрении общего интернет-контекста функционирования диалектного словаря фактически речь пойдет о возможных путях доступа к нему. Как мы постараемся продемонстрировать, стратегии, согласно которым выстраивается путь пользователя к словарю, напрямую связаны с особенностями локальной идентичности жителей региона и еще до начала чтения словаря задают некоторый первичный режим его интерпретации. Мы будем двигаться «от читателя» и последовательно рассмотрим стадии приближения пользователя к диалектному интернет-словарю, когда поэтапно формируется модус его восприятия (ср. об этом Wacharczyková 2010). Релевантными здесь оказываются следующие параметры:

А) страница, на которой размещен словарь, которая может носить глобальный либо локальный характер. Два принципиальных полюса здесь представляют сайты энциклопедического характера (Википедия, специализированные лексикографические порталы), с одной стороны, и личные блоги пользователей, где также могут быть представлены интернет-словари либо ссылки на них, — с другой. В рамках данной статьи обе названные разновидности не рассматриваются, нас будут интересовать лишь непрофессиональные лексикографические описания, привязанные к странице конкретного населенного пункта. В конкретном случае, несмотря на меньшую релевантность фактического местонахождения пользователя в условиях интернет-коммуникации, немаловажную роль будет играть территориальная отнесенность конкретного населенного пункта в рамках государства. Если мы нанесем на карту все населенные пункты, на официальных порталах которых, по нашим данным, размещены диалектные словари, мы увидим своеобразные «очаги концентрации» этих локусов. Значительная их часть расположена на северо-востоке Словакии в районе г. Попрад (напр., словари сс. Спишке Бистре, Удол, Менгушовце, Вернар). Здесь можно усмотреть определенную связь наличия словаря с необходимостью в том числе внешне ориентированной презентации региона, поскольку традиционно именно Попрад служит опорным пунктом для туристов, отдыхающих в Высоких Татрах, — это касается как иностранцев, так и граждан Словакии. Ряд словарей относится к населенным пунктам, расположенным на севере центральной части страны, а также несколько южнее, в районе гг. Партизанске и Банска Бистрица (напр., словари сс. Муранска Длга Лука, Горна Марикова, Граховиште и др.). Характерно, что восток страны, представляющий собой регион, наиболее специфический в этнокультурном отношении, локальными словарями, привязанными к конкретным населенным пунктам, располагает далеко не так широко, как центр, — и при этом восточнословацкие диалектные словари, размещенные на более глобальных порталах (информационно-туристические сайты, страницы о культуре конкретного района), представлены в словацком фрагменте интернета достаточно широко.

В) Рубрикация, под которую попадает словарь. Здесь существует две принципиально разные возможности внешней таксономии словаря, связанные с интенциями его составителей: 1. Диалектный словарь фиксирует реальный узус жителей региона; 2. Диалектный словарь фиксирует прежде всего архаичную лексику (ср. в фундаментальной работе Е. Д. Бондаренко (Бондаренко 2015) тезис о том, что часто наивные лексикографы интерпретируют противопоставление «литературное / диалектное» как оппозицию «новое / старое»).

Так, в первом случае (села Радава, Горна Марикова, также в с. Спишске Бистре) диалектный словарь размещается в разделах «Актуальное», «Новости», «Информация». Во втором случае словарь, как правило, размещен в разделе «История» — так, в с. Разточно диалектный словарь находится по ссылке *Kronika / Dejiny* (Хроника / История), в с. Госте — под рубрикой *Dejiny*, в с. Граховиште — под рубрикой *Kronika*.

Даже в том случае, когда словарь попадает под рубрику «Интересные факты о селе» (с. Мала Ида, Удол, Осланы), эта рубрикация представлена в двух различных спецификациях, опять-таки связанных с внутренней либо с внешней ориентированностью словаря: интересные факты о жителях села / интересные факты об истории края. Тем самым уже на данном этапе продвижения к словарю прослеживаются две возможных авторских интенции: прошлое и фиксация речи прежде всего старшего поколения, либо же современность и фиксация речи жителей конкретного населенного пункта вне возрастной отнесенности. Ср. характерное название словаря с. Менгушовце: «*Slovník použitých a často používaných slov menğušovského nářečia*» (Словарь использованных и часто используемых слов менгушовского наречия). Соответственно различными будут принципы отбора слов для словаря. В первом случае диалектный интернет-словарь носит строго дифференциальный характер, слова в нем отбираются по ретроспективному и ассоциативному принципу, на основе воспоминаний составителя о речи старшего поколения, прежде всего в собственной семье. Во втором случае дифференциальность диалектного интернет-словаря не является строгим условием, однако вместе с тем здесь на пути к словарю (т. е. на страницах, содержащих наводящие ссылки на словарь) либо уже непосредственно на странице самого словаря могут быть размещены материалы развлекательного характера, а также квази-лингвистические описания, пародирующие «академические» грамматики и словари, которые, по мнению составителей непрофессиональных «интегрально ориентированных» лексикографов, не отражают фактический локальный узус и реальное восприятие языка его носителями.

С) Способ размещения диалектного словаря также может существенно варьироваться. Так, словарь может быть размещен как в виде прикрепленного файла (с. Горна Марикова и Длга Лука, где словарь прикреплен в формате pdf, см. также словарь с. Праковце, где он составлен в формате Excel), так и в онлайн-формате. В с. Вернар словарь является интерактивным и притом неанонимным: пользователи могут добавлять диалектные слова после прохождения процедуры регистрации на сайте. Ср. пример словарной статьи:

	Slovo	Preklad	Výklad	Príklad
a	alaš	nevykurovaná miestnosť	Nevykurovaná miestnosť využívaná šlogarmi a furmanmi k núdzovému prenocovaniu	Nalož kus do kachli bo v chyži zima jak v alašu.

Далее, в сс. Спишке Бистре и Дубнице фактически речь идет не о самом словаре как таковом, но о рекламе словаря, который можно приобрести у администрации населенного пункта. В случае рекламной информации о словаре на локальном портале приводится обложка диалектного словаря и его краткая аннотация, сам текст остается недоступным. Ср. сам рекламный текст с портала с. Спишке Бистре (Кубахи):

Priatelja, podarujte svojim deťom "Slovník kubašského nárečia." Okrem nárečových slov sa v slovníku dočítate aj o tom, ako Bulharský kráľ musel platiť kubašskému Urbáru pokutu, alebo ako náš najslávnejší rodák vytvoril dielo, ktoré je národnou kultúrnou pamiatkou. Som si vedomý, že tento slovník určite neobsahuje všetky slová používané v našom nárečí. Preto vytvárame na internetovej stránke obce súťaž, aby každý mal možnosť dopĺňovať ďalšie slová do "kubašského slovníka." Ten kto pošle najviac zaujímavých slov, ktoré nie sú v slovníku do konca júna 2015, dostane zadarmo jeden výtlačok slovníka. Privítal by som, keby sa prihlásili aspoň traja zdatnejší v znalosti slovenského jazyka, ako rozhodcovia. Buďme naozaj hrdí na našu obec, pomôžme v každej oblasti čo sa týka vylepšenia života v obci. Slovník sa predáva na Obecnom úrade a na č.d. 424. («Друзья, подарите своим детям "Словарь кубашского наречия". Кроме диалектных слов, вы прочитаете в словаре о том, как король Болгарии был обязан платить кубашскому Урбару дань, или как наш самый известный односельчанин создал произведение, ставшее памятником национальной культуры. Я осознаю, что наверняка данный словарь не содержит все слова, которые употребляются в нашем говоре. Поэтому мы объявляем на интернет-странице соревнование, чтобы каждый имел возможность дополнять словами "кубашский словарь". Тот, кто до конца июня 2015 г. пришлет больше всего интересных слов, которых нет в словаре, получит бесплатно один экземпляр словаря. Я был бы рад, если бы судьями согласились стать хотя бы три человека, которые хорошо разбираются в словацком языке. Будем по-настоящему гордиться нашим селом, поможем в каждой области, которая будет способствовать улучшению жизни в селе. Словарь продается в Правлении села и по адресу д. 424».)

Здесь отметим, что диалектные слова для составителя словаря характеризуются такими качествами, как «необычный» и «интересный», и в то же время он констатирует свою не столь высокую компетенцию в литературном языке.

D) Преамбула к диалектному словарю. Она бывает представлена далеко не всегда, так, например, в с. Мала Ида преамбула к словарю полностью отсутствует. В случае наличия такой преамбулы она, как правило, представляет собой введение в словарь, составители непрофессионального словаря описывают основные принципы его устройства. Как правило, в таких преамбулах постулируется принцип интерактивности словаря (ср. Удол, Горна Марикова), также может приводиться предыстория вопроса и отсылки к профессиональным описаниям говора, если они есть, — ср. словарь с. Погорела, где преамбула содержит отсылку к профессиональному диалектному описанию лексики этого же села, изданному Словацкой академией наук в конце 50-х гг. В случае неанонимных сетевых словарей преамбулой может служить история работы над конкретным словарем, обычно принадлежащая непосредственно его составителю. Также введение может заключать цель создания словаря — ср. преамбулы словарей двух разных населенных пунктов: сел Разточно и Осланы (словарь с. Разточно содержит всего около 40 слов, а словарь с. Осланы — около 20). При этом оба введения фактически почти дословно дублируют друг друга: на первый план выдвигается меморативная функция словаря, которая состоит в «фиксации уходящей старины». Сам текст преамбулы мы здесь приводим полностью:

V reči našich predkov sa odrážala úroveň obce Ráztočno v oblasti remesiel, poľnohospodárstva, odievania, a vedenia domácnosti. Nárečové slová sa prenášali z generácie na generáciu najmä ústnym podaním. Veľa z tohoto jazykového bohatstva však smrťou starších ľudí upadá do zabudnutia. Chceme aspoň časť z neho zachovať v nasledujúcich riadkoch. Nie je naším cieľom robiť jazykový rozbor jednotlivých nárečových javov, iba zapísať slová tak, ako si ich pamätáme z počutia od starších príbuzných a známych. Na vysvetlenie uvádzame k nim aj spisovnú podobu týchto slov. («В речи наших предков отражался уровень села Разточно в области ремесел, сельского хозяйства, костюмов и ведения хозяйства. Диалектные слова переходили из поколения в поколение прежде всего устно. Однако многое из этого языкового богатства со смертью старшего поколения уходит в забвение. Хотя бы часть из него мы хотим сохранить в следующих строках. В наши цели не входит разбор отдельных диалектных явлений, мы лишь хотим записать слова так, как помним их на слух от старших родственников и знакомых. В качестве разъяснения мы также приводим литературный эквивалент этих слов».)

В некоторых случаях непрофессиональные авторы дают краткое описание фонетики диалекта. Так, ср. «Правила написания в шарийском и земплинском наречии», приведенные в качестве преамбулы к словарю с. Тополевка:

*Dole do diskusie môžete vkladať nárečové slová ktoré tu ešte nie sú
Pravidlá písania v šarišskom a zemplínskom nárečí:*

- *V žiadnom slove nemáte dilemu, či sa tam píše i alebo y, pretože toto nárečie y nepozná (bandurki, ribi, fajni...)*
 - *V nárečí nenájdete žiadne dlhé hlásky a dvojhlásky (pijatok, rozmarija, Marja...)*
 - *V porovnaní so spisovnou slovenčinou nárečie obsahuje špecifické hlásky: š a ž (kušчок, zem, išče,...)*
 - *Mäkké slabiky začínajúce na n a l vždy označujeme mäkkeňom (ml'iko, ňit, ňetrea,...)*
 - *Hlásky d' a t' sa naopak menia na dz, c (dzekovac, rajbac, cicho...)*
 - *Ak sa hláska v nachádza na konci slabiky, čítame ju ako u, ale píšeme ako v (šovdra, žovtok, polovka,...)*
 - *"Východniarsky prizvuk" by sme mohli prirovnať k talianskemu; koliše, no spravidla sa nachádza na predposlednej slabike.*
 - *Spodobovanie v nárečí je zaujímavým javom, na rozdiel od slovenčiny tu platí piš, ako počuješ (hlatka muka, hrutka, z maslom, loška,...), výnimkou sú len hlásky na konci slova (chľib, dub,...)*
 - *V inštrumentáli používame pomocné predložky (pomascic z maslom, posipac z cukrom,...)*
-
- *Ни в одном слове у вас нет дилеммы, пишется там i или y, поскольку говору у незнакомо (bandurki, ribi, fajni...)*
 - *В говоре вы не найдете никаких долгих гласных и дифтонгов (pijatok, rozmarija, Marja...)*
 - *По сравнению с литературным словацким языком говор содержит специфические звуки: š и ž (kušчок, zem, išče, ...)*
 - *Мягкие слоги, которые начинаются на n и l мы всегда обозначаем с помощью знака мягкости (ml'iko, ňit, ňetrea, ...)*
 - *Звуки d' и t' наоборот меняются на dz, c (dzekovac, rajbac, cicho...)*
 - *Если гласный находится на конце слога, мы читаем его как u, но пишем как v (šovdra, žovtok, polovka, ...)*
 - *«Восточнословацкое ударение» мы могли бы сравнить с итальянским; оно колеблется, но как правило падает на последний слог.*
 - *Очень интересное явление ассимиляция в говоре, в отличие от словацкого языка здесь действует принцип «пиши как слышишь» (hlatka muka, hrutka, z maslom, loška,...), исключения составляют лишь звуки в конце слова (chľib, dub, ...)*
 - *В творительном падеже мы используем вспомогательные предлоги (pomascic z maslom, posipac z cukrom,...)*

Е) Авторство диалектного словаря по большей части является анонимным. В том случае, когда автор указан, как правило, также приводятся имена членов его семьи, помогавших в работе над словарем. Так, ср. обозначение авторства в словаре с. Удол: *Veľké poďakovanie patrí Štefanovi Murckovi a jeho manželke z Košíc za skvelú prácu pri vytváraní tohto slovníka* (Огромная благодарность Штефану Мурцеку и его супруге за прекрасную работу при составлении данного словаря) — здесь мы видим, что авторство обозначается не самим автором непосредственно, но теми лицами, которые размещают словарь на сайте. Ср. также фиксацию членов семьи составителя словаря с. Менгушовце: *Zostavili Ing. Pavol Michal Rataj, Mária Konkolová, rod. Ratajová*. В словаре с. Муранска Длга Лука указывается, что словарь составлен не жителем села, но некоторым внешним лицом: *Abecedný zoznam nárečia našej obce, ktorý zozbieral JUDr. Ondrej Ďurej z Prahy* (Алфавитный список наречия нашего села, которое собирал JUDr. Ондрей Дюрей из Праги). В двух последних случаях указывается, помимо прочего, тот факт, что авторы словарей не являются профессиональными филологами.

Таким образом, общий сетевой контекст функционирования диалектного интернет-словаря задает общая ориентация его составителя на внешних посетителей портала либо на его внутренних пользователей. При этом в интернете стираются границы между индивидуальным и коллективным, авторским и анонимным, и по сравнению с несетевыми, в силу публичности сетевого пространства, интернет-словари, наряду с меморативной, приобретают презентативную функцию.

Литература

- Бондаренко 2015 — *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2015.
- Ващенко 2015a — *Ващенко Д. Ю.* Интернет как новая перспективная форма существования диалектов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 107–114.
- Ващенко 2015b — *Ващенко Д. Ю.* Локальная идентичность пользователей словацкого Интернета сквозь призму метadiaлектных рефлексий (на словацком материале) // Жизнь провинции: история и современность. Нижний Новгород, 2015. С. 138–145.
- Wachtarczyková 2010 — *Wachtarczyková J.* Mapa slovenského internetu – diskurzívna topografia a zónacia virtuálnej slovenčiny // Jazykovedný časopis. 2010. R. 61. Č. 1. S. 15–31.

Источники

1. <http://www.vranov.sk/Kultura/Folklor-a-ludove-tradicie/Zemplinske-ludove-narecie>
2. <http://www.stankovany.sk/pre-obcanov/nas-slovník/>
3. <http://www.slanskevrchy.sk/Zempl/Tlumac.html>
4. <http://www.zijemevteplici.sk/index.php/mnu-narecie>
5. <http://www.malaida.sk/-ida-narecie>
6. <http://slavni.terchova-info.sk/historia/terchovske-narecie/>
7. <http://www.udol.sk/zaujímavosti/narecovy-slovník/>
8. http://www.muranskadháluka.sk/dokumenty/laicky_slovníkkomplet_v_2.0.pdf
9. <http://www.obechornamarikova.sk/clanky/aktuality-a-spravy/marikovske-narecie---slovník-vyrazov--neuplňny-.html>
10. http://radava.sk/?page_id=102
11. <http://www.spisskebystre.sk/informacie-pre-obcanov/služby/slovník-kubasskeho-narecia/>
12. http://hoste-obec.sk/?page_id=80
13. <http://www.malíneč.sk/forum/4-Obec-M%C3%A1lineč/2-Slovník>
14. <http://www.topola.estranky.sk/fotoalbum/open-air-slovník/>
15. <http://www.pohorela.sk/pages/clanok.php?id=155>
16. <http://www.sumiac.sk/?id=slovník>
17. <http://www.siroke.sk/sk/-charakteristika-obce/zaujímavosti> <http://www.stofanak.sk/slovník/>
18. <http://www.hrachoviste.sk/kronika/34-hrachovistsky-slovník>
19. <http://vernar.eu/narecovy-slovník>
20. <http://www.prakovce.sk/prakovsky-narecovy-slovník.html>
21. <http://www.oslany.sk/narecovy-slovník-0.html>
22. <http://www.raztocno.sk/narecovy-slovník/1/1/sm/11169/.html>
23. <http://www.mengusovce.sk/m/rozsireny-slovník/>
24. <http://www.klub-zemplincanov-v-kosciach.com/news/zemplinske-narecie/>
25. <http://www.topolovka.estranky.sk/clanky/narecovy-slovník.html>
26. <http://www.lisov.sk/static.php?sk/historia/slovník-narecovy>
27. <http://www.dubnica.sk/zabava-a-volny-cas/dubnický-narecovy-slovník>

Summary

Darya Vashchenko

Slovak dialect online lexicography in the structure of local information portals: features of functioning

The article describes some features of functioning of non-professional dialect dictionaries on the Slovak Internet. They are subdivided into dictionaries targeting local users and dictionaries intended for external readers. In addition, the author singles out regions of Slovakia where dialectal Internet dictionaries are compiled most often.

Часть II.

Диалектный словарь

как способ исследования славянских диалектов

DOI: 10.31168/0412-1.2.1

В. П. Русак, В. А. Мандик
(Минск)

Современные диалектные словари как результат лексико-тематического исследования белорусских говоров

Лексикографическая деятельность белорусских диалектологов в новом тысячелетии направлена на продолжение традиционных исследований региональных особенностей говоров в разных областях Беларуси. Как правило, результатом экспедиций становятся лексические словари небольшого объема, часто включающие от 2 до 5 тысяч собранных от коренных жителей определенного региона номинативных единиц с фиксацией языковых средств разного уровня. Примечательно, что авторы, указывая на причины, заставившие их фиксировать «скарбы» белорусского языка, прежде всего отмечают: «За последние 10–20 лет язык деревни интенсивно меняется. Встала срочная задача: собрать местные языковые золотинки», — так пишет С. С. Клундук, преподаватель Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. В своем словаре «Слова да слова — будзе мова: Дыялектны слоўнік в. Фядоры» она приводит наименования реалий, характерных для языка жителей одной Полесской деревни. Особенность словаря в том, что здесь собраны лексемы, которые отличаются от общепризнанных, литературных названий, например: *бусько́* — лит. *búsel*, *абцэнькі* — лит. *абцугі*, *зástуп* — лит. *рыд-лэўка*, *зўтанка* — лит. *арэлі*, *тічка* — лит. *мядзвэдка* (Клундук 2010: 5).

Еще один автор, Алесь Зайка, описывая диалектные особенности говора Косовщины, что находится в Ивацевичском районе Брестской области, фиксирует и уникальную местную лексику: *бархán* — ‘мульта́н’, *абертўха* —

‘луста хлеба на ўвесь бохан’, *бóрух* — ‘кукса’ (род женской прически), а также указывает на характерные фонетико-грамматические особенности в речи жителей региона. Например, исследователь отмечает сохранение безударного конечного *o* в существительных и наречиях (*сонцо, жыто, мно́го*); окончание *a* в существительных среднего рода мн. числа (*вокна, кацянята, гнёзда*); приставное *z* перед начальными ударными и безударными *a, y* (*гарэ́шнік, гарабі́на, гулі́ца*) (Зайка 2011).

Особый интерес для исследователей живой народной речи представляет сборник уникальных слов и образных выражений «Вушацкі словазбор», автором которого является народный поэт Беларуси Р. Бородулин (Барадулін 2013). Эту книгу поэт собирал на протяжении всей своей жизни. Изначально материал представлял собой многочисленные заметки в записных книжках писателя, но благодаря стараниям Натальи Довыденко, которой принадлежит идея, структура и составление сборника, разрозненные записи были оформлены в полноценное издание, признанное лучшей книгой 2013 года в серии «Кнігарня пісьменніка». Если говорить в целом, то «Вушацкі словазбор» — это книга о белорусском языке, которая состоит из нескольких разделов, собранных под одной обложкой: «Слоўнік», «Ізборнік», «Гаваркое слова, альбо Жыццё, як яно ёсць».

«Слоўнік» — это самый большой, центральный раздел книги. Здесь представлено собрание диалектных слов, устойчивых выражений, сравнений, поговорок. Например: *абліваха — дождж са снегам*; *гарнушак — невялікі збанок, болей нагадвае конаўку*; *легцавік — легкавы аўтамабіль*; *выкат — выраз у сукенцы* (рус. *декольте*); *недамаўлянкi — намёкі (Што ты ў недамаўлянкi гуляіш — кажы як ёсць)*. Следует обратить внимание, как звучат «гаваркія» слова в поговорках и пословицах: *Адзін з’еш і вала — адна хвала*; *Калі нарадзілася цялятка з лысінкай, з ёй і здохне*; *У сваёй хаце і качарга маці*; *Ён моўча, а дума воўча*. Или какие россыпи в сравнениях: *Авечая латка, як родная матка*; *Мы з табой, як рыбка з вадой*; *Чыст як трубачыст*; *Заехаў у лес, як кажух улез*.

В разделе «Ізборнік» собраны различные народные приметы, скороговорки, загадки. Так, народный календарь прогнозирует: *Лепі ўвідзіць злодзю ў клеці, чым на Грамніцы сонца* (год будзе неўраджайны); *Жаўранак прылятаіць на праталіну, шпак — на прагаліну, жораў — з цяплом, ластаўка — з лістком*; *Буцян як дапрызыўнік, ці дождж, ці снег — за тры дні да Благавешчання прылятаіць* (7 красавіка н. ст.). Загадки: *Дакуль заяц бяжыць у лес? (Да сярэдзіны, а далей бяжыць з лесу)*. *Маленькі гарбаценькі ўсё поле прабяжыць, цэлы год ляжыць* (Серп).

Третий раздел книги «Гаваркое слова, альбо Жыццё, як яно ёсць» — это воспоминания местных жителей Ушаччины, которые собирал и записывал Р. Бородулин. Это выразительная речь людей, которые употребляют и устойчивые выражения, и диалектные слова, характерные для живого общения жителей малой родины поэта. Тем самым мастер художественного слова выполняет особую миссию: «оберегающую, блестяще используя и тем самым сохраняя то, что народ уже создал и за что когда-то скажет спасибо своему Поэту» (Барадулін 2013: 8).

Продолжая разговор о новых региональных лексикографических справочниках, необходимо отметить и обобщающее издание, в котором представлены лексические особенности полоцко-витебских говоров «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны», подготовленный на кафедре белорусского языкознания Витебского государственного университета и напечатанный в двух частях.

В изучение локального языкового пространства полоцко-витебского региона — территории Сенненского района — свой вклад внесли и диалектологи Института языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук, опубликовав архивные материалы, которые хранились в отделе диалектологии и лингвогеографии. Лексической базой словаря «Мова Сенненшчыны» стали материалы, собранные во время диалектологических экспедиций, которые проводились в 80-е годы прошлого столетия (МС 2015). Следует обратить внимание, что в материалах словаря довольно широко представлена специальная лексика, связанная с традиционными производственными занятиями местного населения: рыболовством, ткачеством, пчеловодством и др. Например: ВУДАЎЁ *н.* Ручка (дзяржанне) у вудзе; вудзільна. *Вудаўё ў вўдзе*; КУЖАЛЬ. *м.* 1. Ачышчанае валакно лёну. *Кўжаль — гэта самы чысты лён.* 2. Прадзівна. *Кўжальяў нада напрасці.* 3. Палатно (з часанага лёну). *С кўжально рубашкі, пасцілкі былі*; ПАДЗІВЫЙ МЁТ. Мёд з мядовай расы. *Мёт падзівый, очынь цяжолый, ат яго пчолы гінуць, ён ні пірыварыйіцца, крышталізуійца.*

Даже краткий обзор последних диалектологических словарей показывает, что наблюдения за пестрой, многослойной речью жителей разных белорусских регионов по-прежнему остаются урожайным полем для сбора и лингвистических открытий. Вместе с тем, активные миграционные процессы в рамках областей и регионов страны, а также приток переселенцев из ближнего и дальнего зарубежья неизбежно меняют этнический состав, нивелируют облик и речь местных жителей. С целью сохранения аутентичности малой родины в словари включаются истории возникновения и развития деревень,

даются описания фонетико-грамматической системы говоров, публикуются отрывки текстов, которые отражают региональную специфику языка на всех уровнях. Порой это продиктовано желанием сохранить и передать будущим поколениям диалектные особенности речи земляков и родных людей. Однако чаще всесторонние исследования системы диалектных особенностей белорусского языка проводятся с целью заполнения национальных лакун этнолингвистического, этнокультурного содержания.

Одним из таких уникальных исследовательских результатов стал широко известный в научных кругах «Тураўскі слоўнік», опубликованный в 80-х гг. прошлого столетия (ТС 1982). Как показывают материалы, местные говоры жителей этого уникального центра Полесья — Турова и близлежащих деревень — отличаются ярким колоритом и насыщенностью регионализмами. Своей неповторимостью эти исторические места продолжают притягивать внимание исследователей, несмотря на уже выявленный лексикон говоров, прекрасно описанные исконные и современные занятия жителей Туровщины, которые имеют, к стати сказать, даже традиционный микроэтноним — *замшукі*. Как считают специалисты, этот микроэтноним свидетельствует не только о территориальном противопоставлении населения Туровщины польшукам, но и об определенной социально-экономической и этнографической обособленности в прошлом жителей этих мест.

Как известно, Туров — один из наиболее древних восточнославянских городов. Как столица значительного княжества на Полесье, он впервые упоминается в летописи под 980 г. Понятно, что основание Турова, а тем более освоение восточными славянами, в частности древними дриговичами, этого участка Полесья произошло значительно раньше. Следовательно, Туровщина — регион с древним языковым ландшафтом, который складывался на протяжении длительного времени. На относительно небольшой по площади территории не развилось однотипное наречие, а, напротив, наблюдаются существенные отличия в плане выражения лексических, морфологических, фонетических диалектных черт. Относительная изолированность территории, стабильный хозяйственный уклад, отсутствие существенных перемещений и многочисленность населения позволяли поддерживать выразительный местный узус в большинстве исследованных поселений.

Говоря о притягательной силе уникального региона, который не отпускает внимания исследователей, мы также имеем в виду недавно вышедший в издательстве «Белорусская наука» оригинальный региональный «Лингвистический микроатлас Туровщины» (ЛМТ 2016). Задумка его создания возникла уже давно, еще в процессе сбора материалов для составления «Туровского

словаря». Об этом писали авторы будущего пятитомного лексикографического издания А. А. Кривицкий, Г. А. Цыхун, И. Я. Яшкин в 1976 г.: «Задуман также лингвистический микроатлас Туровщины и окрестностей, ономастический словарь <...>, а также разного рода языковые и этнографические приложения к словарю» (Кривіцкі 1976: 292).

Таким образом, от идеи до ее реализации прошло более трех десятков лет. Тем не менее, в белорусской лингвистике это первый подобный опыт, когда масштабное лексикографическое издание становится основой диалектологического атласа. Однако необходимо отметить, что создатели микроатласа Туровщины учитывали и накопленный за указанный промежуток времени опыт создания региональных диалектных атласов, в особенности полесских, где зафиксирован лексический материал в том числе и по Туровскому региону. Это прежде всего «Атлас гаворак Выганаўскага Палесся» Е. Г. Самуэлика, «Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Марфалогія» Л. Левонцевич, коллективный труд «Лексіка гаворак беларускага Прыпяцкага Палесся. Атлас. Слоўнік» и др.

Основная цель карт «Лингвистического микроатласа Туровщины» — показать внутреннюю дифференциацию этого древнего языкового региона. Структура микроатласа включает в себя центральную часть — собственно Туровщину как природно-географический и культурно-исторический регион, а также периферию — ближнюю и дальнюю (последнюю составляют населенные пункты на значительном расстоянии от центрального региона; на картах-схемах они вынесены за вертикальную черту). Такая структура, уже опробованная в других вышеназванных атласах, позволяет включить говоры Туровщины в более широкий диалектологический контекст. В некоторых же случаях она демонстрирует их особенность в лингвогеографическом плане, тем самым давая основания для ареальной интерпретации исследуемых явлений как местных инноваций или архаизмов (Рисунок 1).

Большинство карт «Лингвистического микроатласа Туровщины» составлены на основе систематизированных ответов на специальный Опросник, подготовленный А. Кривицким. Его содержание предусматривало ответы на вопросы по разделам «Ономастика», «Фонетика», «Морфология», «Лексический состав». Издание содержит 315 лингвистических карт преимущественно по последним из двух указанных разделов, что отвечает поставленным авторами задачам. В этом плане ЛМТ дает проекцию наиболее интересной лексики на широкий лингвогеографический простор. Однако на периферии исследования остаются фонетические особенности говоров жителей Туровщины, которые, несомненно, требуют отдельного изучения и обобщения. Возможное

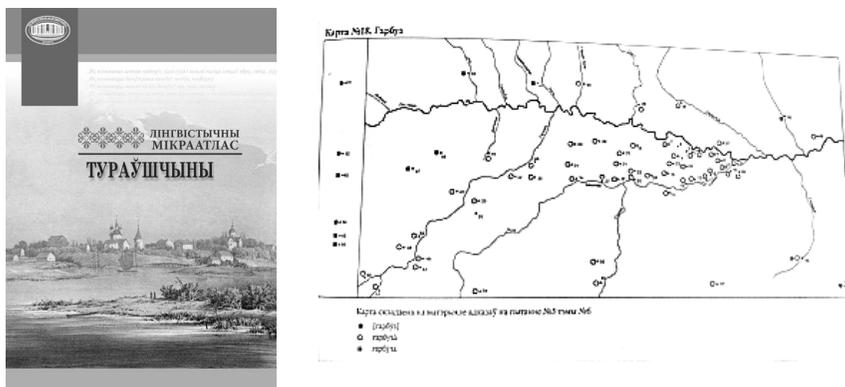

Рис. 1. Структура «Лингвистического микроатласа Туровщины»

содержание фонетических лингвистических карт предопределено вопросами по разделу «Фонетика» из упомянутого опросника. Это прежде всего такие явления, как разные типы ударного и безударного вокализма, в том числе наличие / отсутствие диссимилятивного аканья и яканья (*лэ́то, лѐ́то* и *лі́то, весна́, вэ́сна* и *васна́*), твёрдость / мягкость губных перед гласными (*мед, мѐд, мьѐд* и *мэ́д*), наличие приставных согласных (*о́сень, во́сень* и *го́сэнь*), смягчение отвердевших [р], [ж], [ш] (*рэ́чка* и *рэчка, шы́шэчка* и *шы́шечка, жы́жжа* и *жы́жка*) и многие другие. Тем не менее, несколько карт атласа имеют непосредственно фонетическое содержание (см. карты № 68 — «Произношение слова “сноп”», № 77 — «Произношение гласных [y], [i] на месте исторического *ы», № 122 — «Варианты слова *брóхаць* ‘взбалтывать жидкость с большим шумом’», № 145 — «Слова *кроп, укруп* и однокоренные — фонетические варианты»). Составлены они на основе ответов на различные вопросы разделов «Лексический состав» и «Морфология».

Особый интерес представляет карта № 77, составленная на основе обобщения фонетической информации, извлеченной из ответов на отдельные вопросы сразу нескольких «нефонетических» тем (Рисунок 2). Именно эта карта, на наш взгляд, наиболее удачно демонстрирует возможность и необходимость репрезентации фонетической информации в лингвистических картах диалектологических атласов, даже если изначально материал предусматривал фиксацию лексических и морфологических черт.

Показательно, что кроме материалов «Туровского словаря», в атлас включены сведения, почерпнутые из новых источников (например, «Палески

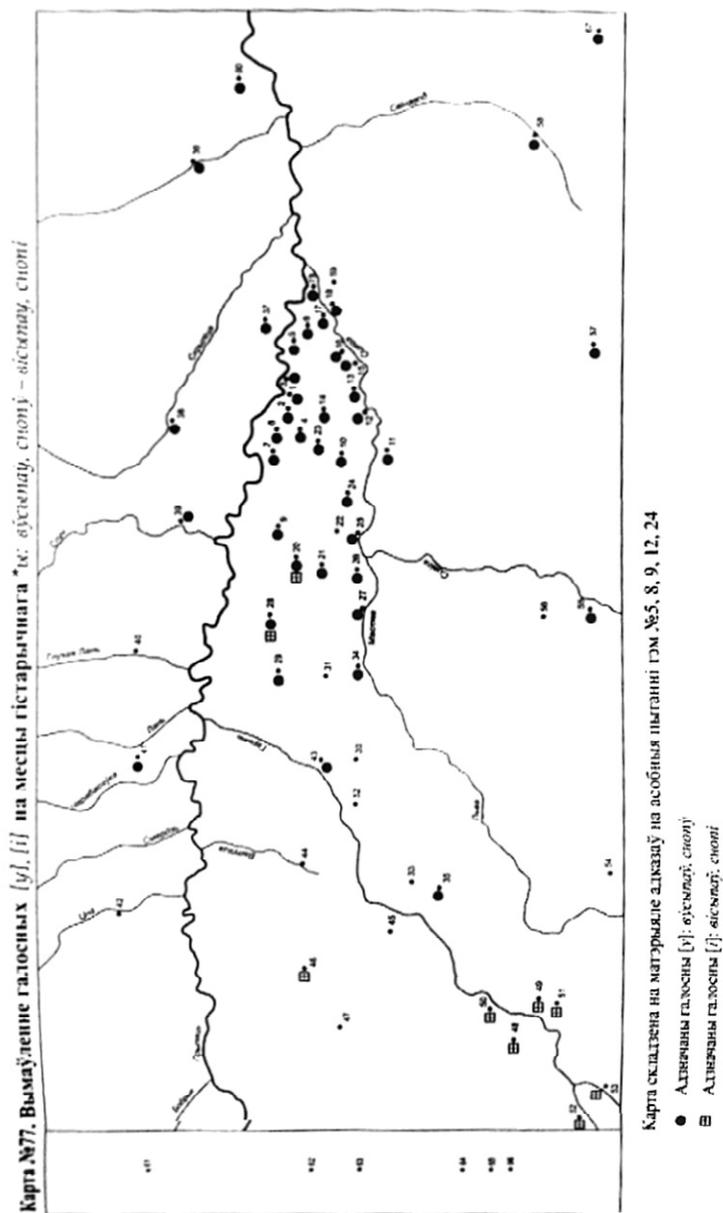

Рис. 2. Отображение фонетической информации на карте № 77

архіў: Лінгвістычныя, этнаграфічныя і гістарычныя матэрыялы» В. Л. Вярэніч (2009)). При необходимости также в некоторых населенных пунктах на современном этапе проводилось дополнительное анкетирование. При этом решались определенные задачи социолингвистики и психолингвистики, так как в ответах информантов часто присутствовали рассуждения и ассоциации относительно указанного предмета или явления, которые в издании приводятся полностью в аутентичном виде, иногда с объяснениями, данными на русском языке информантами младшего поколения.

Таким образом, «Лингвистический микроатлас Туровщины», в подготовке которого на протяжении более 35 лет участвовали как инициаторы и создатели «Туровского словаря», так и широкий круг лингвистов и любителей белорусского языка, с одной стороны, завершает определенный этап изучения говоров и богатого культурного наследия этого уникального исторического региона Беларуси, с другой — открывает новые перспективы современной белорусской лингвогеографии.

Літэратура

- Барадулін 2013 — Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна / укл. Н. Давыдзенка; прадам. У. Някляева. Мінск, 2013.
- Зайка 2011 — *Зайка А.* Дыялектны слоўнік Косаўшчыны. Слонім, 2011.
- Клундук 2010 — *Клундук С. С.* Слова да слова – будзе мова: Дыялектны слоўнік в. Фядоры. Брэст, 2010.
- Крывіцкі 1976 — *Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я.* Пра слоўнік Тураўшчыны // Народнае слова. Мінск, 1976.
- ЛІМТ 2016 — Лінгвістычны мікраатлас Тураўшчыны / А. А. Крывіцкі [і інш.]; рэд. Г. А. Цыхун. Мінск, 2016.
- МС 2015 — Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік. У 2 т. / рэд. В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвіч. Мінск, 2015. Т. 1. А – О; Т. 2. П – Я.
- ТС 1982 — Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. / А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982–1987.

*Summary**Valentina Rusak, Veronika Mandik***Modern dialect Dictionaries as a result of lexical-thematic research of the Belarusian dialects**

The article describes new data related to the study of Belarusian dialects. Particular attention is paid to the collection of unique words and figurative expressions presented in a book of Belarusian national poet R. Borodulin, who had been gathering the data throughout his life. The article analyses the experience of a Belarusian dialectological atlas compilation on the data of a previously published dictionary. Furthermore, the differentiation of the ancient linguistic region with the center in Turov is examined.

О проекте тематического словаря польских периферийных говоров

Начиная с 90-х гг. XX в. центр изучения периферийных польских говоров из распавшегося СССР переместился в Польшу, поскольку польским диалектологам стали доступны экспедиции в польские села Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины. Интенсифицировались инициированные В. М. Чекманом и Э. Адамовичюте, а также приглашаемыми из Польши преподавателями польского языка (например, Х. Карась) исследования в самой Литве (в Виленском государственном университете и Виленском педагогическом университете). Результаты этих изысканий представлены в тематических периодических изданиях (таких, например, как «*Studia nad polszczyzną kresową*», «*Język polski dawnych Kresów Wschodnich*»), а также в публикуемых словарях (например, (Rieger, Masojć, Rutkowska 2006; Rieger 2014; Cechosz-Felczyk 2004; Krawczyk 2007 и др.). «Взрыв» интереса к Кресам был стимулирован также появлением двух фундаментальных трудов З. Курц, которая работала в основном с письменными и печатными источниками, посвященных особенностям юго-восточной (Kurzowa 1985) и северо-восточной (Kurzowa 1993) разновидностей «польщизны кресовой». Издаются тексты (например, в I части монографии (Rieger, Cechosz-Felczyk, Dziegiel 2002) и описания говоров отдельных пунктов на территории Кресов (например, на материале польских говоров на территории Украины выполнены исследования двух учениц Я. Ригера: (Cechosz 2001) и (Dziegiel 2001)). В изданиях «*Studia nad polszczyzną kresową*» и «*Język polski dawnych Kresów Wschodnich*» переиздаются старые словарики кресовых регионализмов, появляются новые. Так, для автора данной статьи, продолжительное время исследовавшего польский говор дер. Гайде Игналинского района в Литве, особый интерес составил словарь польского языка окрестностей Гайд (польск. Gajdy — мн. число), Дрисвят и Видз в языке уроженца этих мест Витоляда Минкштыма и его жены Эльжбеты Минкштым в четвертом томе издания «*Język polski dawnych Kresów Wschodnich*» (Minksztym 2010).

Накопленный материал по языку Кресов нуждается в своего рода обобщениях, которыми могут быть, как мы уже неоднократно отмечали, контрастная грамматика двух территориальных разновидностей «польщизны кресовой», атлас кресовых говоров и словарь, в который вошел бы материал как северо-восточной разновидности кресового диалекта, так и его юго-восточ-

ного подтипа. В данной статье мы остановимся на описании возможного лексикографического труда.

Какие принципы должны лечь в основу построения подобного словаря, каков его лексикографический «портрет»? Выделим 7 постулатов, из которых, на наш взгляд, следует исходить составителю такого лексикона:

1. Включение материала *обеих разновидностей* кресового диалекта. Ср. дифференцирующиеся в этих разновидностях примеры лексем из разных тематических групп: ‘горб’ — сев.-вост. *kupra* (прилагат. *kupraty*) ~ ю.-вост. *harb* (прилагат. *harbaty*), ‘щека’ — сев.-вост. *policzka* ~ ю.-вост. *szczoka*, ‘зрачок’ — сев.-вост. *lalka, panienska* ~ ю.-вост. *człowieczek* (лексико-грамматическая группа «Названия частей тела»); в теме «Еда»: ‘студень’ — сев.-вост. *kwaszenina, kwaszelina* ~ ю.-вост. *drahli*; в теме «Животный мир» (подполе ‘насекомые’): ‘божья коровка’ — сев.-вост. *pietruk, pietruczok* ~ ю.-вост. *zezulka*; в названиях родственников: ‘муж’ — сев.-вост. *męż/mąż* ~ ю.-вост. *człek*.

2. Данный словарь, как и все словари, созданные на материале «кресового» диалекта, будет словарем *дифференциального типа*. Лексемы, совпадающие со словами литературного польского языка (далее ЛПЯ), приводятся только в том случае, если в одной из разновидностей в качестве соответствия специфической диалектной лексеме другой территориальной разновидности функционирует лексема, идентичная лексеме ЛПЯ. Например, из лексико-тематической группы «Растительный мир» ю.-вост. *barabola, brzeza, huby, jangrys* соответствуют сев.-вост. эквиваленты *ziemniaki* (наряду с диалектными *kartoplalkartofla*), *brzoza, grzyby, agrest*, идентичные словам ЛПЯ. Или в тематической группе «Животный мир» ю.-вост. *bociunk* соответствует совпадающий с лексемой ЛПЯ сев.-вост. *bocian*. В тематической группе «Названия родственников» ю.-вост. *doczka* соответствует совпадающее с лексемой ЛПЯ слово *córka*, а сев.-вост. *jatrówka* (отмечается наряду с аналогом ЛПЯ *bratowa*) противостоит юго-восточный эквивалент ЛПЯ (*bratowa*). В поле «Номинации частей тела» сев.-вост. *kosa* соответствует ю.-вост. *śledziona* (эквивалент лексемы ЛПЯ). В теме «Еда» северо-восточным аналогом литературных словосочетаний *jeść (mieć) obiad, kolację* и т. д. соответствуют диалектные ю.-вост. *połudnać, wiczerzeć* и т. д.

Возможно и другое решение. Чтобы не нарушать строго дифференциальный принцип словаря, ввести особый знак (например, ×), который указывает на функционирование в той или иной территориальной разновидности периферийного польского диалекта лексемы, совпадающей с эквивалентом ЛПЯ, которому, в свою очередь, в другой разновидности соответствует специфическая диалектная лексема. Подобный знак приводится и в случае функцио-

нирования в говоре для номинации одной и той же реалии наряду с собственно диалектной лексемой слова, совпадающего по значению и по форме с эквивалентом ЛПЯ. Такое явление отмечается вследствие высокой степени вариативности, характерной для кресовых польских говоров. На этом обстоятельстве мы еще остановимся подробнее.

Может создаться впечатление, что список дифференцирующихся в северо-восточной и юго-восточной разновидностях лексем будет различаться только результатами разного иноязычного воздействия на эти диалекты (балтизмы и белорусизмы в северо-восточной разновидности и украинизмы в юго-восточной). Но это не совсем так. Действительно, значительное число различий имеет подобную природу. Но в некоторых, например, юго-восточных говорах обнаруживаются диалектные лексемы, характерные для определенных районов этнографической Польши. Так, в польском говоре дд. Шаровечка и Матьковцы (окрестности г. Хмельницкий, Украина) отмечены лексемы, характерные для малопольского ареала: *prześcieradło* 'зеркало', соотносящееся с малопольск. *przeźradko* 'то же', *syndzylina* 'оттепель', которому соответствуют малопольск. *osędzielizna* 'то же', полидиалектные формы *mgły*, *mgłośny* (литер. *mdły* 'тошнотворный, тошнотный'). По всей видимости, в формировании по крайней мере части юго-восточных кресовых говоров участвовал малопольский элемент, в то время как для северо-восточного польского периферийного диалекта некоторые исследователи обнаруживают параллели в мазовецких говорах.

3. Несмотря на то, что словарь дифференциального типа в отличие от полного, включающего в себя и аналоги лексемам ЛПЯ, не дает представления о лексической системе диалекта в целом, считаем возможным и в словаре такого типа подавать лексему по *тематическому* (ономасиологическому, или *тематико-идеографическому*) принципу. Основой для предварительного выделения тем является «Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego», zeszyty I–IV (Wrocław, 1958) под редакцией В. Дорошевского, в котором предложены вопросы по 27-ми темам. Внутри тем выделяются *поля* и *субполя*, хотя в словаре дифференциального типа они не будут полными (отсутствуют компоненты, совпадающие с лексемами ЛПЯ). Место дескрипции значения, которая должна бы быть представленной в словаре идеографического типа, занимает соответствие русского языка, с которого и начинается трехчастная словарная статья: русское слово, северо-восточный эквивалент, юго-восточный эквивалент. Трудность при составлении такого словаря составляет в условиях взаимопересекаемости лексических полей отнесение лексемы к определенному полю. В ряде случаев возможно указание одной и той же

лексемы в качестве компонента разных (но связанных друг с другом) полей. Отдельные слова в том или ином поле приводятся в алфавитном порядке для русского соответствия, выполняющего функцию семантемы. Польские слова в алфавитном порядке даются в индексе (после словаря). Тематико-идеографический принцип позволяет установить, в каких тематических группах, полях и субполях представлено значительное число специфически диалектной лексики, а в каких — в меньшей степени, выявить, какая из двух территориальных разновидностей «польщизны кресовой» ближе к ЛПЯ (т. е. где знаков ×, обозначающих лексемы ЛПЯ, больше).

Вторая трудность при таком подходе связана с вышеуказанной высокой степенью вариантности диалектной лексики. Например, для зоологического объекта 'летучая мышь' (тематическая группа «Животный мир») в северо-восточной разновидности представлены лексемы *skurlát, kožán*, дескрипции *latucza mysz* и *latająca mysz*. Следует привести все варианты под русским соответствием 'летучая мышь', каждое в отдельной строке с отсылкой для каждой лексемы к соответствующим синонимам. Приведение синонимов одновременно является реализацией принципа учета *парадигматических* отношений диалектного слова.

4. Необходим также учет *синтагматических* связей диалектного слова. Поэтому после диалектной лексемы с ее грамматическими квалификаторами (см. пункт 5) приводится по возможности широкий контекст, демонстрирующий ее функционирование в диалектной речи и позволяющий выявить ее синтаксическую и лексическую сочетаемость.

5. В соответствии с принципом *грамматической параметризации* в лексикографическом труде, о котором писал в свое время Ю. Н. Караулов, приводятся грамматические квалификаторы слова. Это не только указание на род существительного или вид глагола, но и определение деklinационного или конъюгационного типа лексем. С этой целью в вводной части словаря приводится краткий очерк морфологии двух основных типов «польщизны кресовой», включающий в себя типы парадигм изменяемых частей речи. Эти типы парадигм получают соответствующие числовые обозначения, вносимые в словарную статью после квалификатора частеречной принадлежности.

В ряде случаев приходится реконструировать словарную форму на основе приведенных парадигм. Так, в говоре дд. Шаровечка и Матьковцы информанты для глагола горизонтального размещения в пространстве ('ложиться') давали только инфинитив *ligać* (с соответствующим спряжением: 1 л. ед. ч. наст. вр. *l'igom*, 2 л. ед. ч. наст. вр. *l'igaš*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *l'iga*, 1 л. мн. ч. наст. вр. *my l'igoma*, *fs'e l'igoma*, 2 л. ед. ч. императива *l'iga*

и т. д.) и одновременно приводили формы совершенного вида без указания инфинитива (1 л. ед. ч. наст.-буд. вр. *l'ogne*, 2 л. ед. ч. императива *l'ogn'ij*, 3 л. ед. ч. м. р. прош. вр. *l'ognoł*, 3 л. ед. ч. ж. р. прош. вр. *l'ogneta*, а также *l'ik* и *l'egła*). Реконструируемые формы инфинитива совершенного вида могут быть *l'ogniú* и *l'ic*.

Таким образом, в словаре находит в какой-то степени реализацию и такая задача в изучении «польщизны кресовой», как создание контрастивной грамматики двух ареальных типов периферийных польских говоров. Фрагмент такой грамматики на примере описания парадигм настоящего времени глагола был нами представлен в докладе на XII Международном съезде славистов в Кракове в 1998 г. (Ананьева 1998).

Трудность в составлении диалектных парадигм также обусловлена высоким числом вариантных форм в обеих территориальных разновидностях кресового диалекта, особенно северо-восточного, в котором выделяется также значительное количество парадигм со смешанным типом склонения.

6. Необходимо введение *фона-комментария* к словарным статьям. Эти комментарии в силу уже упомянутого большого числа материалов по территориальным польским говорам будут довольно объемными. Вероятно, здесь надо провести селекцию и выбрать наиболее репрезентативные работы. При этом вначале следуют ссылки на диалектный материал по периферийным крестьянским говорам, затем на соответствующие лексемы в произведениях писателей, связанных с Кресами (например, для северо-восточного подтипа от А. Мицкевича и круга филоматов-филаретов, Л. Кондратовича (Сырокомли), И. Ходзьки до М. Ваньковича, Ч. Милоша, Т. Конвицкого и др., а для юго-восточной разновидности — из произведений Ю Словацкого, С. Гоцинского, мемуаров «кресовцев» и др.), и наконец, аналоги в восточнославянских источниках. Так, систематически привлекаются данные пятитомного «Словаря белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья» (Слоўнік 1979–1986), поскольку в этих говорах, соседствующих с говорами, репрезентирующими северо-восточный поддиалект «польщизны кресовой», подчас представлены лексемы, идентичные функционирующим в польском диалектном идиоме. Например, в лексико-семантической группе «Еда» в указанных белорусских говорах фиксируются известные северо-восточным периферийным говорам лексемы *раугеня* «солодуха», *рагойша* «белый хлеб», *кіндзўк* // *кіндзўх* «свиной желудок, нафаршированный мясом», *дэшыры* // *дзяшыр* // *дзяшыры* // *дэшыры* 'вид колбасы', *квашаніна* // *квашэліна* «студень». Из поля «Названия растений» — *дурнапян*, *смілга*, *кімса* «кочка на болоте», *ройст* «заросшее болото, кусты на болоте». В «Названиях частей тела»:

ку́льша «бедро», кумпья́к // кунпья́к, кунбья́к «бедро», кiпцюры́ // кiпцюрэ́ «когти, ногти». Пример из названий явлений природы: рдза́ ‘молния без грома’. Многие из лексем, совпадающих в белорусских северо-западных говорах и северо-восточной разновидности «польщизны кресовой», относятся к балтизмам (*раугеня, рагойша, ройсты, кiмсá, кульша, кумпьяк* и др.). Аналог сев.-вост. польск. *адрына* и сев.-зап. белор. *адры́на* // *адры́ня* находим в «Повести временных лет» в рассказе о том, как княгиня Ольга отомстила за гибель своего мужа древлянам (*адрина* «сарай»). Лексема *балагула* «еврейский извозчик» является примером юго-восточного кресовизма, известного русским писателям, связанным с Кресами. Его упоминает В. Г. Короленко в I части «Истории моего современника», К. Г. Паустовский в «Повести о жизни», поэт Н. Коржавин, описывая утраченный после Второй мировой войны «мир еврейских местечек» («И, хлеща по коням, / уж не спеть никогда / *балагуле*»).

7. В словарной статье лексемы приводятся в *орфографической* записи, а в цитатах — в *фонетической*.

В качестве приложения следует привести пословицы и поговорки, сравнения и фразеологизмы, зафиксированные в периферийных польских говорах. Например, в Шаровечке и Матьковцах зафиксированы такие устойчивые словосочетания, поговорки и фразеологизмы, как *čarny jak hod'a, babus'a z B'elorus'i, jenzyk — co brešy jak yalstuk, l'ežema jak rat'i* (т. е. *raki*, фонетическая особенность данного говора — переход *k'g'* в *t'd'*), *kut'u — kut'u — kut'u ruda, n'ex s'e l'a nas žyta uda, thumak pelny* (т. е. полный дурак). Желателен также словарь антропонимов и кличек животных, в которых также могут быть заимствованные корни (ср. кличка коровы *Margita* в северо-восточном подтипе периферийных польских говоров, соотносящаяся с литовск. *margas* «пестрый»).

Представляется, что составление идеографического дифференциального словаря, включающего данные двух территориальных разновидностей периферийного польского диалекта, — одна из перспектив в развитии «кресологии». Реализация этой задачи требует, однако, большого труда и обобщения значительного фактического материала.

Литература

Ананьева 1998 — *Ананьева Н. Е.* Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 3. К XII Международному съезду славистов в Кракове 27 августа – 3 сентября 1998 года. М., 1998. С. 3–22.

- Слоўнік 1974–1986 — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пярэдняга. У пяці тамах. Мінск, 1979–1986.
- Cechosz 2001 — *Cechosz I.* Polska gwara Oleszkowiec na Podolu. Fleksja imienna i werbalna. Kraków, 2001.
- Cechosz-Felczyk 2004 — *Cechosz-Felczyk I.* Słownictwo gwary Oleszkowiec i Hreczan (Greczan) na Podolu. Kraków, 2004.
- Dzięgiel 2001 — *Dzięgiel E.* Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowo-wschodnich. Fleksja imienna i werbalna. Kraków, 2001.
- Krawczyk 2007 — *Krawczyk A.* Zapożyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukraińszczyzna i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu. Warszawa, 2007.
- Kurzowa 1985 — *Kurzowa Z.* Poszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 r. Warszawa; Kraków, 1985.
- Kurzowa 1993 — *Kurzowa Z.* Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI–XX w. Warszawa–Kraków, 1993.
- Minksztył 2010 — *Minksztył W., Minksztył E.* Słowniczek wyrazów gwarowych, używanych w okolicach Dryświat, Gajd i Widz // Język polski dawnych Kresów Wschodnich. Warszawa, 2010. T. 4. S. 225–293.
- Rieger, Cechosz-Felczyk, Dzięgiel 2002 — *Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dzięgiel E.* Język polski na Ukrainie w końcu XX wieku. Cz. 1. Warszawa, 2002.
- Rieger, Masojć, Rutkowska 2006 — *Rieger J., Masojć I., Rutkowska K.* Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie. Warszawa, 2006.
- Rieger 2014 — *Rieger J.* Słownictwo polszczyzny gwarowej na Brześcu. Warszawa, 2014.

Summary

Natalya Ananyeva

On the project of the onomasiological dictionary of the peripheral Polish dialects

The article presents seven principles of compiling a dictionary of two types of the Polish peripheral dialects: the south east dialect and the north east one. For instance: a dictionary of such type must be onomasiological; such dictionary cannot contain words which function both in the dialect and in the literary Polish language; words must demonstrate their paradigmatic and syntagmatic relations.

Словарь камчатских говоров (опыт составления)

В настоящее время подготовлено к изданию два выпуска *Словаря камчатских говоров (Словарь)* (буквы А, Б, В). *Словарь* представляет собой лексикографическое описание лексикона камчадалов — коренных жителей Камчатки в нескольких поколениях, осознающих себя камчадалами и называющих себя таковыми. Это не только русские по своей этнической принадлежности люди, но и обрусевшие коряки и ительмены, говорящие на русском наречии, распространенном на Камчатке. *Словарь* показывает хорошую сохранность славянской лексики, что характерно для островных говоров, находящихся в иноязычном окружении. Окончательные выводы о степени сохранности русской лексики и векторах ее изменения и взаимодействия с лексикой автохтонного населения, а также «чужими» языками, говорами и странами будут ясны после выхода большего количества выпусков *Словаря*, но уже сейчас можно сделать общий вывод о славянской основе этих говоров.

Русские говоры Камчатки относятся к говорам позднего заселения. Они сложились в XVIII в. на основе севернорусского наречия. До прихода славян на Камчатку здесь жили ительмены и коряки, соседствующие на севере с чукчами, а на юге с курилами. Во время первой волны заселения Камчатки русскоязычным населением сюда попали сибирские казаки и служилые люди, которые оказались на полуострове под предводительством Л. Морозко, В. Атласова, В. Беринга. После присоединения Камчатки к Охотской области в 1731 г. сюда были направлены почти 300 служилых людей и пашенных крестьян для развития хлебопашества, все они должны были в связи с особыми местными природными и климатическими условиями переориентироваться и заняться охотой и рыболовством. Первые поселенцы были выходцами преимущественно из районов Ангаро-Илимо-Ленского края, Якутии и Анадыря. Следствием первой волны заселения Камчатки в первой трети XVIII в. стало формирование слоя постоянного славянского населения, представленного сибиряками. Дальнейшая славянизация и христианизация Камчатки привели к формированию и быстрому распространению камчатского (камчадальского) наречия, сформировавшегося на основе севернорусских говоров сибиряков-переселенцев. Формирование камчадальского наречия произошло благодаря слиянию обрусевших ительменов и коряков и «окамчадалившихся» русских. Всё это было связано с быстрым переходом коренного населения,

прежде всего ительменов, от двуязычия к русскому одноязычию, ростом метисированного населения от смешанных браков и фактическим исчезновением «чистокровных» ительменов и коряков. Таким образом, в XVIII – начале XIX вв. на Камчатке сформировался особый субэтнос — камчадалы, родным языком которых являлось камчатское наречие как территориальная разновидность русского языка, подвергшаяся сильному влиянию ительменского языка и в гораздо меньшей степени корякского языка. С 2003 года камчадалы занесены в состав малых народов России.

Характерным для этого русского наречия было наличие сильной корякской и ительменской интерференции на всех уровнях языковой системы, естественно, характер интерференции в разные исторические периоды был различным. *Словарь*, не ставя перед собой такой задачи, фиксирует по необходимости и *характер этой интерференции* в наше время, являясь, таким образом, не только диалектным, но в какой-то мере и *социолингвистическим* словарем.

Всё это определило направление *Словаря* как *недифференциального*, т. е. такого, в котором представлена не только диалектная, но и общенародная устно-разговорная лексика русского языка. *Словарь* дает возможность представить русский язык камчатского наречия не частично (как в дифференциальном словаре, ограничивающем свой состав исключительно диалектной или диалектной и диалектно-просторечной лексикой), а во всем объеме как полнокровно действующий организм. Недифференциальный принцип отбора материала не только отражает лексику камчатского наречия системно, но и помогает в разных аспектах увидеть жизнь общерусского слова в говоре (Ильинская 2001; Ильинская 2002), а также установить соотношение корякского, ительменского и русского элементов в том языке, на котором говорят в наше время камчадалы. В результате такого подхода к отбору материала для *Словаря* в него вошли следующие пласты лексики:

1) общерусская нелитературная (просторечная, жаргонная, народная терминологическая, интердиалектная): *амбар* (интердиалект.), *блатной* (жаргон.), *вертаться* ‘возвращаться’ (простореч.); *встренуть* ‘встретить’ (простореч.); *сурочить* ‘сглазить’ (диалект.); *вездеходист* (термин.) ‘водитель вездехода’;

2) литературная, зафиксированная в устном дискурсе камчадалов во всем стилистическом разнообразии от архаической до современной: *вельможа*, *дева*, *ассоциация*, *вакцинация*; *вездеход*,

3) камчатская диалектная (русская): *варв́арка* ‘плетеный кнут, плетка, которой погоняли ездовых собак’; *выбу́живать* ‘выгонять зверя (медведя, соболя) из берлоги или пустотелого дерева’; *евражка* ‘суслик’; *камчадалить* ‘рыбачить и охотиться’; *промышлять* ‘охотиться на пушного зверя’; *тараска*

‘суслик’;

4) камчатская субстратная (ительменная, корякская): *арабуч* ‘лососевая рыба нерка’; *арлуч* ‘шиповник’; *бахил*, *бахия* ‘национальная пляска камчадалов-ительменов’; *кабала*, *кабалам*, *меука*, *кайнын* ‘камчатский бурый медведь’; *каюрить* ‘управлять собаками, везущими нарту’;

5) лексика, появившаяся в советский период и вышедшая из употребления в настоящее время: *артель* ‘объединение лиц той или иной профессии (ремесла) для совместной работы’; *перьевая ручка* ‘ручка с пером для письма чернилами’; *тарелка* ‘радио на столбе’; *чумработница* ‘женщина, ведущая хозяйство на стойбище оленеводов’.

6) современная лексика, отражающая местные реалии: *беренгия* ‘название гонок на собачьих упряжках, ежегодное массовое мероприятие, проводимое в феврале в крупных населенных пунктах Камчатки’.

В названиях зверей можно наблюдать сибирскую лексику, составляющую основу камчатского наречия: название *крестовка* ‘лисица, имеющая на хребте четыре темных пятна, расположенных крестообразно’ отмечается в Сибири (Гурулев 1992: 16); *пестун* ‘медвежонок старше года, оставшийся при медведице для пестования младших братьев’. Отмечая, что слово зафиксировано в Словаре XI–XVII вв. и обозначало только воспитателя, дядьку, автор высказывает предположение о появлении нового значения именно в Сибири: «Не в Сибири ли оно было перенесено на годовалого медвежонка?» (Гурулев 1992: 25); невыходной ‘соболь с маленькой и малопушистой шерстью’ (Гурулев 1992: 31).

О соотношении старого и нового, своего и чужого в камчатских говорах можно судить по тематической группе названий оружия, используемого для охоты: *аресак* ‘винтовка японского производства’; *берданка*, *бердан*, *бердана* ‘однозарядная винтовка, находившаяся на вооружении русской армии в 1870–1891 гг.’; *винтóвка*; *винчестер*, *винчэс*, *винчэстера* ‘род охотничьего ружья, названного по имени изобретателя Винчестера (1865 г.)’; *втúлка* ‘охотничье ружье с двумя стволами’, *двухствóлка*, *карабín*, *ружьё*, *трéхлинейка* ‘трехлинейная винтовка образца 1891 г.’, *эфéльд* ‘английская винтовка образца 1853 г.’.

Материал для *Словаря* записан в 33 населенных пунктах Камчатского полуострова. Информанты проживают в отдаленных районах Камчатки, вдали от городских центров. Уровень образования первых информантов ограничивался, как правило, двумя-тремя классами церковно-приходской школы, затем начальным образованием, постепенно уровень образования информантов повышался. Теперь они в основном имеют среднее или среднее специальное

и даже (в редких случаях) высшее образование. Их язык органически впитал в себя как севернорусские элементы, так и субстратные (коряжско-ителменские), а также заимствованные включения из говоров других переселенцев XX в. (белоруссов и украинцев, русских с материка). Поздние переселенцы не включались в состав информантов. В некоторые населенные пункты экспедиции проводились неоднократно, например в поселки Мильково и Ковран. Такое крупномасштабное изучение одного говора позволило глубже проникнуть в его языковую систему, лучше изучить быт и уклад жизни местных жителей и получить ответы на возникшие в процессе написания *Словаря* вопросы, связанные с определением семантической структуры слова.

Записи для *Словаря* производились не только вручную, но и на диктофон, что позволило давать максимально широкие контексты употребления слова. Материал в *Словаре* дается в упрощенной фонетической транскрипции с минимальным использованием специальных диакритических знаков (они используются для отражения речи инофонов и архаических записей), что позволяет привлечь к *Словарю* более широкий круг читателей, интересующихся Камчатским краем. В результате задача *Словаря* — дать представление о *живой речи* современных камчадалов, протекающей в условиях неофициального общения, — решается наиболее удобными и приемлемыми для пользователя *Словаря* способами. Речь камчадалов меняется на наших глазах, эта динамика языковых изменений проявляется в том, что в одном говоре сосуществуют окающие и акающие информанты, русские и инофоны, люди разного возраста и разных профессий, постоянно живущие на одном месте и постоянно курсирующие на материк и обратно, т. е. имеющие разнообразные контакты с материком. *Словарь* отражает не только прошлое, но и настоящее, рождающееся на наших глазах.

В камчатских говорах, благодаря особому геофизическому положению полуострова и климатическим условиям, представлена уникальная лексика флоры и фауны, терминологическая лексика охоты рыболовства, выделки шкур, а также народных ремесел и обрядовая лексика. Таким образом, в силу специфики региона *Словарь* является *территориально-этнографическим*, поскольку включает большое количество этнографического материала.

В *Словарь* включается и топонимический материал, а также прозвища людей и клички животных. В некоторых случаях топонимический материал сопровождается лингво-историческими комментариями: **Ажа́бачье о́зеро**. *Топ.* Озеро, расположенное вблизи реки Камчатки. Название является искажением ительм. *ажабача* — ‘месяц белой рыбки’ (Давыдова 2006: 189); **Ава́ча**, *-и, ж. Топ.* 1. Река на восточном побережье Камчатки, впадающая в

Авачинскую губу. Название связано с коряк. *эвеч* — ‘чавыча, рыба из породы лососевых’. Впоследствии по реке Аваче были названы залив, губа, мыс, сопка, вулкан (Давыдова 2006: 172), поселок.

Словарь представляет собой лексикографическую обработку материалов, собранных за время диалектологических экспедиций студентами и учеными-русистами Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга. Изучение русских камчатских говоров и фольклора преподавателями кафедры русского языка и литературы начато в 1962 году (тогда это был Камчатский государственный педагогический университет имени Витуса Беринга). Однако большая часть собранных материалов находилась в личных архивах преподавателей, и в связи с уходом их из института в конце 60-х годов материалы были утрачены. С 1970 года работу по изучению камчатских говоров продолжила пришедшая на кафедру русского языка О. Т. Бархатова. Она возобновила сбор диалектного материала, фактически начав всё с нуля. После прихода О. Т. Бархатовой эта работа стала постоянной на кафедре. Впоследствии в эту работу включились Т. И. Чурсина, О. А. Глущенко, Н. Г. Ильинская, которая возглавила диалектологические разыскания после отъезда О. Т. Бархатовой. Интенсивное систематическое и целенаправленное изучение камчатского наречия в стенах Камчатского университета стало возможным после создания в 2002 году Н. Г. Ильинской Лаборатории региональной этнолингвистики, одной из задач которой и стало структурно-семантическое описание камчатского наречия как территориального варианта общенационального русского языка и создание картотеки настоящего *Словаря*.

Сбор диалектного материала для *Словаря* Н. Г. Ильинская начала еще в 1976 году, когда, будучи студенткой первого курса, впервые отправилась в экспедицию в поселок Мильково под руководством О. Т. Бархатовой. В штате Лаборатории первоначально работали два человека (заведующая Лабораторией Н. Г. Ильинская и научный сотрудник О. А. Глущенко). К сбору и изучению диалектного материала в дальнейшем были привлечены аспиранты Н. Г. Ильинской, а также студенты филологического факультета, проходящие под их руководством диалектологическую практику. Экспедиционная работа всегда являлась приоритетной для Н. Г. Ильинской. При существовании финансовых возможностей в поле отправлялось несколько экспедиций в год: в 2003 — в Мильково и Тигиль, в 2005 — в Мильково, Козыревск, Усть-Хайрюзово, Ковран, Долиновку, в 2006 — в Мильково, Долиновку, Анавгай, в 2007 — в Мильково, Долиновку, Анавгай, Эссо, Соболево. За это время был собран большой лексический материал, который лег в основу *Словаря*. В *Словарь* включаются и записи, сделанные в Петропавловске-Камчатском,

если слова, записанные нами здесь, связаны словообразовательными или семантическими связями с лексикой, записанной в полевых условиях. Можно считать наш *Словарь* словарем *региолекта* (Герд), поскольку он включает записи из крупных населенных пунктов и столицы края.

Под руководством Н. Г. Ильинской в Лаборатории с 2002 по 2014 гг. на камчатском материале были написаны и защищены кандидатские диссертации А. П. Каргиной, Н. Г. Олесовой, И. И. Быковой, Н. А. Григоренко, Л. А. Полищук, А. Е. Худышкиной, О. В. Малоземлиной. Диссертационные материалы наряду с экспедиционными материалами легли в основу *Словаря*.

Как все островные говоры, камчадалские в большей степени, чем материковые говоры, «одиахроничены» (И. А. Оссовецкий) и сохраняют реликтовые формы русского языка, утраченные на основной территории распространения общенационального русского языка.

В 1977 году в Хабаровске был издан *Словарь русского камчатского наречия* (СРКН) (1899 словарных статей), составителями которого являются К. М. Брасловец и Л. В. Шатунова (ими составлено 1084 словарные статьи). Этот материал включается в *Словарь*, если он отсутствует в нашей картотеке, поскольку представляет собой более раннюю лексикографическую фиксацию камчадалской речи. Материал СРКН дается в скобках, он передается без изменения, но в той записи, которая соответствует разработанным нами принципам построения словарной статьи. Привлечение материалов из словаря К. М. Брасловца и Л. В. Шатуновой делает «экскурс в историю» в *Словаре* еще более наглядным. В СРКН вошли полевые записи экспедиции на Камчатку, проходившей под руководством К. М. Браславца с 1962 по 1971 гг., материалы 1975 г., а также материалы фольклорно-диалектологических экспедиций Камчатского пединститута, проведенных под руководством С. А. Олениной с участием Н. А. Бондаревой в 1963 г. (использованы 183 словарные статьи), а также материалы О. Т. Бархатовой (119 словарных статей), руководившей в то время диалектологическими экспедициями Камчатского пединститута. Материалы О. Т. Бархатовой, хранящиеся в нашей картотеке, представлены как камчатские, без ссылки на СРКН. Материал записан в 40 населенных пунктах. Это значительно расширило источниковую базу *Словаря*, его временную перспективу. Несомненным достоинством словаря К. М. Брасловца и Л. В. Шатуновой является использование авторами не только диалектных материалов, но и литературных источников, начиная с самых ранних фиксаций XIX в, если в них представлена диалектная лексика, бытующая на территории Камчатского края. Благодаря такому погружению в источники и использованию диалектного материала, записанного авторами раньше, чем это

сделано нами, авторам удалось зафиксировать многое из того, что уже забыто в наши дни. Наш *Словарь* использует этот драгоценный материал в случае отсутствия его в картотеке, для того чтобы не утратить для истории былое наследие, исчезнувшее на наших глазах вследствие научно-технического прогресса и тех глобальных перемен, которые произошли в мире в XX в. В этом смысле *Словарь* — это наша история, и не только языковая, но и бытовая, культурная, социальная, представленная эксклюзивным материалом, записанным у живых свидетелей эпохи.

Построение словарной статьи

Задачей авторов настоящего *Словаря* является «учет всех значений слов, их фразеологической связи, раскрытие смысловых связей слов между собой» (АОС 1: 20). В основу представляемого *Словаря* авторы положили принципы, разработанные О. Г. Гецовой и наиболее последовательно отраженные в АОС. Естественно, в нашем *Словаре* есть свои особенности, соответствующие нашему языковому материалу и установке сделать *Словарь* доступным самому широкому кругу читателей. Мы внесли свои коррективы, в частности, в фонетическую транскрипцию, которая, как это принято, использует знаки русского алфавита. После твердых согласных используются буквы *a*, *o*, *y*, *ы*, *э*, после мягких *e*, *ë*, *и*, *ю*, *я*, *ь*. Если качество гласного звука неоднородно, указывается соответствующий призвук гласного: *ы^u* *и^{bi}* *ы^u* *э^{bi}* и др. Согласный йот всегда обозначается буквой *й*. При произношении согласного звука с дополнительной артикуляцией также указываются призвуки при помощи выносных диакритических букв: *с^{uu}* *з^ж* *т^u* *т^u* *ч^u* и др. Диалектные звуки средненебный *ℓ*, губно-губной *w*, фрикативный *γ*, неслоговое *ʉ* обозначаются, как это принято в транскрипции диалектных текстов. Не обозначается специально мягкость непарных по мягкости согласных: звуки, обозначаемые как *ч* и *щ*, в наших говорах всегда мягкие, поэтому нет смысла отражать эту мягкость специальными средствами. В транскрипции отражаются все виды ассимиляции, в том числе и случаи ассимилятивного смягчения согласных, совпадающие с литературным языком (зубные перед мягкими зубными всегда смягчаются, *n* смягчается перед *ч* и *щ*). Задача *Словаря* — отразить не только собственно диалектные явления, но и случаи, совпадающие с литературной фонетикой русского языка.

Словарь является толковым словарем. Порядок расположения слов в *Словаре* алфавитный. Слова, относящиеся к разным частям речи, сопровождаются самостоятельными словарными статьями, кроме сравнительной степени. Если не зафиксировано употребление полной формы, в *Словаре* приводится

словарная статья на сравнительную степень с пометой *компар.* без дальнейшей дифференциации. Наречия подаются в слитном написании, как это принято в АОС, однако в иллюстративном материале в написании наречий мы следуем существующим нормам орфографии, таким образом, в подаче наречий мы идем на компромисс: заглавная форма подается в соответствии с языковой природой явления, а иллюстративный материал — в соответствии с существующей традицией орфографии.

В отличие от АОС написание *ь* сохраняется в заглавном слове у всех наречий и существительных 3 склонения, в том числе и у оканчивающихся на шипящий согласный. Лексические и словообразовательные варианты слов располагаются в отдельных словарных статьях по алфавитному порядку.

Фонетические варианты слов приводятся в скобках после заглавного слова, отдельно они располагаются в алфавитном порядке с пометой *см.*, после которой идет словарная форма слова. Иллюстративный материал помещается только в словарной статье на основной фонетический вариант слова. При лексикализации иллюстративный материал дается в обеих словарных статьях.

Словарная статья строится по обычному принципу. Сначала в орфографической записи дается заглавная форма слова, затем обычные для словарей грамматические пометы: у существительных приводится форма родительного падежа ед. числа и род: м. — мужской род, ж — женский род, ср. — средний род, для слов общего рода дается помета м., ж. При несклоняемых существительных используется помета *неизм.* Для существительных жен. р., образованных от соответствующих существительных муж. р., используется типовое определение *жен. к ...*

Глаголы страдательного залога определяются как *страд. к...* Формы несовершенного и совершенного видов глагола помещаются в разных словарных статьях и располагаются в алфавитном порядке. Они сопровождаются только пометами: *несов.* — несовершенный вид и *сов.* — совершенный вид, ссылок на видовой коррелят нет. После словарной формы глагола приводится форма 1 л. ед. ч и 3 л. ед. ч. Кроме того, глаголы могут иметь следующие грамматические пометы: *однократ.* — однократный и *многократ.* — многократный, *безл.* — безличный, *вспомог.* — вспомогательный.

У неизменяемых частей речи используются пометы: *нареч.* — наречие, *союз, предл.* — предлог, *межд.* — междометие, *част.* — частица.

После грамматических используются стилевые пометы. Из них используются следующие: *экспресс.* — экспрессивное (указывает на сильную эмоциональную окраску слов самого разного характера, оценочность, присутствие семы интенсивности); *ум.-ласк.* — уменьшительно-ласкательное (использу-

ется при наличии у слова уменьшительно-ласкательного суффикса и соответствующего компонента значения); *ласк.* — ласкательное (используется при наличии у слова соответствующего суффикса и наличии у слова только ласкательного оттенка без уменьшительности); *детск.* — детское (употребляется при словах, используемых при разговоре с детьми или животными); *шутл.* — шутливое (используется при установке говорящего на шутку); *одобр.* — одобрительное (при наличии у слова соответствующей окраски с оттенком одобрительности), *неодобр.* — неодобрительное (при наличии яркого оттенка неодобрительности); *пренебр.* — пренебрежительное (при наличии у слова пренебрежительного оттенка значения); *презр.* — презрительное (при наличии у слова оттенка презрительного отношения); *фам.* — фамильярное (при установке на фамильярное отношение к сказанному), *бран.* — бранное (используется при словах, использующихся в качестве инвективы, они могут не иметь самостоятельной семантики); *груб.* — грубое (при словах, имеющих вульгарный или грубо-просторечный характер); *жарг.* — жаргонное (дается общая помета при словах, заимствованных из жаргонов, дальнейшая дифференциация не делается).

Далее следует толкование лексического значения слова. Используются обычные для двуязычных словарей способы толкования значения слова. Как правило, в *Словаре* применяются следующие способы:

1) через аналог слова из литературного языка при наличии полного соответствия: *а́глицкий* ‘английский’;

2) через синонимический ряд, в котором каждый синоним является неполным синонимом диалектному слову, если литературный аналог не имеет полного соответствия с диалектным словом: *безмо́зглый* ‘обладающий неустойчивой психикой, чрезмерно возбудимый; легко впадающий в агрессию, неуправляемый, не способный контролировать свои поступки’;

3) синонимический способ, при котором один синоним имеет более широкое, а второй более конкретное значение: *беспа́мятливый* ‘не обладающий хорошей зрительной памятью, плохо ориентирующийся в пространстве’.

4) описательный способ толкования при отсутствии в литературном языке данного предмета, действия, признака и т. д.: *аро́мкач* ‘маленький четырехугольный берестяной короб, предназначенный для сбора ягод’; *а́лак* ‘общее обозначение собачьей упряжки наподобие лямки, при помощи которого собаки тянут, передвигаясь по берегу, находящееся в воде судно’.

5) указание ситуации употребления слова: *буси́ть*, ‘идти’ (о мелком, морсящем дожде);

6) использование антонимов, сравнительных оборотов, отрицательных

конструкций;

7) объединенный переводно-толковательный и описательный способ; *argá* ‘ирга, высокий декоративный кустарник сем. розоцветных с многочисленными белыми цветами’;

8) отсылочный способ (при помощи помет *то же, что; см.* (смотри), *ср.* (сравни), *страд. к...*, *жен. к...*, *ум. к...*; *ласк. к...*, *ум.-ласк. к...*, *единич. к...*, *однократн. к...*, *многократн. к...*).

При словах с невыясненным значением ставится «?». При невыясненном терминологическом латинском определении оно отсутствует в толковании диалектных названий растений, рыб, птиц.

В случаях, когда имеются синонимичные слова, толкуется только одно слово-синоним, встречающееся в данном томе *Словаря*, для толкования других синонимов применяется отсылочное толкование *То же, что...* После пометы *ср.* в конце словарной статьи помещаются все синонимы данного слова. В данном случае мы также следуем за авторами Архангельского областного словаря (АОС).

Устойчивая сочетаемость приводится с соответствующей пометой и знаком косой черты / *В сочет.* Оттенки значения снабжаются знаком //.

После толкования значения слова следует иллюстративный материал, представляющий собой упрощенную фонетическую запись живой диалектной речи. Иллюстративный материал демонстрирует значение слова, его образность, грамматику, сочетаемость и географию распространения. Разные контексты употребления слова отделяются друг от друга точкой и географической пометой. Количество иллюстраций определяется имеющимся в нашем распоряжении материалом и стремлением авторов *Словаря* показать слово во всем объеме его значений, их оттенков и словоупотреблений. Кроме того, авторы считают, что широта контекстов делает словарные статьи источником этнографических и исторических сведений. Вся география распространения слова не указывается.

Фразеологический материал приводится в конце словарной статьи в алфавитном порядке (при наличии нескольких фразеологизмов) под знаком \diamond . Порядок словарной статьи обычный: толкование значения, иллюстративный материал, географическая помета. Фразеологизм может быть дан не только на опорное слово, но и на любое другое знаменательное слово во фразеологическом сочетании, а также на первое слово фразеологизма, то есть на предлог и союз: \diamond *В крапиве рождённый*. ‘ребенок, рожденный вне брака’; \diamond *Как слёзы выступать* ‘появляться подобно слезам (о капельках жира)’; \diamond *В комо́чке держать* ‘хранить в тайне, никому не рассказывать’.

Единицы фольклорного характера получают пометы: *Запрет. Легенда.*

Обычай. Обряд. Песня. Поверье. Поговорка. Пословица. Примета. Присловье. Ритуал. Сказка. Снотолкование. Средство народной медицины. Частушка. Элемент обряда.

Например: *На прázник благодарíли природу, зверей, костры́ дéлали и кидáли у́лякиг (жэртвоприношэнийе), состязания проходíли, мушцины бéгали, метáли топорá, шэстáми, фсем тем, чем онí работали, определяли сэмого лóфкого охóтьника (23 июня встреча Нового года). Обряд. Эссо.*

Специально помечаются случаи народной этимологии: *Орхидéньчик — ёто мéсто на рекé Камчáтке вверх от Нíжнево, где обéдал орхирéй, когдá ф Ключí йéха!* Народная этимология. У–К.

Словарь — это памятник этим людям и той исторической эпохе, в которую они жили и трудились, признание того, что их жизнь не прошла даром, ведь словарь — это сама «жизнь народная в алфавитном порядке» без прикрас и глянца.

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.
- Быкова 2006 — *Быкова И. И.* Имя прилагательное в говорах камчадалов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Ярославль, 2006.
- Глуценко 2008 — *Глуценко О. А.* Лингвистическое краеведение: Этнолингвистическое описание камчатского наречия. Петропавловск-Камчатский, 2008.
- Григоренко 2007 — *Григоренко Н. А.* Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Ярославль, 2007.
- Гурулев 1992 — *Гурулев С. А.* Звери и рыбы Сибири: происхождение названий. Иркутск. 1992.
- Давыдова 2006 — *Давыдова Т. В.* Историческая топонимика Камчатки. Учебно-методическое пособие. Петропавловск-Камчатский, 2006.
- Ильинская 2001 — *Ильинская Н. Г.* Общерусское слово в лексикологическом аспекте. Петропавловск-Камчатский, 2001.
- Ильинская 2002 — *Ильинская Н. Г.* Общерусское слово в грамматическом и стилистическом аспектах. Петропавловск-Камчатский, 2002.
- Каргина 2006 — *Каргина А. П.* Общерусский глагол в говорах камчадалов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Владивосток, 2006.
- Малоземлина 2008 — *Малоземлина О. В.* Лексика пищи в говорах камчадалов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Ярославль, 2008.
- Олесова 2006 — *Олесова Н. Г.* Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Ярославль, 2006.
- Полищук 2007 — *Полищук Л. А.* Название одежды и обуви в говорах камчадалов. Диссер-

тация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Ярославль, 2007.

Словарь XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.

СРКН — Словарь русского камчатского наречия / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977.

Худышкина 2007 — *Худышкина А. Е.* Общерусское имя существительное в камчатских говорах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Ярославль, 2007.

Summary

Natalya Ilyinskaya, Yelena Korolyova

Dictionary of the Kamchatka subdialects

(experience of compiling)

An account of principles of compiling a non-differential Kamchadal dictionary, based on subdialects of native people of Kamchatka, or the The Kamchadals, including Russians as well as other ethnic groups. Slavic lexis is well preserved, which is typical of insular subdialects surrounded by other languages.

Semantic role marking in verbs in Southern Russian subdialects

The 19-20th issue of the series ‘Slavic dialectology studies’ is compiled of articles on the following themes: ‘Slavic dialects in the current linguistic situation’ and ‘Dialectal dictionary as a method to study Slavic dialects’. Dialects, as components of modern Slavic languages, can be characterised in various aspects, which are correlation between dialects and other forms of the language, peculiarities of their structures, socio-linguistical prestige. Articles on the dialectal dictionary analyse its lexicon, quantity of its data, as well as approaches to interpretation. The articles are based on the data of various Slavic languages, including the data coming from Internet lexicography.

Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра)

В русской диалектографии постепенно утверждается жанр идиолектного словаря. Известно уже несколько изданий этого рода.

Первым, почти полвека назад, появился «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (Шадринск, 1971), далее, с большим перерывом во времени, вышел «Словарь диалектной личности» В. Д. Лютиковой (Тюмень, 2000). (Стоит отметить, что оба словаря опираются на записи речи диалектоносительниц, живших в одном и том же Шатровском районе Курганской области, в населённых пунктах, находящихся на расстоянии друг от друга приблизительно 31–32 километра по прямой.) В обзорах и рецензиях в обязательном порядке к названной категории лексиконов относят также «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е. А. Нефёдовой (Москва, 2001), «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г. А. Толстой (Красноярск, 2004), «Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» Е. В. Иванцовой (Томск, 2005). Из названных словарей три последние не совсем отвечают целям настоящих заметок: основанные каждый на записях материала от одного лица, они имеют дело с функционально и прагматически обособленным языковым материалом в одном случае, с сильными жанровыми и синтаксическими ограничениями на него в другом; «Словарь Агафьи Лыковой» имеет источником только письменную речь информантки, которая принадлежит старообрядческой конфессии и большую часть жизни провела в семье отшельников, в изоляции от общества.

Позже В. П. Тимофеевым, в соавторстве с О. В. Тимофеевой, было предпринято второе издание (или второй выпуск?) «Словаря диалектной личности», переработанное и значительно, в четыре раза, расширенное за счёт переориентации на словарь одной семьи.

С ним в жанрово-концептуальном отношении соприкасается «Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)» Е. Е. Королёвой (ч. 1–2, Даугавпилс, 2000).

Все перечисленные словари являются дифференциальными по своим установкам.

Конечно, необходимость и разнообразную пользу таких изданий (независимо от их лексикографических достоинств¹) отрицать никто не станет. Но

¹ Об удручающе низком качестве словаря, написанного проф. В. Д. Лютиковой, я уже имел возможность высказаться (см.: А. Ф. Журавлев. Эволюции смыслов. М., 2016: 215 и

вопрос в том, правомерно ли дифференциальные идиолектные лексиконы называть словарями личности. Личность носителя диалекта в лингвистическом (и даже если брать узко — в лексическом и фразеологическом) плане реализуется вовсе не только в территориально ограниченном вокабуляре, в особых значениях и устойчивых словосочетаниях, не известных литературному изводу, но и во всём складе речи, включая в него и общераспространённую лексику. Неповторимый характер взаимодействия в с е х составляющих индивидуального дискурса (лексика и лексическая семантика, фразеология, словообразовательный арсенал, морфологические варианты, акцентологические факты, синтаксические потенции слова и проч.) должен рассматриваться как база для создания словаря личности в подлинном смысле. Работы в этом жанре, ориентированные на показ лишь некоторой, хотя бы и чрезвычайно важной для обрисовки конкретного *hominis loquentis*, доли его лексического фонда, являются скорее предварительными набросками, чем полноценными «языковыми портретами». Ещё более очевидно, что лишь полноохватный словарь языка отдельной личности может быть положен в основу реконструкции отражаемой в лексике индивидуальной модели мира.

Исследователи индивидуальных дискурсов в рамках письменной-литературного языка, то есть «авторских стилей», необходимость обращения к полнообъёмному словарю изучаемого писателя поняли намного раньше. Но им и легче: «элитарный» носитель языка что называется на виду, вырисовывается рельефнее «типичного», в письменном режиме сознательный словесный о т б о р составляет важнейший принцип порождения речи. Диалектологи же, стоя перед привлекательностью сходной идеи словаря индивида-диалектоносителя, долго толклись в неясном пространстве — в ситуации, которая характеризовалась даже невнятицей применяемых терминов. Так, В. П. Тимофеев в противоречивой вводной статье к своему безусловно дифференциальному словарю говорит о нём как о «полном», имея в виду малопонятное «максимальное количество диалектных слов в речи одного лица» (с. 7); сам словарь Тимофеева, объёмом в 90 страниц, правда, мелким кеглем, включает 2792 словарных единицы².

др.). Тем не менее как источник сведений о диалектной лексике представляют интерес и подобные словарные регистрации.

² Для сравнения: в словаре В. Д. Лютиковой, похожем по импульсам к возникновению и по построению, регистрируется, как подсчитала составительница, 3407 единиц «только диалектной лексики и фразеологии». Давно отмеченный эффект некомплектности, недотягивания словника практически любого сколько-нибудь обширного диалектного словаря до реального объёма региональной лексики и фразеологии, находимых в текстуальных иллюстрациях к нему, сказался и в обсуждаемых изданиях. И в том и в другом лексиконах насчитываются

Поэтому до поры до времени необращение к жанру исчерпывающего диалектного идиолексикона делало проблему словаря личности как такового почти беспредметной. В рамках работы над словарным описанием говора пермской деревни Акчим (под руководством Ф. Л. Скитовой) ещё полвека назад выдвигалась задача составления индивидуального лексикона жительницы этой деревни (А. К. Горшковой), но работа над ним не завершилась и, по имеющимся сведениям, застопорилась на этапе формирования картотеки.

Сейчас положение изменилось. Не может не обрадовать появление пока ещё уникального для русской диалектографической традиции «Полного словаря диалектной языковой личности» (жительницы с. Вершинино Томской области В. П. Вершининой) под ред. Е. В. Иванцовой (т. 1–4, Изд-во Томского университета, 2006–2012; далее — Вершининский словарь).

В связи с названными словарными изданиями возникают уже основательные попытки теоретического осмысления проблемы «диалектной языковой личности» — у нас преимущественно в контексте идей антропоцентризма, «антропологической лингвистики», адресуясь большей частью к доктрине Ю. Н. Караулова³. Но здесь языковую личность как широкую конечную цель нужно оставить психолингвистике, социолингвистике, когнитологии, культурной антропологии и другим связанным с языкознанием дисциплинам и попытаться осознать существенность собственно лексикографической стороны дела.

Рефлексии по поводу предмета, о котором идёт речь, довольно многочисленны, они осуществляются как, естественно, составителями словарей диалектной личности («изнутри»), так аналитиками ситуации «извне». Очень часто параметры диалектного словаря личности рассматриваются в одной упряжке или по меньшей мере на фоне литературноязыковой авторской лексикографии (проводятся параллели с идиолектными словарями Пушкина, Достоевского и множества иных).

десятки не включённых в заголовочные единицы диалектных слов, фразеологизмов и не распознанных составителями отличных диалектных (или идиолектных) значений.

³ См.: Ю. Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; О. А. Еремеева. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1, ч. 2; Е. В. Иванцова. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002; Л. Г. Гынгазова. Идиолектная личность в аспекте языковой картины мира: подход к описанию // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург, 2004; Е. В. Иванцова. Проблемы изучения языковой личности. Учебное пособие к спецкурсу. Томск, 2005; Е. В. Иванцова. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010, № 4 (12).

Среди нефилологов до сих пор преобладает понимание диалектного словаря как справочника — если не подобия «словарям» в помощь разгадывателям кроссвордов, то как г л о с с а р и я. Нефилолог как правило не задумывается о собственно научном назначении региональной лексикографии, полагая, что основной или исключительной задачей диалектных словарей является разъяснение любознательному читателю встретившегося ему непонятого слова, которое ограничено узким территориальным и социальным бытованием. Такой взгляд, помимо прочего, поддерживается особым лексикографическим (или «сублексикографическим»?) жанром — пояснительным реестром местных слов, который прилагается к текстам прозаика или стихотворца, склонного к обильному использованию регионализмов, при этом перечни указанного рода составляются и издателями (к сочинениям Тургенева, Есенина, Шолохова и др.), и, не так уж редко, самими авторами (ср. списки толкований украинизмов у Гоголя, олонечких диалектизмов в «Погорельщине» Клюева, примечания к «Бухтинам вологодским» Белова и т. д.).

Кроме того, пересказанное профаническое отношение к диалектным словарям усиливается ложным, но удивительно живучим, разделявшимся даже диалектографами-собираателями и профессиональными языковедами представлением о том, что местные говоры являются результатом порчи языка. И если некоторые суждения подобного рода (например, в предисловиях к «Опыту областного великорусского словаря» или смоленскому лексикону Добровольского) отражают недостаток научной рефлексии, заметный на этапах становления диалектологии, то в идеологических погромах 30-х годов XX века, которые устраивались вульгарным марксистом Ф. П. Филиным и его подручными, они носят откровенно злонамеренный характер. Пренебрежительность нефилолога по отношению к территориальным говорам, недооценка их самостоятельности в границах исполняемых функций поддерживается высокомерным и порочным в своей основе противопоставлением диалектов литературному идиому (например, в часто и охотно цитировавшемся ранее высказывании Горького, который, как известно, крестьянства не знал и относился к нему с презрением: «Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, “сырой” язык и обработанный мастерами»^{4,5}).

⁴ Н. С. Трубецкой, вспомним, эту обработку характеризовал иначе — как «насилование» и «коверкание», см. его популярную статью «Общеславянский элемент в русской культуре» (ВЯ, 1990, № 2: 126).

⁵ Оценка литературного языка как «богатейшей сокровищницы» и проч. оправдывается лишь до некоторой степени — когда имеются в виду его суммарный тезаурус и реали-

С обращением к полному типу словаря мы, кажется, приближаемся к окончательному преодолению представления о диалектном словаре как справочнике, комментарии, глоссарии: чётче вырисовывается самостоятельность предмета и становится притягательной не достигавшаяся ранее степень системности в его отображении.

В ряду диалектных лексикографических жанров словарь личности занимает крайнюю позицию: если разновидности территориальных словарей выстраивать в некую последовательность, то на противоположном конце, по видимому, окажется интегральный полиидиомный лексикон типа «Словаря русских народных говоров». Нетрудно заметить, что при движении от сводного словаря, охватывающего все диалекты данного языка, к словарю отдельного идиолекта степень системности возрастает⁶. Сводный лексикон — это словарь-коллекция, он внутренне разнороден и аморфен. А структурная связанность словарей узкого говора, одного населённого пункта или одного носителя диалекта гораздо более ощутима.

Большая часть узловых проблем, на которые обращается внимание диалектографа, рассуждающего об архитектурных принципах своего словаря, относится в равной мере и к построению словарей иных разновидностей.

Но теоретические рефлексии почти не касаются нюансов, которые порождаются самим жанром нелитературного идиолектного лексикона. Иногда такие моменты становятся предметом теоретического осмысления. Ср., например, в Вершининском словаре (1: 14): «...многие единицы словника лексикона диалектной личности представлены в них не во всех грамматических формах, особенно низкочастотные слова. Реконструкция парадигмы возможна далеко не всегда, поскольку это словарь одной личности, и личности диалектной. Диалектная норма в одних случаях неизвестна, в дру-

зация в речи элитарных носителей («мастеров слова», в частности выдающихся литераторов, блистательных университетских лекторов и под.). Она наталкивается на сильные идиосинкратические наклонности, свойственные унылому «среднему» носителю литературного языка, и вытекающую отсюда тенденцию к минимализации индивидуального словаря и выхолащиванию речи (в своё время я просил студентов показать, являются ли воплощением правильного и хорошего русского языка две фразы без заведомых примет нелитературности: одна в телевизоре была произнесена негодующей дамой интеллигентной наружности — *Превратили двор в общественный туалет!*; другая услышана в гостиничном кафе от доцента, кандидата филологии, преподавателя, насколько я осведомлён, стилистики и риторики — *Я взяла только вытечку и напиток*).

⁶ Вовсе не случайно самые первые крупные лексикографические труды, описывающие русскую диалектную лексику, — Опыт и Дополнение к Опыту — принадлежали именно типу сводного словаря.

гих может варьироваться. Метод опроса для выяснения парадигм словоизменения по отношению к диалектоносителю, не имеющему образования, не применим. Кроме того, при создании Словаря установкой являлась фиксация живой, непринуждённой, естественной речи языковой личности. Таким образом, составители остановились на варианте выборочной подачи грамматических форм». Составители Вершининского словаря в основу формирования его текстовой базы положили метод долговременного наблюдения над спонтанной речью информанта и в поисках материала почти не прибегали к методу опроса, справедливо стараясь свести вмешательство экспериментатора в естественное течение речи к минимальному уровню: присутствие наблюдателя искажает сам объект наблюдения. Ограниченность возможностей восстановления морфологических парадигм при оперировании фактами, записанными от одного лица, — не единственная трудность, сопряжённая с самим лексикографическим жанром и условиями его реализации. Круг таких специальных особенностей шире, хотя их вычленение из вороха вопросов более общего толка не так просто: эти особенности не наглядны, не лежат на поверхности.

В качестве примера я затрону только некоторые из них.

[1]

Заслуживает внимания вопрос о возможном и встречающемся неразграничении многозначности и экспрессивной многоприимности слова. Особенно это касается, как я мог заметить, глагольной и признаковой лексики.

Вот пример. В «Словаре диалектной личности» В. Д. Лютиковой (дифференциальном) у экспрессивного глагола **навихáривать** отмечено 8 значений, которые описываются раздельно (с. 83):

- (1) 'работать' (*Давай навихаривай, нечѣ прохладжаться*),
- (2) 'ходить' (*На ноге-то уж навихариват*),
- (3) 'бежать' (*Вон Нинка к Варѣ навихариват, да чѣ-то быстро*),
- (4) 'плясать' (*Как навихаривать на свадьбе, дак голоушка не болит, а как мыть, дак сразу заболела*),
- (5) 'ругать' (*А вот придѣт домой, дак мать и будет навихаривать*),
- (6) 'строить' (*На одной ноге, а сеновал навихариват*),
- (7) 'расти' (*Помидоры-те на земле-то вон чѣ навихаривают*) и
- (8) 'бить' (*Навихаривай его не навихаривай, всѣ одно не понимает*).

В общенародной лексике этому глаголу семантически весьма близки, если не эквивалентны, глаголы *наяривать* и *жарить/нажаривать* (разве что в последней фразе толкование 'бить' не выглядит обязательным: равным образом

говорящий мог понимать ‘брань, упрёки’ или ‘наказание, отличное от побоев’). Очень важно отметить, что все контекстные случаи записаны от одного человека. Более того, по другим диалектным источникам мне глагол *навихаривать* не известен⁷, в данном случае мы имеем дело с узкодиалектным или, не исключено, даже идиолектным образованием. И уже это настораживает. Если бы мы имели дело с перечнем словоупотреблений, записанных в разных говорах или даже в разных населённых пунктах, относимых к территории одного говора, то о цельности ряда говорить было бы теоретически хотя и правомерно, но всё же затруднительно, поскольку в каждом отдельном говоре глагол мог иметь единственное значение, которое и должно быть отражено словарём. Семантические «обобщения» в подобных ситуациях (с экспрессивными глаголами, в частности) представляют известный риск, и их лучше сторониться. Составители сводного СРНГ во многих случаях (не всегда, правда) именно так и поступают, что следует расценить как стратегически правильное решение. Но здесь дело обстоит иначе. Дробление семантики, с приписанием относительной самостоятельности каждому отдельному факту, не является необходимостью.

Я сделал такую проверку. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) представлено 150 цитат со словом *наяривать*. Если к ним подходить так, как это сделано в процитированном словаре В. Д. Лютиковой, можно выделить не менее 36 «значений» (якобы значений). Между тем в словаре Ушакова глаголу *наяривать* приписано только одно значение: ‘долго и усердно производить одни и те же движения...’ (дефиницию привожу не

⁷ В сводном «Словаре русских народных говоров» регистрируются, включая и показывая более ранних лексикографических публикаций, лексемы соверш. *навихать* перех. казан., влад. ‘натрудить, утомить ходьбой, работой (руки, ноги)’, ‘свихнуть’ (ногу), неперех. костром., влад. ‘поколотить, побить, надавать тумачков’, пенз. *навихаться* сов. ‘натрудиться, наломаться, устать от тяжелой работы, ходьбы’ (СРНГ 19: 169); семантически они соприкасаются с *навихаривать*. Западнорусские формы соверш. смол. *навухарить* ‘прибодрить или подзадорить’, псков., смол. *навухрить* то же, ‘обучить; направить на путь истинный наставлениями или наказаниями’, -ся ‘обучиться чему-либо’ (СРНГ 19: 188) удалены от *навихаривать* и семантически, и, по-видимому, этимологически. Этимологическую общность с ним (входя в гнездо *вих(о)р-*) обнаруживают широкого ареала севернорусские (с уральскими, западносибирскими), но также псковские формы с префиксом *за-*: несоверш. *завихаривать*, *завихоривать*, *завихоровать*, *завихерить*, *завихторивать*, *завихуривать*, *завихтуривать*, соверш. *завихорить*, -ся в значениях ‘подниматься вихрем, кружиться’, ‘начать мятежить’, ‘быстро ехать, бежать, мчаться, нестись’, ‘быстро, порывисто пойти, побежать’, ‘делать что-либо быстро’, ‘быстро, жадно есть’, ‘вести бурную жизнь’, ‘кокетничать’ и др. (Опыт: 60; Дополнение к Опыт: 53; СРНГ 9: 319–320; Псковский словарь 11: 85–86; Словарь Русского Севера IV: 32; Архангельский словарь; Пермский словарь 1: 382).

целиком). Формулировка ушаковского лексикона неудовлетворительна, потому что под неё не подводятся контексты, где речь идёт, например, о свечении солнца или яркой иллюминации, об ухаживании за дамой и прочем, встречается даже творческое сочетание *наяривать заговор* (извлечённое из прозы Вячеслава Пьецуха): не во всех таких случаях идёт речь о повторяющихся механических движениях. Тем не менее сведение употреблений к единому значению возможно и необходимо, везде речь идёт об интенсивности какого-либо действия или процесса, о подчёркнутой его сконцентрированности; экспрессивный глагол *наяривать* применим к неопределимо большому числу возможных действий и рисуемых ситуаций.

Вот это, применительно к похожему глаголу, и следовало сформулировать в обсуждаемой словарной статье, сохранив, однако, все приведённые контексты в качестве иллюстраций. Нетрудно увидеть, что все контексты глагола *навихаривать* тесно привязаны к конкретной ситуации — либо упоминавшейся в предшествующих высказываниях, либо непосредственно наблюдаемой в момент речи. В таких случаях говорящий, гарантированно не беспокоясь о том, что собеседник может интерпретировать его речь превратно, прибегает к слову с размытой семантикой, но зато несущему нужную для говорящего оценочную или иную экспрессию. Чтобы обстоятельность, в которых были сделаны данные высказывания, были ясны и читателю словаря, выделенные составителем псевдозначения могли быть оформлены как констатирующий комментарий к фразам — в скобках: «(о том-то и том-то)».

Ошибка составителя статьи видна ещё и в том, что в примере с помидорами (7) глагол явно не значит ‘расти’, поскольку является переходным: *вон чё навихаривают*. Здесь невозможна «синонимическая» замена на **вон чё растут*. Фраза скорее должна быть «переведена» как «вон что вытворяют» (*вытворять* = ‘делать’ — экспрессивно-оценочный глагол с предельно абстрактным значением, который применим к любому интенсивному действию или изменению состояния).

Столь же ненадёжным в том же словаре В. Д. Лютиковой оказывается дробление семантики глагола *юзгаться* (с. 186):

- (1) ‘играть на недозволенном месте’ (*На койку залезли и юзгаются*),
- (2) ‘шумно и суетливо двигаться, шевелиться’ (*Слышу, в сенках кто-то юзгается, скрыла дверь, а она картошку рассыпала и собирает*),
- (3) ‘излишне медленно и кропотливо делать что-либо’ (*Ведь мисес ‘месяц’ с часам юзгался, так и не сделал*).

Все приведённые контексты глагола допускают безболезненную синонимическую замену на *возиться*, а в толкования включены лишние компонен-

ты: в первое — «на недозволенном месте» (это избыточный момент, определяемый ситуацией и не входящий в значение), во второе — «шумно и суетливо» (характеристика производимых действий никак не вытекает из иллюстрации: собирать рассыпанную картошку можно и без суеты и особого шума).

Будь эти записи диалокальными, мы могли бы сомневаться в цельности их значений: конкретнодиалектные ограничения на употребление глагола нам не известны, имеющимся разрозненными описаниями не выявлены. Но обобщение контекстной семантики применительно к записям от одного лица в данном случае более чем допустимо.

Статьи *хороший* — *хорошо* и *худой* — *худо* Вершининского словаря (4: 274–283, 288–291), где чрезмерно подробно для лексикографической работы расписывается применимость этих прилагательных и наречий к различным явлениям, скорее представляют собою стремящееся к исчерпанию логическое исчисление взаимодополнительных параметров осмысляемого мира, чем представление выявленных значений как величин собственного языкового порядка. См.: *худой* — «1. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к человеку, представлениям о норме или идеале: а) с точки зрения физического состояния организма и его частей: некрепкий, нездоровый... б) с точки зрения телосложения: недостаточно полный, с сухощавым телом... // Потерявший нормальную полноту и / или привлекательность, работоспособность вследствие болезни, старости, тяжёлой работы... в) с точки зрения речевой способности... г) с точки зрения внешней привлекательности... д) с точки зрения поведения, обусловленного особенностями психики... е) с точки зрения соблюдения норм общественного поведения (в том числе речевого), требований морали... // О человеке или людях, плохо исполняющих свои обязанности, обязательства в рамках какого-л. социального статуса... ж) с точки зрения комплекса качеств человека, представленных нерасчленённо... 2. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к природным реалиям, представлениям о норме или идеале... 3. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к вещам, предметам, изготовленным человеком, представлениям о норме или идеале... // Приходящий в негодность, ветхость вследствие длительного использования... 4. Не отвечающий каким-л. высоким требованиям к продуктам питания представлениям о норме или идеале... // Теряющий вкусовые качества вследствие длительного хранения... 5. Не отвечающий представлениям о норме или идеале с точки зрения порядка... — — — 8. Вызывающий чувство неудовлетворённости... // О чём-л. оцениваемом с точки зрения содержания, с эстетических или культурно-ценностных позиций...» (всего в статье, исключая прилага-

тельное *худой* в качестве лексикализованного субстантивата и в составе фразеологических единиц, даётся двадцать «значений», «подзначений» и «семантических оттенков»). Не все разновидности и причины «худости», сформулированные в этой тщательной классификации «значений», видятся мне лингвистически релевантными, просящимися в обособленную подачу. Для сравнения можно отослать к статье *плохой* того же самого словаря (3: 56–57): она сделана с гораздо более сдержанным межеванием значений, хотя, думается, соблазн детализирования был велик и в этом содержательно сходном случае.

Подобные словарные «обогащения» семантики имеют понятные причины: лексикограф увлечён своим объектом, может быть, даже безотчётно озабочен желанием показать его «в лучшем виде», продемонстрировать читающей публике (учёному сообществу) богатство словарного запаса и словесных значений у облюбованного им индивидуального носителя говора, доказать тем самым оправданность лексикографического обращения специально к данному идиолекту, но не соизмеряет эти извинительные желания с требованиями строгого и по необходимости компактного описания лексики в словаре. Опасность подобной тактики при создании идиолектного лексикона выше, чем в работе над иными словарными жанрами, и должна быть лексикографом твёрдо осознана.

[ii]

Совсем другой момент.

Словарь личности, созданный томскими диалектологами при руководстве и под редакцией Е. В. Иванцовой (полный), от всех прочих диалектных словарей отличается введением индексации, характеризующей слово с точки зрения его функционирования как общерусского (помета «О»), диалектного (помета «Д») или просторечного (помета «П») (определяются и промежуточные случаи: «ДО» — диалектный вариант общерусского слова, скажем, не точно усвоенного заимствования; «ДП» — диалектный вариант просторечного слова...; тонкости комплектации этих групп здесь не всегда прояснимы). Ни в каких дифференциальных идиолексиконах, понятно, такой системы помет предложено быть не может. Для их простановки составители Вершининского словаря за справкой обращались к пользующимся авторитетом нормативным лексиконам — Большому и Малому академическим словарям.

Трудность в том, что помета «прост(оречное)», размещаемая обычно в нормативных словарях, очень коварна: ею определяются принципиально разные вещи из-за бездумного смешения двух (по меньшей мере) трактовок

«просторечия». Одна из них социолингвистическая, принятая в московской группе изучения русской разговорной речи (ИРЯ РАН): просторечие — это речь городского жителя, не владеющего языковой нормой. Другая — функционально-стилистическая: просторечие есть сниженный стиль устной речи; при этом вновь не разграничиваются средства вульгарной экспрессии (*фигня, шибздик, хреновый, раскурочить, блевануть*) и формальные факты, стоящие для взгляда извне за пределами литературной нормы, но имманентно, для отправителя речи, нейтральные (*намерение, крыжечка, пластиглас, ехай(те)*)⁸. В широком хождении термина «просторечие» не делимитируются языковые феномены существенно различной природы.

Поэтому в диалектный лексикон, о котором зашла речь, нежелательным образом проецируются разбиения материала, не адекватные языковой реальности: в Вершининском словаре одним и тем же индексом «П» метятся слова *заворотиться, пособить* (стилистически нейтральные, общераспространённые⁹), с одной стороны, *однёрка* ‘маршрут № 1 городского транс-

⁸ Кроме того, теория обычно уклоняется от оприходования целой области эвфемии — мещанизмов: *папаша, по-маленькому, мальчик* ‘кобель’ (выгуливая свою суку, я постоянно слышу: «У вас девочка?»), *купаться* ‘мыться (в ванне)’, *отдыхать* ‘спать’... В нынешних СМИ приобрело характер эпидемии коробящее употребление слов *мама* и *мамочка*, которые из домашних имён, в силу свой интимности неопозволительных за пределами данной («нашей») семьи, стали едва ли не единственно допускаемыми: «*мама* осуждённого», «комитет солдатских *мам*», «*мама* NN была талантливым педагогом», «в роддоме молодым *мамочкам* обеспечен внимательный уход», «многие *мамочки* жалуются в YouTube на...»; объяснить это можно только восприятием слова *мать* как грубого, в публичной коммуникации нежелательного и нуждающегося в эвфемизации (тот же дурной языковой вкус заставляет многих, в том числе журналистов, избегать нормальных терминов родства *тётка, бабка, дед* и подставлять вместо них лексику интимного речевого обихода *тётя, бабушка, дедушка*).

⁹ Глаголы *пособить* ‘помочь’ и *заворотиться* в обоих формулируемых в Вершининском словаре значениях — (1) ‘повернуть назад или в сторону’ и (2) ‘загнувшись, приподняться или отвернуться в сторону’ — неоднократно отмечены, по материалам НКРЯ, в авторской речи (первый — у Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Шишкова, Одоевского, С. Аксакова, Герцена, Л. Толстого, Набокова и многих иных добропорядочных сочинителей, вплоть до Менделеева и популяризатора точных наук Перельмана; другой — у Л. Толстого, Тимирязева, Осоргина и др.), поэтому взятая из словарей их характеристика «просторечное» выглядит всё же чересчур отстранительной. Однако значение (2) глагола *заворотиться* в цитируемом издании, на мой взгляд, определено не точно: вряд ли вовлечённый в дефиницию глагол признак ‘загнувшись’ может быть приписан ягодицам («Она-то уж сильно полна, — хёлки [ягодицы] так и заворотились, ну кверху поднялись» — Вершининский словарь 2: 299), в примере несомненно имеется в виду несколько иная их особенность. Формулировка значения (1) также нуждается в уточнении: употреблённый в толковании глагол «повернуть» может быть не только безобъектным (‘изменить

порта' (местное новообразование¹⁰, без установки на экспрессию), с другой, и *блядюга*, *обоссаться* (вульгаризмы разной степени экспрессивности — и чрезвычайно, для приведённого существительного, высокой, и, для глагольного примера, не слишком подчёркнутой, в диалектном бытовом речевом стандарте, особенно если речь о грудном младенце, может быть, близкой к нулю), с третьей.

Не наблюдается в Вершининском словаре и строгости в использовании пометы «Д». Ею, например, метятся общеобиходные слова со стандартной семантикой, прозрачно соотносимой со словообразовательной конструкцией (*понабежать*, *порастищать*, *разваристый*), широко известные фразеологизмы (*гнать*, *выгнать* *поганой метлой*¹¹), слова, восходящие к профессиональной речи (*лёгочник* 'лёгочный больной'), и т. д. Непонятно, почему к диалектным фактам отнесено междометие «физиологического» характера: *á-ха-хá* «звучи, издаваемые при зевании; выражают усталость, желание спать. [Зевает:] А-а-ха-ха!». Об этих просчётах, не катастрофически, впрочем, многочисленных, можно было бы и не упоминать, однако их наличие затрудняет выяснение долевого соотношения диалектной и общезыковой лексики и фразеологии в речи «рядового» (Вершининский словарь 1: 6, 10) носителя диалекта.

Кстати, по моим подсчётам, сделанным по тексту 3 и 4 томов Вершининского словаря, в диапазоне *П — Я*, на 11946 словарных статей (46% всего объёма словаря) приходится 831 помета «Д» («диалектное»; факты, оценённые составителями не как «чисто» диалектные — с пометами «ДО», то есть «диалектный вариант общерусского слова», и «ДП», то есть «диалектный вариант диалектно-просторечного слова», — во внимание не брались). Это, при всех оговорённых и неоговорённых погрешностях статистики, значит, что у обследованной языковой личности активная собственно диалектная лексика и фразеология составляют около 7% зарегистрированного словарно-

направление собственного движения', как в иллюстрации, которая даётся словарём), но и переходным (скажем, применительно к рукоятке, рычагу и проч. — 'изменить положение'). Впрочем, это лишь попутные суждения: критические высказывания о подобных неточностях, не связанных с предметом настоящих заметок (лексикографическим жанром), в особые цели здесь не входят.

¹⁰ В СРНГ не свидетельствуется. Деривационным образцом служат номинации вроде (см. в этом же словаре) *семёрка* «название различных видов транспорта под номером "семь"».

¹¹ Кроме Г. Успенского или Шолохова, регистрируется у беллетристов, не замеченных в сильных пристрастиях к диалектизмам, — Трифонова, Приставкина, Евг. Попова, Мариной, Рубиной, Пелевина...

го запаса. Насколько эта цифра отражает некие кодовые стандарты, могут показать лишь дальнейшие аналогичные словарные предприятия. Кроме того, данные о численных пропорциях собственно диалектной и иной лексики в границах индивидуального говора могут быть использованы в так ничем, похоже, не кончившейся полемике о понятии «полудиалект», на котором настаивал уже упомянутый Ф. П. Филин.

Полный словарь диалектоносителя позволяет соотнести различные слои употребляемой им лексики с социальным структурированием языка, и отказываться от такой возможности, которая предоставляется самим лексикографическим жанром, было бы неправильным. Однако сказанное выше, отчасти вызывая к поправке ошибочных (или кажущихся мне таковыми) оценок и уточнению аппаратной терминологии, скорее заставляет задуматься об общих основаниях социолингвистического деления языковой стихии на формации и стратумы. Во всяком случае прибегать к понятиям, которые в нормативных словарях, склонных трактовать просторечие как сумму стилистических средств, используются с известной степенью предвзятости — с позиций «изнутри» письменно-литературного идиома¹², не является достаточно оправданным¹³.

Возвращаясь к безгруппированным выше «промежуточным» группировкам, которые конструируются составителями Вершининского словаря, думаю, что наряду с диалектными вариантами общерусского слова («ДО») мог быть выделен тип «идиолектного варианта» («ИО»?). Например, зарегистрированный в речи информанта глагол совершенного (!) вида *беспечить* появился по утере части сложного префикса литературным *обеспечить*. В других диалектных словарях найти такую форму не удалось, поэтому не лишено

¹² Ср. определение *просторечия* в том же Малом академическом словаре: (1) «Обиходный язык (в отличие от книжного, литературного как более точного, правильного)»; (2, лингв.) «Слово, грамматическая форма, оборот речи, не являющиеся нормой литературного языка, но употребляющиеся в обиходной речи (в литературных произведениях используются как стилистическое средство для придания шуточного, пренебрежительного, иронического, грубоватого и т. п. оттенка) (разрядка моя. — А. Ж.).

¹³ Моя точка зрения на взаимоотношения литературного языка, просторечия и диалектов с большей подробностью изложена в работе «Влияние русского литературного языка на народные говоры: лексика. (Статья 1)» (в кн.: Межязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: Социокультурный аспект. М., Институт славяноведения РАН, 2007). В ней, в частности, подвергаются сомнению достоинства и опорная терминологическая система «Словаря просторечий русских говоров среднего Приобья» (1977), который был создан, кстати, начальными сотрудниками диалектологической школы Томского университета.

смысла предположение, что мы сталкиваемся с единичным индивидуальным фактом. Но его трудно зачислить и в окказионализмы — результаты словообразовательного творчества ad hoc (*проведальщики* ‘гости, посетители’, *читальщики*), поскольку, в отличие от них, обсуждаемая патологическая форма возникла скрыто для говорящего.

[iii]

Обращение к идиолексикону в исчерпывающем его представлении (или близком к этому качестве), опирающееся на многообразие коммуникативных ситуаций, форм и жанров фиксируемой речи, широкий тематический круг собеседований при высокой степени связности пространственных текстов, полученных собирателями, даёт намного больше возможностей для наблюдений над стилистической и прагматической стратификацией единиц словесного кода в пределах выбранной «лектной» формации.

Авторы Вершининского словаря эти возможности выбранного подхода осознают отчётливо. Поэтому не удивительно, что объём таких характеристик, отражённых здесь в перечне предпосылаемых словарным статьям помет, значительно превосходит размеры аналогичных списков в иных, дифференциального толка, словарных изданиях. Если в выборочном идиолектном словаре В. П. Тимофеева обнаруживается менее десятка квалифицирующих помет (отдельным списком они не даются), а в похожем на него словаре В. Д. Лютиковой их всего одиннадцать, то в обсуждаемом словаре томских диалектографов число используемых неграмматических помет заходит в четвёртый десяток. К ним относятся лексикографические ярлыки, отражающие разную меру экспрессивности слова («**экспрессивное**», «**эмоциональное**», «**усилительное**», «**грубое**» — «**смягчительное**», «**эвфемизм**»; «**шутливое**», «**ироническое**», «**ласкательное**»; «**высокое**»); пометы, указывающие на присутствие оценочности в его семантике («**неодобрительное**», «**пренебрежительное**», «**уничижительное**», «**осудительное**», «**бранное**» — «**одобрительное**», «**уважительное**», «**сочувственное**», «**снисходительное**»); пометы, касающиеся ограничений в сфере употребления слова («**детское**», «**официальное**», «**в чужой речи**», а также «**в прецедентном тексте**»); пометы «эстетической оценки» (обычно подробностей человеческой внешности) «**негативное**», «**позитивное**»; пометы, говорящие о степени узуальности лексической единицы («**устаревшее**», «**устаревающее**», «**новое**», «**неосвоенное**», «**окказиональное**»).

Применение всех этих помет в Вершининском словаре требует подробного критического комментирования. Далеко не всегда ясны границы между

выделяемыми семантическими и прагматическими характеристиками, «область компетенции» множества из перечисленных помет: так ли уж велика разница между «**экспр.**» и «**эмоц.**», между «**неодобр.**» и «**осуд.**» и так далее? Непоследовательность в их использовании видна в том, например, что метка «**неосв.**» сопровождается слова *архирей* (!), *демантин* 'дерматин', *илергия* 'аллергия', *курсировать* 'заниматься извозом', *полис* 'документ о медицинском страховании' или *хронительский* 'хронический (о болезни)', но отсутствует в статьях *иверьянка* 'валерьянка', *паларизация* 'паралич', *ретген* 'рентгеновский анализ; рентгеновский кабинет' или *флнтус / флюнтус* 'плинтус'. Одной и той же этикеткой могут метиться ощутимо несходные явления. Так, пометой «**эмоц.**» снабжены, с одной стороны, слова *старичонка*, *старушонка*, *тысчонка* (с немалым основанием при них могли быть пометы «уничиж.» и «пренебр.»), далее фразеологизмы *ну* [винит. п.] *к холере*, *холера с* [творит. п.] (почему не «**экспр.**», «бран.» или, как в идиоме *на холеру сдать*ся, «груб.»)? Кстати, идиома *холера* [винит. п.] *знат* дана без каких-либо помет¹⁴ — и, с другой, слова *утречком* или *хорошенько*, никакой повышенной эмоциональностью, по всему судя, не заряжённые (*утречком состряпаю; хорошенько тесто размесить*). Если, например, прилагательное *рваненький* — «**смягч.**» *к рваный* ('рваный — но, так сказать, простительно, с кем не случается?'), то какое конфузное качество «мужчины татарской национальности» и «женщины татарской национальности» «**смягчается**» применением к ним слов соответственно *татаршишка* и *татарочка*? К категории «**высок.**», в уравнение их с очевидно цитатными, книжного характера, словами *дева* 'Богородица', *истина*, *святиться*, *святой*, *скончаться*, *створить*, *трагически*, *уйти* 'умереть' и под., почему-то оказались отнесёнными слова *смерточка / смёрточка*¹⁵, *скотинушка*, *хлебушко* и даже, что совсем удивительно, *пташка*.

Однако как много бы ни было таких, видимо, неизбежных в лексикографической практике, погрешностей, дело не в ошибочности или двусмысленности квалификаций, касающихся отдельных слов, и не в пересекаемости предлагаемых стилистических и прагматических разбиений лексики. На этих

¹⁴ Пунктуальнее было бы, кроме того, отметить, что переменные компоненты этих фразеологизмов, выделенные здесь квадратными скобками, вербуются исключительно из набора личных местоимений, в записанной речи В. П. Вершининой — только третьего лица.

¹⁵ Если бы наряду с глаголом *скончаться* в речи информанта было зарегистрировано действительно «высок.» существительное *кончина*, составители словаря, может быть, задумались бы, снабжать ли слова *смерточка / смёрточка* той же метой.

поправимых моментах можно не задерживаться. Важной представляется готовность к принятию того обстоятельства, что полный лексикон в отличие от дифференциального предоставляет возможность намного более тонкого и детального стратифицирования словесного материала, выявления межсловных семантических и прагматических связей, улавливания зависимостей, которые при ином подходе если и не остаются незамеченными, то поддаются формулированию с большим трудом, в модуле скорее предположительном, чем доказательном. Список помет в Вершининском словаре по сравнению с другими диалектными словарями решительно увеличен. Несмотря на спорность некоторых дихотомий и нередкие, как видим, просчёты исполнения (неубедительное маркирование конкретных случаев), он включает и несомненно удачные решения. К таковым я отнесу, например, серию помет, указывающих на чужеродность (цитатность) лексического или фразеологического факта в регистрируемом текстовом потоке (прежде всего «в чужой речи», «официальное» и «в прецедентном контексте») и углубляющих измерения как кода, так и реализующего его текста.

[iv]

В отличие от иных диалектных лексиконов (сводных словарей, словарей отдельных говоров и их групп, дифференциальных «словарей языковой личности») полный словарь диалектной личности, опирающийся на обширный корпус текстов, поддающийся обчёту, даёт возможность наблюдений над употребительностью в речи составляющих его единиц. Численные сведения о встречаемости слова, делая избыточными пометы вроде «редкое», «малопотребительное» и выводя описание из вынужденной атмосферы импрессионистичности, вносят несравнимо более высокую точность в исследование словарных расслоений и позволяют говорить о представлении лексического состава идиома в его функциональной динамике. В Вершининском словаре приводятся количественные показатели применительно к каждому выделенному значению полисемантического слова, и это лишь усиливает его значимость как системного в своих установках предприятия. В послесловии к Вершининскому словарю (т. 4) сообщается о подготовленности «Частотного идиолектного словаря», который, сделав квантитативные показатели соотносительными и приблизив их к собственно «статистическим», позволив вычленение ядерного и периферийных слоёв лексики в данном идиолекте, серьёзно облегчит использование количественных данных в целях полновесной обрисовки феномена «языковой личности».

* * *

Жанр полного идиолектного словаря, обладая собственной лексикографической спецификой, рождает новые аспекты изучения лексики, в числе которых фигурирует не только слово как элемент кода, инвентаризацией которого замыкаются задачи большинства лексикографических изданий (диалектных — как правило), но и слово в дискурсе.

Следует думать, что дальнейшее развитие идиолектного словарного дела (если — сделаю необходимую оговорку! — у него сохраняются перспективы, не зависящие от самой диалектологической науки) будет вести и к уточнению лексикографического аппарата, и к выработке более надёжных приёмов системного анализа индивидуальной диалектной речи и специально её словесного состава. Как самостоятельный жанр полный словарь диалектной личности выглядит достаточно эффективным инструментом исследования. Так или иначе, первую реализацию словарного типа, которому по большей части оказались посвящены настоящие заметки, переоценить трудно.

Сокращения названий диалектных словарей

- Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Т. 1—.
Дополнение к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Пермский словарь — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 1999. Вып. 1.
Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., СПб., 1967—. Т. 1—.
Словарь Русского Севера — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Т. 1, 2; Л. (СПб.), 1968—. Т. 3—.

Summary

Anatoliy Zhuravlev

Dialectal dictionary of personality

(Notes on features of the genre)

The article clarifies the concept of 'language personality', briefly discusses its applicability to the carrier of dialect and considers the features of dialectal idiolectal lexicography based on available samples of Russian differential and complete individual dictionaries. It is argued that the dictionary of the dialectal personality in the true sense of the word can only be a full-length dictionary (non-differential).

О проекте «Словаря говоров старообрядцев Южной Америки»*

I

Создание диалектных словарей рассматривается в диалектологии как важнейший способ сохранения диалектного языка, традиционной культуры и источник знания о них. В настоящее время диалектная лексикография переживает небывалый расцвет. Почти все диалектные группировки имеют репрезентацию своей лексической системы в лексикографических трудах того или иного типа. Диалектные словари многочисленны и чрезвычайно разнообразны типологически, см. обзор их в (Мызников 2013).

Особое, но пока скромное место среди диалектных словарей занимают словари говоров конфессиональных групп — старообрядцев, живущих за пределами России в иноязычном окружении.

Хорошо известно, что в силу конфессиональной замкнутости старообрядцев и ориентации на воспроизведение традиционных форм своей культуры их говоры — а находящиеся в иноязычном окружении особенно — сохраняют много архаичных явлений на разных языковых уровнях. Изучение таких говоров, в том числе лексикографическое, чрезвычайно важно для диалектологии и истории русского языка. Между тем среди огромного количества разнотипных диалектных словарей лексикографические труды, репрезентирующие лексическую систему говоров старообрядцев, занимают пока скромное место — их не более десятка.

Видимо, первым по времени публикации словарем, в котором была отражена лексика говоров старообрядцев, следует признать «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» под редакцией М. Ф. Семеновской (Рига, 1963). В (МСРСГП) под «старожильческими» подразумеваются говоры как старообрядческого, так и не старообрядческого населения Эстонии, Латвии и Литвы. Однако, поскольку не старообрядческого населения в прибалтийских странах значительно меньше, чем старообрядцев, этот словарь в полной мере можно считать словарем лексики конфессиональной группы.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00566 «“Испоконный язык неисковерканный”. Словарь говора старообрядцев Южной Америки».

В 1980 г. в Польше вышел «Словарь говора староверов, проживающих в Польше» И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой, в который вошла лексика говора старообрядцев, проживающих в Августовском и Мазурском регионах (SGS).

В 1989 г. был опубликован «Словарь русских говоров Белоруссии» А. Ф. Манаенковой (Манаенкова 1989). Лексический материал для него собирался автором на протяжении 35 лет в русских старообрядческих поселениях Ветковского и Добрушского районов Гомельской области Белоруссии, то есть на территории Ветки — одного из знаменитых старообрядческих центров.

В 2000 и 2001 гг. увидел свет двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины». Он включает лексику, собранную в Одесской области Украины в 36 старинных, главным образом старообрядческих, селах, основанных в конце XVIII — начале XIX в., или в отделившихся от этих сел поселениях (СРГО).

В 2008 г. при поддержке Союза старообрядческих приходов Эстонии опубликован «Словарь говора староверов Эстонии» — наш совместный с О. Н. Паликовой труд (СГСЭ).

Все названные словари отражают лексику говоров, находящихся в зарубежье, в иноязычном окружении.

Существуют и лексикографические издания, посвященные старообрядческим говорам Российской Федерации. Это прежде всего два словаря говора казаков-некрасовцев, возвратившихся из Турции в Россию в 1962 г. и проживающих в Ставропольском крае. Так, опубликованный в 2005 г. «Словарь говора казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой основан на материале, собранном в первые годы их реэмиграции, и включает около 3 тысяч словарных статей (Сердюкова 2005). В 2012 г. появилось лексикографическое издание другого типа — «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» В. М. Грязновой (Грязнова 2012).

В специальном словаре, составленном авторским коллективом под руководством Т. Б. Юмсуновой, представлена собранная в 1977–1998 гг. лексика семейских — старообрядцев, предки которых в XVIII в. были переселены с Ветки на территорию Забайкалья (СГССЗ).

Наконец, лексикография старообрядческих говоров включает и единственный пока словарь личности — «Словарь языка Агафьи Лыковой» (Голстова 2004).

В завершение краткого обзора диалектных словарей, отражающих диалектную лексику разных внутриконфессиональных старообрядческих групп России и зарубежья, важно назвать лексические материалы Ю. В. Самойло-

вой и Т. Моррис (Юмсуновой) — лингвистов, обратившихся к изучению говоров старообрядцев-часовенных Северной Америки, проживающих на Аляске (Ю. В. Самойлова) и в штате Орегон (Т. Моррис). На сегодняшний день собранный каждой из них лексический материал опубликован в виде списка слов с толкованиями и имеет характер справочного приложения к другому труду. Таким приложением является «Краткий словарь диалектной лексики говора села Николаевск», состоящий из 836 единиц, в (Самойлова 2000: 228–257), а также составленный Тамарой Моррис «Словарь-справочник диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и словосочетаний» из 350 единиц (Моррис 2012) в фундаментальном труде (Дни в Романовке, 2012), куда я была приглашена в качестве редактора диалектных материалов. В собранной Ю. В. Самойловой и Т. Моррис диалектной лексике содержатся единицы, общие с лексическими единицами создающегося Словаря говора старообрядцев Южной Америки. Это объясняется тем, что старообрядческие поселения в Северной Америке образовались в результате миграции значительной части старообрядцев из Южной Америки во вторую половину 1960-х гг.

Наконец, справочный характер имеет и «Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений» из 900 единиц (Ровнова 2015), составленный мною к книге (Повесть и житие 2015), написанной старообрядцем из Аргентины Данилой Терентьевичем Зайцевым — носителем и хранителем говора синьцзянцев. Работа над подготовкой книги к изданию открыла мне богатство, разнообразие и высокую сохранность словарного состава говора старообрядцев Южной Америки и подтолкнула к мысли, что он должен быть представлен в виде самостоятельного лексикографического труда.

II

В старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Бразилии и Уругвая проживают две группы старообрядцев-часовенных — «синьцзянцы» и «харбинцы» (по уточненным данным, до пяти тысяч человек). Это потомки старообрядцев-кержаков из поселений в глухих лесах по левому притоку Волги реке Керженец и ее притоку речке Бельбаш (Нижегородская губерния). Их переселение на восток — на Урал, в Сибирь, а впоследствии на Дальний Восток — началось в 10-х — 20-х годах XVIII в., с разгромом старообрядческого центра на Керженце. Одна группа кержаков в конце XVIII в. осела в Казахстанском Алтае, основав поселения в горных долинах бассейна р. Бухтармы, другая образовала многочисленные деревни на Дальнем Востоке, в Приморье. В 1930-е гг. старообрядцы бежали от коллективизации и религиозных преследований в Китай — первые в провинцию Западный Синьцзян, вторые

в Маньчжурию, в окрестности Харбина, — откуда в 1961 г. были переселены в страны Южной Америки — Бразилию и Аргентину. Живя в Китае, старообрядцы обеих групп не имели контактов друг с другом, они встретились в переселенческом лагере в Гонконге, где и родились коллективные оттопонимические прозвища «синьцзянцы» и «харбинцы».

Они вывезли из России и бережно сохранили свои сибирские говоры — очень близкие, с некоторыми фонетическими, грамматическими и лексическими отличиями, которые хорошо осознаются старшим и средним поколением южноамериканских старообрядцев. Формирование и современное состояние их говоров тесно связано с историей миграции и неизбежно возникающими междиалектными и межъязыковыми контактами. Важно подчеркнуть, что говоры синьцзянцев и харбинцев не испытали воздействия нормированного литературного русского языка, которое приводит к исчезновению или трансформации диалектных особенностей (регулярные контакты с литературным языком и русскими говорами начались только в последнее десятилетие, в связи с поездками старообрядцев в Россию к родственникам и переселением на родину ряда семей¹). Говоры сохраняют архаичные черты на всех языковых уровнях и в то же время обогащаются лексическими инновациями. Они появляются прежде всего в результате использования семантических и словообразовательных ресурсов родных диалектов, а также в результате заимствования лексики из испанского, португальского, в меньшей степени английского языков и ее адаптации в русском диалектном языке.

По принятой в диалектологии классификации, современные говоры синьцзянцев и харбинцев относятся к акающим среднерусским, сформировавшимся на севернорусской основе — на основе говоров с неполным оканьем. Лингвогеографический анализ диалектного материала позволяет уточнить ареал, говоры которого стали севернорусской основой современных акающих говоров синьцзянцев и харбинцев. С большой долей вероятности можно говорить о территории северо-востока Нижегородской, юго-запада Кировской и востока Костромской областей как материнской территории для говоров южноамериканских старообрядцев (Ровнова, Савинов 2017).

Общий для современных говоров синьцзянцев и харбинцев диалектный комплекс формируется своеобразным сочетанием черт Северного и Южного наречий, Северо-Восточной и Юго-Западной диалектных зон (Ровнова 2014а, 2014b). Основные различия между говорами заключаются в следующем.

¹ Об опыте первого переселения в Россию в 2008 г. см.: (Повесть и житие 2015), о второй и третьей волне переселения — (Ровнова 2016а).

Отличительными фонетическими чертами синьцзянского говора являются соканье и шоканье (*отé[с]*, *огур[с]ы́*; *на[ш']áли*, *л[ш']óлы*), цеканье и дзеканье (*[т'с']éло*, *[д'з']елá*), морфологическими — притяжательные местоимения *евóнный*, *ейный*, синтаксическими — условный союз *ёслив*, целевая конструкция с предлогом *за* (*поеду за Владимиром*). В харбинском говоре слово *свадьба* произносится с л' — *сва́[л']ба*, употребляются притяжательные местоимения *евóшный*, *ейшний*, неопределенные местоимения и наречия с нанизыванием постфиксов *-то* и *-ся* (*он был как-тося накрыт чем-тося*), условный союз *элив*, *элих*, целевая конструкция с предлогом *по* (*поеду по Владимиру*).

В результате наблюдений над речью информантов и специального опроса их во время экспедиций в Южную Америку в лексике синьцзянцев и харбинцев зафиксировано около 40 лексических междиалектных соответствий. Среди них:

1) слова с разными корнями и одинаковым лексическим значением: снц. *ары́к* 'канава с водой' — хрб. *канáва*, снц. *ботáлки* 'вид детской игры' — хрб. *шарóвки* 'то же', снц. *вы́кушатъ* — хрб. *вы́держатъ* 'выпить алкогольный напиток', снц. *жёнска* 'женщина' — хрб. *жéница*, снц. *стан* — хрб. *та́бор* 'временная стоянка охотников или рыбаков в лесу или на берегу реки', снц. *дру́жка* — хрб. *ты́сячка* 'главный распорядитель на свадьбе', снц. *закíнуть двéри* 'закрыть двери' — хрб. *замкнúть двéри* 'то же', снц. *интерéсно*, *удивítельно* — хрб. *чúдно*, снц. *касéжка*, *касéжечка* 'кружка, кружечка' — хрб. *кру́жка*, *кру́жечка*, снц. *киошка* 'кочерыжка кукурузного початка' — хрб. *шйшка* 'то же', снц. *кравáтъ* — хрб. *кóйка*, снц. *куку́р* 'кувшин' — хрб. *куви́ин*, снц. *кура́й* 'кусты' — хрб. *кусты́*, снц. *ла́мпа* — хрб. *лю́стра* 'керосиновая лампа со стеклянным колпаком и ручкой', снц. *ли́стик* — хрб. *прóтвиль* 'противень', снц. *пла́ха* — хрб. *доска́*, снц. *стру́жник* 'род печенья из тонких полосок теста, жаренных в масле' — хрб. *хво́рост* 'то же', снц. *фа́ртук* — хрб. *запóн* 'фартук', снц. *шáйка* 'невысокая деревянная емкость с двумя ручками для воды, используемая в бане' — хрб. *лоха́нка* 'то же', снц. *эвон-та* 'там' — хрб. *та́ма* 'то же';

2) самостоятельное слово в одном говоре и сочетание слов в другом, обладающие одинаковым лексическим значением: снц. *жа́ренное мя́со*, *жа́ренная ры́ба* — хрб. *жарéха*, снц. *лигмéнь* 'лагман' — хрб. *густá(я) ла́пша*, снц. *мáленькая рéчка* — хрб. *ключ*, *ключик*, снц. *срóдная сестра́* 'двоюродная сестра' — хрб. *сестря́нка* 'то же', снц. *срóдной брат* 'двоюродный брат' — хрб. *братáн*, *братáник* 'то же', снц. *шелóхи* 'земляные орехи, арахис' — хрб. *земляные орэхи*;

3) однокоренные слова с разными аффиксами и одинаковым значением снц. *лапшáнница* — хрб. *лапшерéзка* ‘машинка для резки лапши’, снц. *мет-ляк* — хрб. *метелёк* ‘мотылек’, снц. *муравéйник* — хрб. *муравя́тник*, снц. *пару́нья* — хрб. *пару́ха* ‘курица, сидящая на яйцах’, снц. *поплаво́к* — хрб. *на-плаво́к* ‘поплавок’, снц. *свекрóвка* — хрб. *свекрóха* ‘свековь’;

4) однокоренные слова, одинаковые по морфемному составу и отличающиеся по значению: *вонючий* — снц. ‘имеющий неприятный запах’, хрб. ‘имеющий сильный запах’.

Несмотря на приведенные различия в говорах синьцзянцев и харбинцев, в названии Словаря слово «говор» будет употребляться в форме единственного числа. Причина этого состоит в следующем.

При переселении в Южную Америку между двумя группами старообрядцев начинаются тесные языковые контакты — благодаря совместному проживанию и смешанным бракам. Более правильным и, следовательно, престижным русским языком считается говор харбинцев. С одной стороны, этому способствует нелингвистический, конфессиональный фактор — более строгое, чем у синьцзянцев, следование старообрядческим «законам». С другой стороны, действует фактор лингвистический — присутствие в говоре синьцзянцев фонетических черт, неправильных, странных, одиозных с точки зрения харбинцев (соканье и др.), и лексики нерусского происхождения (*арык*, *лигмень*, *кукур*, *курай* и др.), которые вызывают у них отторжение. В настоящее время внутриконфессиональные и языковые различия между двумя группами старообрядцев остаются актуальными для старшего и лишь отчасти — для среднего поколения; молодое поколение их вовсе не принимает в расчет. В процессе совместного проживания и браков между представителями обеих групп первоначальное языковое противопоставление снимается, идет активный процесс междиалектного взаимодействия, поэтому в названии Словаря употреблено слово «говор» в единственном числе. Тем не менее в Словаре будет отражена первоначальная принадлежность слова к говору той или другой группы — с помощью помет «снц.» и «хрб.» после примеров и в виде отдельного приложения.

III

Словарь говора старообрядцев Южной Америки планируется как диалектный словарь дифференциального типа с зонной организацией словарных статей и историческим комментарием к диалектным и общерусским словам с устарелыми для литературного языка значениями и употреблениями. В Словаре будет отражена в алфавитном порядке лексика, включающая:

- 1) лексические диалектизмы;
- 2) общерусскую лексику, обладающую той или спецификой функционирования в говоре (учитываются отличия в ударении, морфологических и синтаксических характеристиках, лексической семантике, лексической и синтаксической сочетаемости, стилистической и эмотивно-экспрессивной окрашенности и др.);
- 3) профессиональную лексику;
- 4) антропонимическую лексику;
- 5) фразеологизмы, пословицы и поговорки;
- 6) лексические заимствования из испанского, португальского и английского языков.

Словарь опирается на значительные по объему устные и письменные источники. Прежде всего это корпус аудиозаписей речи старообрядцев, сформированный в результате организованных мной экспедиций в старообрядческие поселения Южной Америки (2010–2014), в деревни на Дальнем Востоке, куда переселилась часть старообрядцев (2012, 2016, 2017), а также в результате встреч в Москве с некоторыми информантами во время их поездок в Россию. Ценнейшим письменным источником диалектного материала является книга «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева», словник которой из 900 единиц положен в основу базового словника, расширенного более чем вдвое за счет полевого материала. Рабочий базовый словник Словаря включает около 2000 лексических единиц, электронная картотека — около 5000 контекстов; словник и картотека будут пополняться в процессе работы.

В словаре планируется использовать метод зонной организации словарной статьи, который разработан лексикографами ИРЯ РАН и успешно применен в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (НОССРЯ), «Активном словаре русского языка» (АСРЯ), «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРРР).

Понятие зоны применительно к Словарю говора старообрядцев Южной Америки, как и к названным выше словарям, означает, что его словарная статья состоит из нескольких частей в соответствии с типами лингвистической информации, которая сообщается в каждой части и маркируется специальным обозначением (Крысин 2015). Предполагается, что словарная статья в диалектном Словаре включает 1) зону входного слова, 2) зону грамматических форм и грамматических характеристик, 3) зону толкования, 4) зону стилистических признаков, 5) зону иллюстраций с указанием места и времени фиксации, принадлежности информанта к одной из двух внутриконфессиональных групп или нейтральности его по отношению к оппозиции «синь-

цзянцы / харбинцы», 6) зону исторического комментария, 7) зону словообразовательных связей, 8) зону системных лексических связей, 9) зону фразеологизмов с данным словом и их толкованием.

Приведу примеры слов из названных выше групп лексики, которые будут включены в словарь.

1. Говор старообрядцев сохранил немало слов, значения которых являются устарелыми в современном русском литературном языке или ушедшими из него, но сохраняющими актуальность в диалектном языке. Так, слово *кóрка* продолжает употребляться в говоре со старым значением 'крышка переплета, твердая обложка книги':

- (1) <...> *подходит ко мне один из академиков ('ученых'), что выступал, вытаскивает книгу, показывает мне и спрашивает: «Вам это знакомо?» Смотрю, на корке фотография, эту фотографию где-то видел, заглавия «Приморски старообрядцы»²* (Повесть и житие 2015: 259).

В литературном языке память об этом значении сохранилась в разговорном выражении *прочитать книгу от корки до корки* 'от начала до конца, целиком' и разговорном названии документа об образовании *корочки*.

Также с устарелым значением употребляется глагол *тверди́ть* (сов. *вытверди́ть*) 'учить (выучить) что-либо путем многократного повторения':

- (2) *Давай я тебе покажу, что твердить, и будешь читать в моленне; Вот Пáвечерниса, она корóтка, давай вытверди. Как вытвердишь, заставлю читать; И я взялся твердить каждый вечер. <...> За три недели вытвердил Пáвечерницу и сообщил тестю; Давай теперь тверди первый час; За неделю первый час вытвердил, потом взялся за третью, шестой, девятый часы, и это прошёл; Тверди каноны, а Пцалтырь постепенно научишься* (Повесть и житие 2015: 57–58).

Неизвестное современному литературному языку значение отмечено у глаголов *веселиться*, *повеселиться*, когда они употребляются в контекстах на тему «мужчина — женщина»:

- (3) *И вот мы с Марфой (будущей невестой, потом женой) стали за ручку ходить, веселиться, друг об друге тосковать* (Повесть и житие 2015: 49); *Бывало, в праздники вечером играли во вдовца — это так стоит круг девок и ребят, один всегда лишний, он или она, бегают вокруг, кого заденет, должен догнать и поймать. И вот часто приходилось: стоишь, девчонка бежит, заденет и*

² Речь идет о книге В. В. Кобко «Старообрядцы Приморья: история, традиции (середина XIX в. — XX в.)» (Владивосток, 2004).

убегает, и вот и догоняешь. Но интересно-то: девка-то бежит дальше в лес, чтобы повеселиться наедине, да и чтобы посватал, но у меня уже сердце занято (там же: 48); Приезжаем к Ирине с Юрой, Марья уже там. Но она разделась так красиво, была в чёрном платье, красивы чёрны туфли, и от неё шёл приятный запах. Мы с ней этот вечер веселились, но я не пил — чуть для замазки глаз, она последовала моему примеру, поступила так же. Мы с ней ушли рано в постель (там же: 167).

В группе примеров (3) значение глаголов включает гендерный, эротический компонент: *веселятся* ('предаются веселью, весело проводят время') друг с другом пары «он и она», в которых, как правило, обе стороны нравятся друг другу и вызывают взаимный сексуальный интерес. Обращение к историческим словарям в поисках такого или близкого значения у *веселиться* показало следующее. В (Словарь XI–XIV) и (Словарь XI–XVII) оно отсутствует, в (Словарь XVIII) у *веселиться* в значении 2 'весело проводить время; развлекаться, забавляться' указан эротический оттенок 'о любовных развлечениях', который иллюстрируется примером: «Умная жена *веселится*; умной муж сметсяя ея невгърнотям... и сам *веселится* с другою. ММ I 102» (Словарь XVIII: 64). В современном русском литературном языке у *веселиться* гендерный эротический компонент значения не сохранился, не отмечается он и в диалектах сводным «Словарем русских народных говоров». Однако о нем «помнит» не только говор старообрядцев Южной Америки, но и украинский и белорусский языки, а также некоторые русские говоры, поскольку понятие «свадьба» выражается в них соответственно словами *весіля, вяселле, веселье*.

2. Так как Словарь является словарем конфессиональной группы, в него вошли общерусские и диалектные слова и выражения, имеющие в старообрядческой среде конфессионально обусловленное культурное содержание: *быть (не) вме́сте* '(не) молиться в моленной вместе с членами общины', *меша́ться* 'нарушая запрет, употреблять купленную в магазине и т. п. пищу', *быть в поме́шке* 'употреблять купленную пищу', *приня́ться* 'быть принятым в общину', *проща́ться* 'просить прощения', *святы́на* 'святая вода', *соболе́зновать* 'сочувствовать кому-либо, оказавшемуся в трудной ситуации', *стави́ть на пра́вило* 'назначать наказание за несправедный поступок', *стоять па́с(т)ью* 'о незакрытой посуде' и др.

3. Антропонимикон говора включает много архаичных и традиционных для русской культуры черт, что найдет отражение в Словаре (Ровнова 2017). Так, в говоре синьцзянцев сохраняет актуальность древняя модель на *-вичи* для обозначения сыновей:

- (4) Приезжают Иона и **Игнатъевичи**, я уже посеял семнадцать гектар помидор. Оне привозят свою машинерию, ни здорово ни насрать, и начали сеять кукурузу и помидоры (Повесть и житие 2015: 120); Подхожу, где Георгий мясо жарит, тут сидит молодёжь, мужиков семеро: двоя **Тимофеявичей**, Ульян Ревтов, Павел Самойлов, Андрей Вандович, Кипирьян Григорьевич и Григорий Овчинников. <...> Наши ребята задумались, стали сурьёзными, **Тимофеявичам** стало неудобно, а особенно Филиппу (там же: 542–543).

Ср. в именнике Ипатьевской летописи: *Владимировичи, Мстиславичи, Ростиславичи, Юрьевичи, Ярославичи* — сыновья русских князей, *Самовитовичи* — сыновья мазовецкого князя *Самовита*, *Сатмазовичи* — сыновья половецкого князя *Сатмаза*, *Болеславичи* — сыновья польского короля *Болеслава III Кривоустого*.

Антропонимическим показателем замужней женщины у синьцзянцев и харбинцев является не фамилия мужа, а именованье на *-их(а)* от имени мужа или его фамилии: *Прасковья Давыди́ха, Татьяна Анатоли́ха, Марфа Данили́ха, Марья Шары́ниха; Я всегда была Улья́ниха, а Ксения Терентье́ва* (жена Терентия. — О. Р.) — *Ксения Терё́шиха* (Дальний Восток, Дерсу, 2017, хрб.). Такие образования также войдут в Словарь.

4. В Словаре будет представлена иноязычная лексика, фонетически, грамматически, семантически и коммуникативно освоенная информантами. Ее довольно много. Так, только в книге Д. Т. Зайцева выявлено около 200 лексических заимствований из испанского и португальского языков или при их посредничестве (без учета многочисленных топонимов, имен собственных лиц, названий организаций и учреждений). Иноязычная лексика распределяется по 15–20 лексико-тематическим группам с нежесткими границами, различным по количеству заимствованных единиц. Самый мощный пласт заимствований отражает экономическую деятельность старообрядцев и их разнообразные социальные связи. Эти слова входят в следующие лексико-тематические группы:

1) названия объектов и действий в финансово-экономической и хозяйственной сфере: *абилити́ровать* (получить официальное разрешение на использование чего-либо, оформить, *исп. habilitar*), *администр́ировать* (управлять, *исп. administrar*), *арéнда, арендова́ть* (*исп. arriendo, arrendar*), *импорт, импорти́ровать* (*исп. importación, importar*), *инвести́ция* (*порт. investimento*), *инве́стор* (*порт. investidor*), *кво́та* (взнос в банк, *исп. cuota*), *компроми́сс* (*исп. compromiso* — договор, соглашение), *контра́кт* (*исп. contrato*), *лице́нзия* (*исп. licencia*), *ло́та* (участок земли, *исп. lote*), *патéнт* (*исп. patente*), *запатент́ировать* (‘получить патент’), *прива́т* (частная собственность, *исп.*

privado — частный), *субсидия* (исп. subsidio), *ча́кра* (исп. chacra — ферма, небольшое имение), *экспорт*, *экспорти́ровать* (исп. exportación, exportar);

2) общие названия различных учреждений и организаций: *иммобили́рия* (агентство недвижимости, исп. inmobiliaria), *миграцио́нная служба* (исп. servicio de migración), *муниципалитет* (городской совет, исп. municipalidad), *о́тель* (исп., порт. hotel), *регі́стро сивіль* (загс, исп. registro civil), *сі́бер-кафе́* (интернет-кафе, исп. cybercafé), *фе́рия* (ярмарка, исп. feria);

3) названия лиц по профессии, роду деятельности, должности: *агрику́льтор* (земледелец, фермер, исп. agricultor), *гу́берна́тор* (исп. gobernador), *ди́ректо́ра* (женщина-директор, исп. directora), *екеху́тиво* (ответственный работник, исп. ejecutivo), *инге́ньєро* (инженер, исп. ingeniero), *интенде́нте* (мэр, губернатор, исп. intendente), *команданте* (начальник, командующий, исп. comandante), *лисенсіядо* (исп. licenciado — дипломированный специалист), *президе́нт* (исп. presidente), *префе́йто* (начальник, порт. браз. prefeito — мэр), *проду́ктор* (производитель овощей и фруктов, исп. productor), *профессо́р* (учитель, исп. profesor), *стансе́р* (фермер, исп. estanciero), *сьєнтифік* (ученый, исп. científico), *фиска́ль* (прокурор, исп. fiscal), *шеф* (начальник, исп. jefe);

4) названия лиц по национальности, месту жительства и происхождению: *аборі́ген* (коренной житель страны в отличие от иммигрантов, исп. aborigen, порт. aborigine), *боливья́нец* и *боливья́нка* (от исп. boliviano — боливиец, боливи́йка), *бразилья́н / бразилья́нин* (от исп. brasileño — бразилец), *грі́нги* (белокожие иммигранты и их потомки в отличие от коренного населения, исп. gringo), *ємигрант* (исп. emigrante), *латі́ны* (латиноамериканцы, исп. latino — латинский), *мексика́н* (мексиканец, исп. mexicano), *чиле́нец* и *чиле́нка* (от исп. chileno — чилиец, чили́йка), *ру́со* (русский, исп. ruso).

Вторым по мощности является пласт заимствований, обозначающих природные объекты:

5) названия животных, птиц, рыб: *а́нты* (тапиры, порт. anta — тапир американский), червяк *гусан* (исп. gusano — червяк), *капиба́ры*, *карпінчо* (исп. caribara, carpincho — водосвинка), *мака́ки* (обезьяны, порт. macaco — обезьяна); *ара́ры*, *па́тки* (вид домашних уток, исп. pata — утка), *пирикиты*, *туканы*; *бо́га*, *дорáдо*, *сурубі́*, *трайр*;

6) названия растений и лесов: *євкали́пт* (исп., порт. eucalipto), *ко́ка* (кустарник и листья, из которых добывается кокаин, исп., порт. coca), *ма́ра* (вид красного дерева, исп. mара), *ма́та* (трава мате, используемая для приготовления чая, сам такой чай, исп. hierba mate); *жу́нгля* (джунгли, исп. jungla, yungla), *фо́рест* (лес, исп. forsto, порт. floresta), см. подробнее (Ровнова 2016b).

Необходимо учитывать, что некоторые испанизмы совпадают по форме и не совпадают по значению с заимствованными словами русского литературного языка, например: *дискриминация* ‘унижение’, *дискриминировать* ‘унижать’, *квота* ‘взнос в банк’, *компромисс* ‘договоренность; долг, обязанность’, *материя* ‘учебный предмет’, *профессор* ‘учитель’. Иноязычные слова могут претерпевать в говоре старообрядцев интересную семантическую адаптацию. Так, слово *гáрбич* пришло из английского языка, где *garbage* ‘мусор’. На основании метонимического переноса оно стало использоваться в речи старообрядцев в значении ‘емкость для мусора’: «*Брось в гáрбич*» — *большая посудина, как мýсорка. Больше «в лишу», «лиша» — это по-бразильски, редко «мýсорка*» (Бразилия, Парана, 2008, хрб.). Затем у него развилось значение ‘бочка, в которой квасят брагу’: *Гáрбич* — *по-американски бочки, мусор складывать. <...> Стали покупать такие бочки, квасить брагу, и гáрбич называют. 50, 100, 220 литров, оне с крышкой.* Мы сейчас квасим 50 литров гáрбич (Бразилия, Мату-Гроссу, 2008, хрб.).

Работу над составлением Словаря говора старообрядцев Южной Америки ведет под моим руководством авторский коллектив сотрудников ИРЯ РАН, в который входят Е. В. Колесникова и А. Е. Соболева.

Литература

- АСРЯ — Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М., 2014–2017. Т. 1–3.
- Грязнова 2012 — Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / ред., сост. В. М. Грязнова. Ставрополь, 2012.
- Дни в Романовке 2012 — Дни в Романовке. Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х — 1940-х годов, из собрания Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012.
- Крысин 2015 — Л. П. Крысин. Зонный принцип организации словарной статьи в толковых словарях // Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции / отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2015. С. 111–112.
- Манасенкова 1989 — А. Ф. Манасенкова. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989.
- Моррис 2012 — Тамара Моррис. Словарь-справочник диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и словосочетаний // Дни в Романовке. Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х — 1940-х годов, из собрания Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012. С. 350–354.

- МСРСГП — В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963.
- Мызников 2013 — С. А. Мызников. Русская диалектная сводная и региональная лексикография (XIX–XXI вв.) // Славянская лексикография. М., 2013. С. 563–578.
- НОССРЯ — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004. Второе изд., испр. и доп.
- Повесть и житие 2015 — Д. Зайцев. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева / подготовила к изданию Ольга Ровнова. М., 2015.
- Ровнова 2014а — О. Г. Ровнова. Говор старообрядцев Южной Америки по письменным материалам // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология / отв. ред. выпуска Л. Л. Касаткин. М., 2014. С. 374–379.
- Ровнова 2014б — О. Г. Ровнова. Русские диалекты в Южной Америке и их современное состояние // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире. Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции (15–16 мая 2014 г., г. Трнава). Брно, 2014. С. 139–144.
- Ровнова 2015 — Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений // Д. Зайцев. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева / подготовила к изданию Ольга Ровнова. М.: Альбина нон-фикшн, 2015. С. 683–707.
- Ровнова 2016а — О. Г. Ровнова. «Бегут не от калача, а от бича»: к истории переселения старообрядцев из Южной Америки в Россию (2008–2016) // Международные Заволокинские чтения. Сб. 4 / отв. ред. О. Г. Ровнова. Рига, 2016. С. 497–517.
- Ровнова 2016б — О. Г. Ровнова. «Другие языки» в рукописной книге русского старообрядца из Южной Америки // Acta Slavica Estonica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XVII. Своё и чужое в языке и речи. Тарту, 2016. С. 173–186.
- Ровнова 2017 — О. Г. Ровнова. Антропонимикон старообрядцев Южной Америки: традиция, специфика, эволюция // Международная конференция «Маргиналии-2017: границы культуры и текста». Торжок, 29 сентября — 1 октября 2017 г. Тезисы докладов. М., 2017. [Электр. публ. <http://uni-persona.srcs.msu.ru/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm>]
- Ровнова, Савинов 2017 — О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов. Соотношение диалектных черт первичного и вторичного говора (старообрядцы-«каменщики» Казахстанского Алтая и «синьзянцы» Южной Америки) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / отв. ред. выпуска О. Е. Кармакова. М., 2017. С. 319–332.
- Самойлова 2000 — Ю. В. Самойлова. Русский островной говор старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США). Лексико-семантический аспект. М., 2000.
- Сердюкова 2005 — О. К. Сердюкова. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.
- СГССЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

- Словарь XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. М., 1988. Т. I.
- Словарь XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2.
- Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л., 1987. Вып. 3.
- СРГО — Словарь русских говоров Одесщины / отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. Одесса, 2000–2001. Т. 1–2.
- СРГСЭ — О. Н. Паликова, О. Г. Ровнова. Словарь говоров староверов Эстонии. Тарту, 2008.
- Толстова 2004 — Г. А. Толстова. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск, 2004.
- ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014–2017. Вып. 1–2.
- SGS — I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.

Summary

Olga Rovnova

On the project of the Dictionary of the Old Believers' Dialects in South America

The article focuses on the project of the Dictionary of the Old Believers' Dialects in South America, carried out by Vinogradov's Russian Language Institute of RAS. This dictionary is an attempt to fill an accidental gap in modern dialectal lexicography connected with the lexicographic representation of the Russian dialects abroad.

The Old Believers of South America have been living in Argentina, Bolivia, Brazil and Uruguay since the beginning of the 1960s. They moved there from China, where their ancestors had immigrated to avoid collectivization and religious persecutions at the end of 1920s — beginning of 1930s. They perfectly preserved some Siberian dialects, which are spoken by all Old Believers' generations. Richness, variety and integrity of their lexis are certainly worth an independent lexicographic presentation. The dictionary of these dialects will be differential and will reflect the lexicon in alphabetic order including: 1) proper dialecticisms, 2) standard Russian words which have a certain specific in the Old Believers' dialect, 3) confessional lexis, 4) anthroponyms, 5) phraseological units, sayings and proverbs, 6) borrowings from contact languages (Spanish, Portuguese, English). Standard Russian words with outdated meanings and non-standard use in the literary language will be accompanied with a special historical comment.

The Dictionary will be based on oral and written sources: a package of audio recordings of the Old Believers' speech, compiled during the expeditions to the Old Believers' communities of South America (2010–2014, Head O. G. Rovnova) and the book “The Story and the Lives of Danila Terentievich Zaytsev” written by an Old Believer from Argentina (M., 2015). To date, the basic vocabulary includes about 2000 lexical units, the electronic card index contains about 5.000 contexts; the vocabulary and the card index will be expanded in the process of the work.

Лексика фольклора в «Словаре русских народных говоров»: теоретическая база и лексикографическая практика*

Описание и лингвистический анализ произведений фольклора в настоящее время вышли на качественно новый уровень, что, естественно, требует и новых методов и подходов. Ярусный анализ произведений фольклора выводит на первый план лексику, что в свою очередь требует изучения различных ее сторон, в том числе и региональной специфики, семантического варьирования и т. п. Территориальной дифференциации языка русского фольклора была посвящена диссертационная работа С. П. Праведникова. Автор, в частности, предпринимает попытку разграничения понятий *диалект/фольклор*, полагая, что «бытовой диалект определяется через факт наличия, а фольклорный – через факт актуализации языковой единицы» (Праведников 2011: 70). Однако фиксация собственно диалектных лексических единиц и их бытование также часто разнятся, в зависимости от сохранности говора, устойчивости и т. п. Далее С. П. Праведниковым отмечается, что «фольклорные диалекты организованы иерархически, внутри диалектов мы обнаруживаем эквиваленты фольклорным говорам, названные нами субмегате́кстом (Праведников 2011: 305).

Лексика фольклора в ряде случаев имеет формальные показатели, выделяющие ее среди диалектной или общерусской лексики, об этом также пишет С. П. Праведников, справедливо полагая, что диминутивная лексика занимает особое место в структуре устно-поэтического текста, являясь своеобразным маркером фольклорности. Однако, если речь идет о севернорусских говорах, то можно отметить факт, что в их лексической системе диминутивы занимают большое место. Так, например, в 5-м томе «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» существительных с суффиксом *-ушк-* насчитывается свыше 1000 единиц, а с суффиксом *-очк-* — свыше 350 (Праведников 2011).

Детальный анализ лексики всегда сопряжен с различного рода трудностями, в том числе касающимися выводов о существовании или отсутствии лексемы в том или ином регионе. Если речь идет о лексеме общерусского бытования, бывает не всегда просто, а то и невозможно, предугадать все ва-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-04-00065-ОТН).

рианты ее реализации. Причем, например, «черкасский и черкесский — эпитеты к слову *седло* — фиксируются в курском мегатексте» (Праведников 2011: 93–94), однако не всегда будет правомерен вывод, что топонимическая лексика, особенно на уровне микротопонимики, может служить достаточно убедительным доводом к отнесению народно-песенных текстов к конкретной местности. На наш взгляд, топонимия в фольклорном тексте (особенно былинном) не может служить отражением местности, где этот текст зафиксирован. Например, гидроним *Дунай* регулярно фиксируется в текстах былин, записанных на Севере. Кроме того, если топоним включается в устойчивую фольклорную формулу, бытование его может быть весьма частотным и пространственно обширным, ср.: *Седелище на нем черкасское*. Оренб.; *седельчо черкасское* Валд. Новг.; *седелко клал черкасское*. Петрозав. Олон. (Гильфердинг); *седельшко черкасское* Север; *седелько черкасское* Каргоп. Олон. (Гильфердинг) (СРНГ 37: 112, 114).

В «Словаре русских народных говоров» источники диалектных данных распадаются на четыре группы:

1. лингвистические записи, произведенные со специальной целью изучения диалектной речи;
2. разного рода общие и специальные (не диалектологические) словари, содержащие диалектные слова;
3. историко-этнографические исследования, посвященные особенностям жизни русского населения иных местностей;
4. фольклорные источники.

В данной работе предполагается рассмотреть эту четвертую группу источников в тексте «Словаря русских народных говоров». Хотя в предисловии к СРНГ первоначально имелось в виду не наличие в этих источниках лексики устного народного творчества вообще, а наличие только диалектных слов, встречающихся в языке фольклорных произведений (как, впрочем, и во всех других источниках). Против использования фольклорных материалов как источника областных словарей выступали В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. «Не оспаривая положения о том, что лексика фольклора представляет собой огромную научную ценность, мы полагаем, однако, что изучение этой лексики — задача особого характера, — писали они. — Произведения фольклора не принадлежат отдельным группам говоров, и потому значения слов, отраженные в них, могут совершенно отсутствовать в тех говорах, от носителей которых эти произведения записаны. Кроме того, употребление слов в фольклоре нередко обусловлено спецификой того или иного произведения и определяется выполнением особых функций» (Орлова, Сологуб 1957: 21).

«Словарь языка русского фольклора: лексика былины» был реализован М. А. Бобуновой, А. Т. Хроленко (Бобунова, Хроленко 2006). Основными принципами в работе над словарем были выделены следующие:

- ориентация на жанровую дифференциацию фольклорного материала;
- семантика и функция каждого слова определяется только в рамках и только средствами фольклорного текста;
- семантическая структура фольклорного слова специфична, и его своеобразие определяется фольклорной картиной мира, а также структурой и поэтикой текста;
- специфике фольклорного слова должна соответствовать структура словарной статьи;
- в основу лексикографического описания слова должен быть положен учет всех выявленных связей описываемого слова с другими лексемами конкретного текста и всего корпуса привлеченных текстов (Бобунова, Хроленко 2006: 4).

Каждый фрагмент эпической или лирической картины мира репрезентируется определенной совокупностью лексем различной частеречной принадлежности. Этот набор лексем именуется термином *кластер*. Под кластером понимается совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и/или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента фольклорной картины мира. Поскольку тематическая классификация связана с семантикой, многозначное слово в разных своих значениях может относиться к разным кластерам (Бобунова, Хроленко 2006: 7).

Однако, принимая во внимание опыт жанровой лексикографической интерпретации фольклорного лексикона, следует отметить, что работа над сводным диалектным словарем, который включает в свой состав лексемы, зафиксированные в различных текстах фольклора, предполагает более широкий взгляд на некоторые аспекты как теории, так и словарной практики. Причем в ряде случаев можно дифференцировать единицы фольклорные и собственно диалектные. Ср., например: **Казák** ‘наемный рабочий, батрак в крестьянском хозяйстве’ Север (СРНГ 12: 307), слово, с данной семантикой бытующее в диалекте. Тогда как в фольклорном тексте весьма устойчива семантика для единицы **казák** — постоянный эпитет богатыря в былинах.

В процессе подготовки «Словаря русских народных говоров» предполагалось расширение группы фольклорных источников. Уже в начале работы над СРНГ авторы и редакторы понимали, что попытки изолировать язык фольклорных произведений от живой диалектной речи теоретически несостоятельны, а в рамках большого сводного словаря практически неосущест-

вимы. Почти во всех существующих диалектных словарях в большом количестве имеются слова, взятые из языка фольклора, и, что самое важное, почерпнутые из языка фольклора словарные сведения очень часто никак не оговариваются авторами этих словарей. Использование в процессе составления, кроме картотеки СРНГ, также и Большой словарной картотеки¹, которая насыщена фольклорными материалами, очень часто без указаний на фольклорные источники, делает невозможным отделение лексикки, записанной в результате наблюдений над разговорной диалектной речью, от лексикки, взятой из фольклорных произведений (СРНГ 1: 19).

Таким образом, в «Словаре русских народных говоров» лексика фольклора, не функционирующая в русском языке вне его произведений, включается в состав диалектной лексикки (Сороколетов 1974), даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причем следует отметить, что слова с пометой *фольк.* довольно многочисленны в СРНГ².

Следует отметить, что не все фольклорные данные имеют соответствующую помету, что, при фиксации только такого рода материалов, можно рассматривать как пропуск, например:

Приосудить, *сов., перех.* Осудить, выразить неодобрение кому-, чему-л. *Приосеют ветры буйные, Приосудят люди добрые.* Север, Барсов. (СРНГ 31: 327).

Довольно часто это связано с тем, что единица фольклорного текста употребляется также и в другом диалектном речевом контексте. Например:

Припёв. Пение, песня. *Там играют во гуселка яровчатый, Тонцы ведут от Нова-города, Други ведут от Еросолима, Припевы припевают хорошия* Пудож. Олон.(Гильфердинг). *Щас это стали плясать кругом да с припевом, а тогда-то бочком да без припева* Том. (СРНГ 31: 337).

Еще один подобный пример, когда в словарной статье имеются жанровые отсылки, но отсутствует помета *фольк.*, поскольку слово явно может употребляться не только в фольклоре, но и в диалектной речи.

¹ Картотека «Словаря современного русского литературного языка», в основе которой лежит Картотека Словаря Грота–Шахматова, насыщена фольклорными и этнографическими материалами.

² Подсчеты по томам см. (Мызников 2010).

Репня́. 1. То же, что репница (в 3-м знач.) [Суп, похлебка из рубленой репы с крупой или мукой]. // Суп из брюквы Тихв. Новг., 1914. 2. То же, что репница (в 4-м знач.) [Каша из тертой репы с добавлением крупы, яиц, масла и молока]. *Я сидел на пню, хлебал репню* (песня). Кадуйск. Волог., 1968. **Рёпня.** В загадке: *Стоит репня посередь мокра, не жнет, не молотит, каждый день денежки воротит* (мельница) Охан. Перм., 1903 (СРНГ 31: 72).

По последним данным³, из фольклорных материалов в словаре более всего представлены песенные жанры, в СРНГ помета *песня* имеет 6073 фиксации. Уже не раз подтверждалось, что песни обнаруживают тесную связь со всем укладом жизни их творцов, хранителей и исполнителей. Многочисленные примеры употребления диалектных слов в народных песнях являются ярким свидетельством этой связи. Песни в живом исполнении всегда передают особенности диалекта, в них отчетливо прослеживаются диалектные фонетические, морфологические и лексические черты (Евгеньева 1956; Сороколетов 1974). Все это делает песни ценным источником сведений по диалектной лексике, дающим возможность восстановить важные звенья лексико-семантической системы русских народных говоров, в ряде случаев уточнить ареальную характеристику значительного числа диалектных лексем, отчетливее представить их семантическую сторону (см. Сороколетов 1974).

Рёлица, ж. Виселица. *Повели-то раздоброго молодца ко рёлицы, ко высокой петельке ко шелковой* (песня). Гребен. Терск., 1902 (СРНГ 35: 47).

Самодóбрый. Фольк. Очень хороший, отличный. *Я возьму коня, что не лучшего, что не лучшего самодоброго* (песня). Перм., 1860 (СРНГ 36: 85).

Самозаводíстый. Фольк. Бурный, бурлящий. *Протекала тут быстра речка, быстра да самозаводиста* (песня). Пинеж. Арх., 1971 (СРНГ 36: 87).

Сухотá. О любимом человеке. А соседый двор – сухота моя, *А соседний сын – то душа моя* (песня). Духовищ. Смол., 1891. *Сухота ты моя, добрый молодец! Сам же ты ссох и меня ссушил* (песня). Смол. Новг., Самар. (СРНГ 43: 25).

В ряде случаев сводный характер словаря не дает возможности разграничения данных по жанрам, в одной словарной статье репрезентируются материалы былин, песен и собственно диалектные данные, почерпнутые из лексикографических источников.

Сад, м. (мн. сады). Фольк. 1. Большая гребная и парусная лодка. *Не на Волхове зеленый ноне сад шатается, Да по морской волны корабличек похаживает* (былина). Мезен. Арх., Григорьев. *Приплыли сады – Сады батюшковы! Я на эти*

³ Из вышедших в свет 50 томов СРНГ в статье учтены материалы 48.

сады глядеть не могу! Я с этими гребцами говорить я не хочу (песня). Вят. 2. Глубина осадки судна. Арх., 1885 (СРНГ 36: 21).

Довольно часто ссылка на песенный источник не имеет пометы *фольк.*:

Ренко́й. Ревнивый. *У меня молодой муж ренкой Не отпустит он погулять* (песня) Охан. Перм, 1903–1910 (СРНГ 35: 65).

Таково́й и сяково́й. Имеющий различные недостатки. *Стали разговаривать про нас, Дуня такова и сякова, Авдотьюшка этакова* (песня). Печор., 1963 (СРНГ 43: 195).

Талала́нка, ж. Гармонь. *Взяли бы Танюшку За ручки Да повели бы ее На Волгу, на легкую работу, Где гудки талаланки, Где звончатые балалайки* (песня). Екатеринбург. Перм., 1882 (СРНГ 43:237).

Тале́нький. Ласк. Оттаявший. *Как по улице по таленькой Шел молодчик разуоаленький* (песня). Олон., 1870 (СРНГ 43: 242).

Весьма значительны также данные, имеющие в качестве источника частушки, — 1208 фиксаций.

Бе́ленький, в знач. сущ. *Фольк.* Возлюбленный. *Как сказали: милый гож, — Без морозу взяла дрожь. Без морозу, без огня Ссушил ты, беленький, меня* (частушка). Пск., 1907. **Бе́ленький цветочек.** О милом, возлюбленном. *Скажи, беленький цветочек, Кто же вышил вороточек?* (частушка). Опоч. Пск., 1919–1934 (СРНГ 2: 211).

Значительное место занимают в СРНГ лексические данные, почерпнутые из **сказок**, — 1557 фиксаций. Так, например, в одном из наиболее значимых сказочных сборников Н. Е. Ончукова содержится значительное число диалектных лексических элементов. Весьма показателен словарь областных слов, приложенный им к «Северным сказкам». В нем помещено около 1100 слов, встретившихся в текстах сказок. Основная масса слов характерна для севернорусских говоров и употребляется или употреблялась в них в тех же значениях, что и в «Северных сказках» Ончукова. По свидетельству Ф.П. Сороколетова, в этом списке нет ни одного слова, которое было бы известно только на юге России (Ончуков 1908; Сороколетов 1973). Поскольку лексика сказок довольно часто неотличима от собственно диалектной, то нередко она используется как иллюстративный материал для подтверждения семантики заголовочного слова без пометы *фольк.*

Сопря́таться. Спрятаться. Духовищ. Смол., 1858. *Мышка бегаёт, а он имеет, а красная девица сопряталась* (сказка). Кирил. Новг. Луж. Петерб. (СРНГ 40: 7).

Значительны материалы, которые относятся к **былинам**, — 1125 единиц⁴.

Отмечается также в качестве фольклорных источников лексика, бытующая в **заговорах**, на страницах СРНГ зафиксирована 801 единица. Язык заговора рассматривается как специфическая разновидность языка фольклора, которая: 1) соотносится в основных моментах с типовой ситуацией и задается этой ситуацией; 2) выступает как одна из составляющих заговорно-заклинательного акта и соотносится с его акциональным и предметным планами; 3) реализует функцию воздействия (Гультаева 2000: 8). Единицы, относящиеся в тексте СРНГ к заговорам, довольно часто не имеют семантической разработки.

Растворитесь роды. В заговоре: *Для Господа Бога растворяются неба и земли, так и у меня растворитесь роды* (чтобы я легко родила). Нижнеуд. Иркут., 1915 (СРНГ 34: 250).

Редá, ж. В заговоре: *В мертвом ни реды, в камне ни воды, в чирье ни ядра* Нижнеуд. Иркут., 1915 (СРНГ 34: 14).

Счѣсный... 3. [Знач.?]. В заговоре. *Пресвятая Богородица сними от раба Борзия (имя) порчи, уроки, призоры, килы, внутренние счесные, рассыпные, каменные, вострыя, сухия, мокрѣя, гноющия*. Сольвыч. Волог., 1858 (СРНГ 43: 88).

Помимо свадебных **причитаний**, которые занимают такое значительное место на страницах СРНГ, фиксируются также причитания похоронные, рекрутские и т. п. В 48 томах зафиксировано 1032 единицы, в которых в качестве источника фигурирует причитание.

Соробѣть. Фольк. Оробеть. *Верно, Господу молилась от желаньца, Богородице молилась с горячими слезмы, не соробела печальна, не сполохалась* (причит.). Север, 1961 (СРНГ 40: 17).

Передóвщикек, м. Вожак, проводник [?]. *Впереди он был то и да передовщикек. Позади он был любимой ведь да повозничек*. Север, Барсов. *И впереди у вас не будет передовщикка!* Причитания (СРНГ 26: 91).

Весьма частотны в СРНГ **загадки**, которые насчитывают около 800 отсылок. Имеются случаи, когда в тексте СРНГ заголовочное слово является основным в загадке, но его семантика не может быть прояснена, поскольку данная единица участвует в языковой игре, и значение является отгадкой.

Роговúля, ж. В загадке – печка: *В роговуле недотыка побрякушечкой закрыта*. Грязнов. Волог., 1898 (СРНГ 35: 125).

⁴ Некоторые аспекты анализа лексики изложены в (Мызников 2002).

Нередко загадки не помещаются в основной текст словарной статьи, а даются в качестве дополнительного материала.

Доп. В загадке: *Рой гору повалил* (свинья с поросятами). Пск., (СРНГ 35: 165).

Доп. В загадке: *На поле, на визге Двенадцать зубов, В рыкове — четыре, Во ржавке — две* (сосцы у свиньи, коровы и кобылы). Казан. (СРНГ 35: 93).

В отношении загадок следует отметить, что не всегда, особенно в первых томах словаря, при помете *фольк.* стоит указание на жанр.

Безу́ленка, и, ж. *Фольк.* Постройка без углов. *Шли плотнички-бестопорнички, Склали горенку-безуленку* (загадка: одонье хлеба). Шацк. Тамб. (СРНГ 2: 199).

Довольно часто **паремии**, пословицы и поговорки, имеющие в своем составе общенародную лексику, не попадают на страницы СРНГ, однако все же отмечается 531 словарная статья с отсылкой в качестве источника к половице и 345 единиц — к поговорке.

В редких случаях отмечается, как толкование, употребление слова в поговорках и пословицах:

Голодному Федоту и репа в охоту. Шуйск. Влад., 1920–1924. *Капуста да репа брюху не крепя.* Репа брюху не крепя. Помор. Арх., 1885. *Репа да горох сеются для воров.* Онеж. КАССР, 1933. *Хоть репа без костей, да и на то и кора (горькая)* Холмог. Арх., 1907. *Добрая невеста и на придворке найдет себе место* (поговорка) Опоч. Пск., 1852 Пск. (СРНГ 31: 189).

Сидела в девках до солнца и высидела сазонца (поговорка) (о разборчивой, засидевшейся невесте). Рыб. Яросл., 1901 (СРНГ 36: 43).

Каков свычай, таков и обычай (поговорка). Влад. *Свычай да обычай промеж своих людей, а ум людской про весь мир.* Саратов. (СРНГ 36:331).

Довольно часто фольклорные материалы не имеют точного определения, в тех случаях, когда речь идет об атрибутивных словосочетаниях, то выводится толкование 'эпитет кого-, чего-л.'

Тарабу́ка... 2. *Фольк.* Эпитет вороны. *Ворона — тарабука — в мир неугодна, полетела она в кабачок и выпила винца на пятачок.* Шадр. Перм., 1859 (СРНГ 43: 271).

Тата́рка... 3. В свадебном обряде — эпитет ближайшей подруги невесты. *Жених кладет серебро и девки отдают ему невесту, а он угощает их водкой! Присутствующие кричат: наши девки татарки пропили Прасковью за чарки.* Смол., 1914 (СРНГ 43: 304).

Сыро́й... 5. *Фольк.* Эпитет бора. *Отпущаю я дитяtko За сыры боры дремучие.* Пудож. Олон., 1903.

6. Фольк. Эпитет дуба. *Приезжает Сухмантий ко сыру дубу, Ко сыру дубу кряковисту, Выдергивал дуб со кореньями.* Пудож. Олон., Рыбников. *Ай стал он тут сырым дубом да кряковистым помахивать, Ай его добрый конь стал по силушке тута поскакивать.* Олон. *Нарвал там сырых дубов, развел огонь И взвалил он змею люту на огоничек.* Печора и Зимн. берег. Терск. *Тут стоял да рос сыр матерый дуб.* Оренб. (СРНГ 43: 161).

Таким образом, приведенный обзор показывает, что лексикографирование лексики, зафиксированной в фольклорных текстах, имеет свою специфику. Представляется крайне важным анализ взаимоотношений литературного языка, диалекта и языка устного народного творчества. В результате практической работы над СРНГ подтвердилась необходимость использования произведений фольклора как одного из источников областных словарей, с аргументацией, выработанной Ф. П. Филиным и Ф. П. Сороколетовым.

Литература

- Абдрошитова 2013 — *Абдрошитова М. О.* Своеобразие загадки как жанра фольклорного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 4 (22). Ч. 1. С. 15–18.
- Бобунова, Хроленко 2006 — *Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Словарь языка русского фольклора: лексика былины. Курск, 2006.
- Быкова 1996 — *Быкова А. А.* К вопросу об определении загадки // *Паремиологические исследования.* М., 1996. С. 105–107.
- Гильфердинг — *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л, 1949–1951. Т. 1–3 (1-е изд.: СПб., 1883).
- Гультаева 2000 — *Гультаева Н. В.* Язык русского заговора: лексика. АКД. Екатеринбург, 2000.
- Евгеньева 1956 — *Евгеньева А. П.* Языковые особенности «Песни о рябине» в записи 1699 г. как материал для ее локализации // *Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена.* 1956. Т. XV. Фак. литер. и яз. Вып. 4. С. 163–181.
- Мызников 2002 — *Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) и в русских говорах Обонежья // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 1999. СПб., 2002. С. 82–95.
- Мызников 2010 — *Мызников С. А.* Верификация данных в диалектных лексикографических источниках // *Вестник Омского университета,* 2010. № 1. С. 75–78.
- Ончуков 1908 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908.
- Орлова, Сологуб 1957 — *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // *Лексикографический сборник.* М., 1957. Вып. 2.

- Праведников 2011 — *Праведников С. П.* Территориальная дифференциация языка русского фольклора. Диссертация... доктора филолог. наук. Курск, 2011.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995–2005. Т. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965–2018. Т. 1–50.
- Сороколетов 1973 — *Сороколетов Ф. П.* Произведения фольклора и диалектные словари // Диалектная лексика. 1973 / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1974. С. 193–204.
- Сороколетов 1974 — *Сороколетов Ф. П.* Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 193–204.
- Сороколетов 2011 — *Сороколетов Ф. П.* Избранные труды / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова; отв. ред. С. А. Мызников. Институт лингв. исслед. РАН. СПб., 2011. С. 223–232.

Summary

Sergey Myznikov

Folklore lexis in the Dictionary of Russian dialects: theoretical basis and lexicographical practice

The article offers an analysis of the folklore lexis, which is presented on the pages of the Dictionary of the Russian Dialects (DRD). It is noted that the folklore lexis has formal indicators that makes it different from dialectal or all-Russian lexicon. The authors and editors of the DRD note that attempts to isolate the language of folklore works from the present-day dialectal speech are theoretically untenable, and within the framework of a large consolidated dictionary are virtually impracticable. Thus, the research on lexicography of lexis, fixed in folklore texts, has its own specifics. It seems extremely important to analyse the relationship between the literary language, the dialect and the language of oral folk art. Russian dialect lexis studies have shown that it is essential to use folklore works as one of the sources of regional dictionaries.

Статус слова в диалекте и критерии его определения: достоверность русской диалектной лексики в иноязычных ареалах

Заявленная тема возникла в результате осмысления практики лексикологии и лексикографии первого десятилетия XXI в., при подборе лексического материала для Этимологического словаря славянских языков с 2002 г. и подготовке Этимологического словаря современного русского языка (Шапошников 2010) в 2001–2009 гг. (Шапошников 2003: 341–343). Как определить статус слова в языке (диалекте) и каковы могут быть критерии такого определения?

Статус слова в языке (диалекте) предлагаю понимать не в узко-лингвистическом смысле глагольной формы (в латинской грамматике) или особой категории имени существительного (в аккадской грамматике), а в широком общем значении «состояние, положение; состояние вопроса, положение дела». Любое слово как объект лексикологии и лексикографии непременно имеет определенный статус в языке, т. е. занимает актуальное положение на лексико-семантическом уровне языковой системы.

Вопросы о статусе слова, которые постоянно возникают при практической работе с лексикой, например, таковы:

1) как определить языковой статус иноязычных заимствований и неологизмов, лексико-грамматических и лексико-семантических инноваций, которые вошли в обиходную речь и вышли из употребления в краткий промежуток времени, к примеру *пейджер*, *лаптон*, *кофифрейк*, *хэндаут*, *гаджет*, *таблет*? Вероятно, это — *слова-эфемеры*, их статус в русском языке — эфемерный. Или каков статус слов «албанского» языка Интернета типа *кликнуть* (мышкой) ‘нажать клавишу на компьютерной мышке (to click)’, *отскерить* ‘снять ксерокопию (документа) (to Xerox-copy)’, *мыло* ‘электронная почта (e-mail)’, *зачекиниться* ‘зарегистрироваться в социальной сети (to check in)’, *залайкнуть* ‘поставить оценку лайк (like) «нравится» под публикацией в Интернете»? Ведь они получают графическую фиксацию, но как долго и в каком составе они будут функционировать в русском обиходном языке, пока трудно угадать. Должны ли такие слова считаться словами русского языка? Нужно ли их включать в орфографические, толковые, этимологические словари русского языка? Или правильнее включать их в словари иностранных слов в словарные статьи с заглавным словом в оригинальной графике?

2) как определить языковой статус иноязычных заимствований в исторической лексикографии? В отечественной лексикографии устоялась практика недифференцированного включения в лексический фонд древнерусского и старорусского языков большого количества книжных церковнославянизмов из русско-церковнославянских списков XI–XVII вв. со староболгарских и старославянских текстов конца IX – начала XI вв. Обычно приводимые цитаты из адаптированных в той или иной степени иностранных памятников письменности (преимущественно церковного происхождения) никоим образом не подтверждают факта реального вхождения целой мириады слов в древнерусский и старорусский язык и речь. Статус церковнославянских слов, вхождение которых в древнерусский или старорусский язык ничем не подтверждено, предлагают определять как исключительно книжные слова *литтерария тантум* (*litteraria tantum*). Кроме того, имеются категории слов, имеющих статус *haxax legomenon*, *гапаксов* и *псевдогапаксов*, *фантастических*, *мнимых слов*, *лексикографических фикций*, *слов-фантомов*, *неправильно прочитанных*, *испорченных* и *призрачных слов* (Астахина 2012: 110–116). Так как эксперимент для верификации и подтверждения актуального статуса слова в обиходном русском языке XI–XVII вв. невозможен, остаются только косвенные критерии определения реального вхождения иностранного слова в русский язык и речь. Пример из СДРЯ XI–XIV вв.: 79 *млѣко*, *млеко* + 18 *молоко* — частотные рейтинги как будто свидетельствуют о том, что *млеко* вошло в древнерусский язык и вытеснило оригинальное *молоко* из языка и речи (Шапошников 2007: 299–302). После отвода церковнославянских цитат выясняется, что *млеко* — *литтерария тантум* (иногда имеет помету «традиционно поэтическое»), иностранное слово, позднее употребляемое в редчайших случаях в поэзии (Крылов), но в язык и речь едва ли вошедшее, а *молоко* — напротив, полноценное употребительное слово древнерусского языка и речи.

3) как определить языковой статус неисконных слов в диалектах, говорах, социолектах, аргю и т. п.? В частности, каков статус церковнославянизмов, причудливым образом попавших даже в диалекты, в фольклор (былины, заговоры, пословицы и поговорки)? Каков статус эфемерных слов в диалекте, к примеру, таких уникальных, как *манент* ‘момент’ (Мызников 2016)? Традиционная диалектология включает в диалектные словари всю лексику недифференцированно, зачастую допуская контаминацию в одной словарной статье исконного и неисконных омофонов, омонимов. При массовом сборе диалектной лексики во время полевых экспедиций XX в. зачастую не указывалось происхождение информантов, их двуязычие и т. п. нюансы. Каков статус «русской диалектной» формы, записанной со слов русскоязычного вепса, карела,

саама, коми-пермяка, вогула, ненца, бурята, якута, чукчи, ительмена, удгейца, эвенка, айна? Как отделить слова, вошедшие в реальный русский говор, от слов в речи информанта, являющихся результатом интерференции родного языка? В большинстве диалектных словарей народных говоров Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока нет никаких помет о туземном происхождении информантов, поэтому многочисленная иноязычная лексика без какой бы то ни было верификации автоматически попадает в раздел «русское диалектное», получает статус русского слова. Не является гарантией исконности русского слова его происхождение из консервативных социолектов, в том числе идиомов религиозных сект, например. Так, в составе лексики старообрядцев Забайкалья вполне могут быть, и действительно имеются, «русские» неисконные слова из речи «обращенных» туземных жителей, наследников различного языкового и культурного прошлого. Аналогичная ситуация наблюдается в речи старообрядцев Северной и Южной Америки. В связи с расцветом диалектной этимологии последнего десятилетия такой недифференцированный «русский диалектный» материал становится объектом этимологического исследования и превращает начатый в 2007 г. многотомный этимологический словарь русского языка в грандиозный этимологический словарь языков народов Русского Севера, Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. А расцветшая пышным цветом «научная» критика диалектных словарей, ловля лексикографических фантомов и фикций, придиричивый поиск фальсификации русской диалектной лексики, «исправление лексикографических ошибок» (яркие представители этого направления — А. Е. Аникин, И. Г. Добродомов, А. Ф. Журавлев, А. Б. Страхов, В. В. Шаповал), к сожалению, скользит лишь по поверхности русской диалектной лексикографии, не затрагивает главного — статуса слова в диалекте. Ведь теперь, за исключением редких случаев, нет возможности верифицировать весь русский диалектный паноптикум «на месте», подтвердив словарные статьи записью речи современных местных русских поселенцев, исключив данные записи «русского говора» иноязычных информантов, особенно в местах их компактного проживания. Ведь ныне традиционные диалекты Европейской части России едва ли существуют в результате общеобразовательной стандартизации, вымирания села и широкомасштабной внутренней миграции населения в XX в., а русские говоры Севера, Сибири и Дальнего Востока носят естественный смешанный характер ареалов вторичного освоения с переходом на них гетерогенного населения, в том числе в местах его компактного проживания. Действительно ли слова из языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока вошли в русские диалекты и говоры? Имеют ли они статус русских диалектных слов?

Какие критерии определения статуса русского слова можно было бы предложить для трех основных направлений русской лексикографии на ее завершающем этапе?

1) Для синхронической толковой и этимологической лексикографии не остается ничего другого, кроме следующих критериев: а) частотности словоупотребления и б) словообразовательной потенции производящей основы неологизма любой природы (ср. *КГБ* и *кагэбэшник*, *ПТУ* и *пэтэушник*, *пэтэушница*, *пэтэушный*). Если частотность словоупотребления стремится к нулю, а словообразовательный потенциал производящей основы ничтожен и не дает жизнеспособных производных, то эфемерное слово можно игнорировать в практической лексикографии.

2) Для диахронической лексикографии предлагаю следующие критерии: а) осознанный подбор письменных источников цитирования и эксерпции для первого упоминания слова в текстах, все-таки отражающих актуальный язык и обиходную речь XI–XVII вв. (пробным камнем могут служить «Русская Правда», берестяные грамоты и т. п.); б) верификация путем обнаружения слова в русских народных говорах XIX–XX вв., иллюстрирующих его словообразовательную потенцию и жизнеспособность; в) верификация путем выявления слова в исторической ономастике, антропонимии, особенно исторической топонимии, которая неопровержимо свидетельствует о переносе еще апеллятивной формы, застывшей на новом месте поселения в виде топонима. Частотность словоупотребления, к сожалению, не может служить однозначным критерием определения статуса слова в исторической лексикографии. Приложение данных критериев к историческому лексическому материалу сократит объем словника (элиминирует гапаксы и заведомо иностранную лексику, которую уже зафиксировали словари церковнославянского, старославянского и староболгарского языков), очертит ареал происхождения и выживания слова.

3) Для диалектной лексикографии просто необходимы следующие критерии определения статуса слова в диалекте: а) широта распространения слова, представленность в нескольких диалектных ареалах (мультипликативный критерий): чем уже ареал уникального диалектного слова, тем больше вероятность его невхождения в язык и речь, вероятность его окказиональной природы; б) словообразовательная потенция производящей основы диалектного слова: отсутствие производных зачастую сигнализирует об изолированности диалектного слова, так и не вошедшего в язык и речь; в) ареальная ономастика, антропонимия, топонимия, особенно микропонимия (так называемая народная географическая терминология), которые неопровержимо свиде-

тельствуют о переносе еще апеллятивных форм, застывших на новом месте в виде топонимов. Мультипликативный и потенциальный критерии позволяют элиминировать узкие регионализмы, гапаксы, лексикографические фантомы, фикции, фальсификаты и ляпсусы. Ареально-ономастический критерий верифицирует статус слова в диалекте, выявляет реальность вхождения туземных регионализмов в диалект русского языка.

Разработка общепринятой терминологии и соответствующей системы помет имеет, как следует из всего вышеизложенного, важное методологическое значение. Выяснение статуса диалектного слова оказывается полезным не только диалектологам-лексикографам, но и лексикографам диалектной этимологии.

Литература

- Астахина 2012 — *Астахина Л. Ю.* Призрачные слова в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И. М. Шеина, О. В. Никитин; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2012.
- Мызников 2016 — *Мызников С. А.* Лексика фольклора в СРНГ (22.11.2016) // Международный круглый стол «Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов» 22–23 ноября 2016 г. ИнСлав РАН, Москва.
- Шапошников 2003 — *Шапошников А. К.* Издательский проект: «Происхождение слов». Толковый этимологический словарь русского языка для широкого пользователя // Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции (Москва 8–10 июля 2002 г.) / сост. Н. К. Ониненко. М., 2003.
- Шапошников 2010 — *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников. В 2 т. М., 2010. Т. 1, 2.
- Шапошников 2007 — *Шапошников А. К.* Вчера и сегодня в русской языковой картине мира по данным частотных словарей русского языка разных эпох // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского, 25–27 мая 2007 года / отв. ред. Г. А. Богатова, Н. И. Демидова; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2007. С. 299–302.

Summary

A. K. Shaposhnikov,
Vinogradov Institute of Russian Language
Russian Academy of Sciences

The status of a word in a dialect and criteria of its definition: reliability of the Russian dialect lexis in other-language- speaking areas

In this paper the author introduces a concept of the status of a word in modern lexicology and lexicography and considers probable criteria for the definition of the status of a dialect word. Any word as an object of lexicology and lexicography, by all means, has a certain status in any language, i. e., occupies a certain position at a lexico-semantic level of a language system. The development of standard terminology and an appropriate notation system has a great methodological value. A study on the status of a dialect word can be useful not only for dialectologists-lexicographers, but also for lexicographers of dialect etymology.

Неточности в описании семантики, вызванные восприятием диалектной лексики сквозь призму литературного языка: несколько примеров из восточнославянских диалектных словарей

1. Составление диалектного словаря — весьма трудоемкая работа, в ходе которой практически невозможно избежать неточностей и ошибок. Некоторые из таких неточностей связаны с тем, что при описании семантики диалектной лексики, даже если словарь является недифференциальным, внимание исследователя, как правило, сфокусировано на словах, отсутствующих в литературном языке или серьезно отличающихся от своих литературных когнатов.

В данной статье мы планируем на четырех примерах из Туровского и Дедулинского словарей показать, как восприятие диалектной лексики сквозь призму литературного языка может привести к некоторым ложным выводам и упущениям.

Туровский словарь, выпущенный в 1982–1987 гг. в пяти томах, является недифференциальным, то есть представляет из себя попытку отразить полный лексический состав говора Турова и окрестностей.

2. Рассмотрим семантику туровских слов *лой* и *сало*. В Туровском словаре диалектное слово *лой* толкуется как «лой, тлушч» (ТС 3: 40), а *сало* как «сала» (ТС 5: 10). В литературном белорусском слово «лой» обозначает говяжий или бараний нутряной жир (ТСБЛМ 2002: 321), «сала» — жировые отложения в теле живого организма, а также продукт из них (ТСБЛМ 2002: 580), а полонизм «тлушч» является общим обозначением жира.

Однако если мы внимательно присмотримся к контекстам для *лой* и *сало*, доступных в Туровском словаре, то выясняется, что значения этих слов значительно отличаются от их когнатов в литературном белорусском.

Так, слово *сало* действительно может относиться к свиному жиру, в том числе как еде:

(1) Сало було на долоню на ём, на кабану (ТС 5: 10);

(2) На снёданье сало жарыць, картоплі чышчэныя з солёным гурком (ТС 2: 59).

Однако семантика слова *сало* в туровском говоре значительно шире, чем в литературном белорусском, оно обозначает также куриный, гусиный, рыбий, барсучий и ежовый жир¹:

¹ Мы приводим не все примеры, имеющиеся в словаре.

- (3) Сало ў куры, сало і ў гусе, а ў козы, корову і овечкі — лой (ТС 5: 10);
 (4) Усю гэту опух вуцягвае козінэ сало (ТС 5: 3: 263);
 (5) Гусінэ сало не порціцца (ТС 1: 238);
 (6) Морозіну гусіным салом помажэш, то буйстро гоіць (ТС 1: 210);
 (7) Борсуковое сало пілі от сухот (ТС 1: 7);
 (8) Хворэў, то нараілі ежовэ сало (ТС 3: 155);
 (9) Сом, у ём толькі хвост жырны, розрэж, то сало й польецца (ТС 4: 144);
 (10) Да ўжэ, як посушым, положом на солому ў печ, да посохнуць, то с хвостоў капае сало (ТС 1: 249) (о вьюнах).

Этимологически праславянское *lojъ восходит к глаголу *liti «лить» (ЭССЯ 15: 259–262) и первоначально, вероятно, означало «топленный жир». Это значение сохраняется в выражении *залиць лою за шкуру* «побить»² (ТС 3: 40). Однако оно имеет значительно более широкое значение и применяется к козьему, говяжьему, бараньему и медвежьему жиру:

- (11) Сало ў куры, сало і ў гусе, а ў козы, корову і овечкі — лой (ТС 5: 10);
 (12) От сытое цяля — лою багато! (ТС 3: 40);
 (13) Як хто дэрыць овечкі, то й лой е (ТС 3: 40);
 (14) А медзвэдзіца шчэ не набрала лою, шчэ ходзіць — осперэгайса (ТС 3: 40);
 (15) На сенцэ — гной, то на короўку — лой (ТС 3: 40);
 (16) Овечы лой под небом у роце закожавеў (ТС 2: 100).

Однажды *лой* используется при описании человеческого жира, возможно, с пейоративным оттенком:

- (17) У ёго лой скуру под'еў (ТС 5: 52).

Приведенные примеры показывают, что семантика слов *сало* и *лой* в говорах окрестностей Турова значительно шире, чем у их литературных когнатов, что делает описание этих слов в Туровском словаре некорректным. Контексты дают основание предположить, что *сало* в туровских говорах применяется к жиру с высокой температурой затвердевания, а *лой* — с низкой, что отражается в структуре и консистенции этих жиров.

Это подтверждается следующими контекстами:

- (18) Лой скоро захолдбае (ТС 3: 40);
 (19) Лой уверху у роце зноў закожавеў³, ек охолодаў (ТС 5: 174).

3. Еще одним интересным случаем является описание в Туровском словаре семантики слова *горá*.

² В литературном белорусском этому выражению соответствует *залиць сала за скуру* (ТСБЛМ 2002: 580).

³ = затвердел.

Следует отметить, что в окрестностях Турова нет гор, и самая высокая точка Гомельской области лежит лишь в 220 метрах над уровнем моря. Вероятно, это послужило причиной того, что авторы Туровского словаря описали слово *гора* как «гарышча; узвышша, пагорак» (ТС 1: 218), т. е. возвышенности, которые информанты обозначали словом *гора* (в этом значении оно встречается в словаре около 30 раз), в представлении носителей литературного белорусского являются скорее холмами. Однако разница между «холмом» и «горой» является в первую очередь относительной: «гора» — это более высокая форма рельефа, а «холм» — более низкая. Конкретные высоты, по которым проходит граница, зависят от места проживания информанта.

В словаре нам встретился контекст, указывающий на наличие такого противопоставления в туровских говорах:

(20) От этое горы́ да́лей пагурук, урочышчы Лі́пкі (ТС 4: 6).

Кроме того, *гора* характеризуется как высокая:

(21) Вусока гора, шо му попобраліса на ту го́ру (ТС 4: 170).

Слово *гора* часто встречается в загадках и пословицах, в поговорке оно противопоставлено долине:

(22) Не зроўняй, божа́, го́ру з до́ліною (ТС 2: 167).

К сожалению, контексты, приведенные в словаре, не позволяют сказать, какое слово носители окрестностей Турова используют для описания по-настоящему высоких гор, расположенных за пределами Белоруссии, а также какое слово употребляется в сказках, однако с высокой долей вероятности это именно *гора*, и его описание в словаре является неполным.

4. Перейдем к примерам из Деулинского словаря. Первым из них является слово *кал'энка*.

Деулинский словарь, в отличие от Туровского, является дифференциальным, и в отдельные статьи в нем выносятся только те слова, которые формально или семантически как-то отличаются от литературного русского. Интересным случаем, когда этого не было сделано, являются слова *кал'эна* и *кал'энка*. В отличие от литературного языка *кал'эна* употребляется ограниченно, исключительно для обозначения высоты чего-либо в сочетании с предлогами и только во множественном числе (*дъ кал'э́н, ф кал'э́на, пь кал'э́на*) либо в составе выражения *с'ес'т'нъ кал'э́н'и* «встать на колени», например:

(23) Вьласа́ дъ кал'э́н (ДС: 133);

(24) Брад'ыл пь кал'э́нь ф салом'и (ДС: 67);

(25) пь кал'э́на в р'аку́ зьбр'адáйша (ДС: 173);

(26) Фч'ара́ л'ил, в ур'атках-та вады́ ф кал'э́на на́л'ал (ДС: 218);

(27) нъ кал'ѣн'и с'ѣла (ДС: 511).

При этом основным обозначением колена как части тела является *кал'ѣнка*:

(28) Йа ат кал'ѣнк'и пр'ама кр'ич'у (ДС: 228);

(29) Фс'е кал'ѣнк'и пьмароз'ила (ДС: 223);

(30) Он з бѣн'икѣм, д'ет, ход'ит', а б'из бѣн'икѣ н'ь дайд'от', у н'аво кал'ѣнкъ ап'ухл'и (ДС: 48);

(31) Он ад'ѣл д'ѣдава пал'то, фс'е кал'ѣнк'и нъгал'ѣ (ДС: 364);

(32) Науа у кал'ѣнк'и хърашб'ун'ощца (ДС: 541).

Это распределение соблюдается достаточно строго (во всяком случае, нам не удалось найти контрпримеров). По всей видимости, мы имеем дело с обычным для славянских языков вытеснением диминутивом⁴ старой формы с сохранением ее в периферийном значении. Согласно реализуемому в словаре подходу, в этом случае слово *коленка* должно было получить отдельную статью, ср. случаи с *ящерица* «ящерица» (ДС: 611), *гóрстка* «горсть» (ДС: 124); *печѣнка* «печень / сгустки крови» (ДС: 401); *забóтка* «забота» (ДС: 173). Однако, вероятно, в ситуации с *колено* — *коленка* формы типа *нъ кал'ѣна*, аналогичные литературным, «усыпили бдительность» исследователей, и замена старой формы на диминутив не была обнаружена.

5. Отдельной статьи в Деулинском словаре не удостоилось и слово *лунá*, хотя его значение, вероятно, отличается от литературного. В словаре оно встретилось лишь дважды, причем один раз информант, видимо, употребил его, чтобы пояснить для исследователя значение слова *м'ѣс'иц*, служащего в деулинском говоре как основное обозначение луны, что довольно характерно для южнорусских говоров:

(33) Ш'ш'ас м'ѣс'иц фстѣн'ит', он пр'им'аркаит', а в'идна, ш'ш'ас т'омна, а то пѣв'идн'еит'... Лунá пр'им'аркаит' (ДС: 457).

Второй контекст показывает, что для слова *лунá* в деулинском говоре скорее характерно значение «зарница»:

(34) Ноч' н'анасн'ѣй, тóмн'ѣя, анá аднá лунá истухáит', друуáйь зъуáраит' (ДС: 213).

Такое распределение значений слов *лунá* и *м'ѣс'иц* нередко в русских говорах (СРНГ 17: 193), и, согласно, заявленным принципам построения словаря, в Деулинском словаре *лунá* должна была получить отдельную словарную статью, однако, по-видимому, первый из приведенных выше контекстов сбил исследователей с толку.

⁴ Ср. праславянские примеры *sirdi — *sirdiko > *sьrdьce 'сердце', *owis — *owikā > *owьca 'овца', а также замена в современном разговорном русском *пята* на *пятка* и *сельдь* на *селёдка*.

6. Из четырех проанализированных примеров в трех случаях неточности были вызваны приравнением значения диалектного слова к значению его литературного аналога, а один (*гора* в Туровском словаре) — наоборот, поиском отличий в ситуации, где их вряд ли можно усмотреть. Однако все четыре раза исследователей подвело мнимое или реальное сходство диалектных и литературных форм.

Мы не проводили полного исследования материала Туровского и Деулинского словарей, поэтому подобных неточностей в них, скорее всего, значительно больше, что само по себе может являться темой отдельного исследования. Немаловажно, что проблемы, аналогичные описанным выше, особенно в случаях дифференциальных словарей, значительно меньше бросаются читателю в глаза, чем иные типы ошибок.

Литература

- ДС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- СРНГ 17 — Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Т. 17.
- ТС 1–5 — Тураўскі слоўнік. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. Т. 1–5.
- ТСБЛМ 2002 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2002.
- ЭСЯ 15 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1988. Т. 15.

Summary

Mikhail Saenko

Inaccuracies in the description of dialect lexis semantics, caused by literary language interference. A few examples from the East Slavic dialect dictionaries

The article looks at four examples of inaccurate description of semantics in two East Slavic dialect dictionaries: *лой* / *сало* and *гора* in the Turov dictionary, *колєно* / *коленка* and *луна* in the Deulino dictionary. A detailed analysis shows that *лой* and *сало*'s semantics are significantly wider and it is very plausible that they are opposed to each other in a much different way from their literary Belarusian analogues. On the contrary, there is no evidence to support the dictionary's claim that *гора*'s meaning is different from its literary Belarusian analogue. In the Deulino dialect we observe the situation when the diminutive *коленка* has replaced the old form *колєно* as the basic term for *knee*, while the latter is now mainly used only in set expressions. In this dialect the word *луна* does not mean *moon*, but it is used for summer lightning designation, as is often the case in many other Russian dialects. Neither of these facts is mentioned in the dictionary.

Фонетика в диалектном словаре

Диалектный словарь по типу содержащейся в нем информации принято относить к жанру толковых словарей. В то же время словарь имеет и признаки переводного словаря, поскольку показывает диалектный эквивалент литературной лексики, а также междиалектные соответствия. Этим определяется объем информации, содержащейся в словарной статье. Помимо сообщения о значении слова даются сведения об особенностях его экспликации как сегмента речи.

Диалектное слово имеет определенные грамматические характеристики, на что обычно указывается в словарной статье. Но произношение диалектного слова демонстрирует также фонетические особенности, соотносящиеся с правилами фонетической системы определенного говора или являющиеся признаками отдельных слов. Далее показано, как эти особенности могут отражаться в диалектном словаре.

Уже Даль в «Напутственном слове» к своему словарю (Даль I: XXV) указывал на необходимость записывать диалектные слова «как можно ближе к общепринятому произношению» и приводил примеры, когда орфоэпическое написание не соответствует реальному произношению. Эта проблема остается актуальной и в настоящее время. Так, в (ЛЭС 1990: 463) сказано, что в словаре вообще, в том числе и в диалектном, «произношение может не обозначаться, может фиксироваться частично в особо трудных случаях... либо указываться при всех словах». Это как бы предполагает, что фиксация фонетики в диалектном словаре может быть результатом личного выбора/предпочтения составителя словаря. Иногда это действительно так. Например, в словаре (Подвысоцкий 1885) внимание автора привлекает особенность употребления аффрикат, и фиксируются слова *цирей*, *цистой*, *цетыре*, *четок*, *цвет*, изменение *чи > ин* (*полунощица*) и некоторые другие проявления фонетики. Но в целом дается орфоэпическое написание диалектных слов (с ятем/ѣ и ер/ь).

Но наличие/отсутствие фиксации фонетики в диалектном словаре и выбор способа этой фиксации могут быть связаны и с объективными причинами. Это (1) размер диалектной территории, лексика которой отражена в словаре, и (2) особенность/состав источников материала для словаря.

Диалектный словарь может показывать лексику, употребляющуюся на большой территории языка, где локализованы разные диалектные типы и образо-

вания, — таков издаваемый «Словарь русских народных говоров» (СРНГ). Территория, занятая одним типом диалектов (севернорусские говоры), является предметом изучения в «Архангельском областном словаре» (АОС). Лексика говора одного сельского населенного пункта показана в (Словарь Деулино 1969). Поскольку отдельные носители диалекта используют в своей речи индивидуальный набор лексических средств, возможно составление и лексикона личности. Примером этого является словарь, составленный его автором на основе наблюдения над живой речью одного носителя диалекта (Тимофеев 1971).

Материал для СРНГ взят из разных источников. Это — печатные и неопубликованные тексты, записи диалектной речи, сделанные разными лицами как в прошлом, так и в настоящем, устное народное творчество, свидетельства писателей. Список использованных для словаря источников достаточно велик — в первом выпуске СРНГ он размещается на 139 страницах (с. 21–160). В этих записях диалектной речи нет единства в способах передачи фонетики используемого диалектного материала. Установление единых правил обозначения фонетических особенностей такого материала затруднительно. И во вступительной части Словаря сказано, что иллюстрации к словарным статьям приводятся в современной орфографии. Регулярные фонетические варианты слов, как правило, не показываются. Сделаны следующие исключения:

(а) акающие варианты словарных диалектизмов даются в виде ссылочных указаний (*абáбка* см. *обáбка*) или в виде отдельных словарных статей (*азя́м* ~ *озя́м*, *аля́сина* ~ *оля́сина*);

(б) когда этимология неизвестна или спорна, на произносительные варианты слова составляются отдельные статьи; также и лексикализованный фонетический вариант слова подается как отдельная словарная статья (*мéчик*, *вал* = вол, *вышня*, *оляной*, *амбар*, *онбар*, *имбар*). Эти фонетические особенности произношения не являются элементами фонетических закономерностей, а имеют индивидуальный характер. Слова в заголовке словарной статьи и в иллюстрации к ней приводятся в современной орфографической форме (СРНГ 1: 6–7, 14).

Иное отношение к обозначению фонетики показано в АОС. Материалом словаря являются записи связных текстов живой речи носителей архангельских говоров, сделанные эксплораторами при обследовании диалектов, данные картотеки ДАРЯ, а также свидетельства из письменных источников — частные письма, дневниковые записи носителей диалекта. Этот материал позволяет достаточно адекватно судить о фонетике слова.

Во Введении к словарю сказано, что «заглавное слово словарной статьи приводится в условной орфографической записи с показом фонематического

состава слова». Например, фонема /и/ — буква *ы* после твердого согласного, *и* — после мягкого, включая *ц'* (*поды́збенка, выподí, дрови́ц, вы́циганить*), фонема /о/ после мягких согласных — буква *ё* (*тёс, чёс, бачёк, винце́*), буквы звонких согласных на конце слова и др. Собственно фонетика слова показана в иллюстративном материале, сопровождающем каждую словарную статью в виде фрагментов записей живой речи. Сказано, что «все примеры подаются с соблюдением фонетики и грамматики говоров в упрощенной фонетической транскрипции» (АОС 1: 33). Для обозначения фонетики слова используются буквы русского алфавита. Дополнением к этому являются: буква *l* (переднеязычный, невелиризованный смычнопроходной «средний л») — *цѣла волоцюха́; во́лцьи́ ягоды; w* (билабиальный спирант) — *пойѣхав по сѣно; ѱ* (неслоговой *y* — *ходиѱ, íней слóтнуѱ, воѱчиха, воѱгинки, воѱгиньци* (грибы); *y* (фрикативный заднеязычный/задненебный).

Объяснение способа обозначений фонетических явлений дается в разделе Транскрипция (АОС 1: 50).

Мягкость согласного перед гласными передается буквами *я, ё, ю, е, и*, это относится и к аффрикате *ц* — *дорогящей, ця́й, сѣло́, берѣм, веселóщей, не цю́ла, цѱсто, цѣлой;*

перед согласными и на конце слова — буквой *ь* после мягкого согласного — *празьники, пѣсьни, зьдѣсь, нацѣнн́й, тонь, боль, ноцѣ, врачѣ.*

Твердость согласного, парного по твердости/мягкости и *ж, ш, ц*, сигнализируют буквы *ы, э* (и, естественно, *а, о, у*) — *подзѣбци́я, выподѣ жы́вот, шыл, жѣрди, шѣрсь.*

Сочетание палатального спиранта j с гласным в начале слова и после гласного обозначено буквами *я (йа), ю (йу)* и сочетаниями буквы *й* с буквами других гласных *йо, йе, йи* — *яма, юрó, чернёя, гуляю, йóлка, йейó, йѣль, мойó, мойѣм, мойих;*

после согласного сочетание *j* со всеми гласными передается сочетаниями буквы *й* с буквами гласных *а, у, о, е, и* — *мышья, бабья́к, шью, рóжью, выю́, шйот, гвоздьё́йó, мытьё́йó, вйезд, подйежжать (зж), мьши́йи, бабьи́йи.* Ср. различие между заглавием словарной статьи и ее иллюстрацией: *зъездó* и *зйездó; сьйвкать, сьймать* и *сьййвкать, сьйймать.*

Долгие согласные обозначены двумя буквами — *омман, мыция, сеонне.* Буквой *щ* обозначен палатализованный спирант *ш'*: Сочетание букв *шч, ждж* с указанием мягкости в виде следующей буквы гласного обозначают последовательности типа *шч, ждж* — *шчюка, шьчюка, йѣжсьдьжю.*

Обозначается унификация по участию голоса в сочетаниях шумных согласных, оглушение звонких согласных на конце слова — *хлеп, фторой гот,*

фперёт, берек, берекци, присякци, з бережному и бох (< γ) пристайот, нёд оак, селётка, гуп (р. мн. от *зубы* = грибы).

Первый выпуск АОС был издан в 1980 г. К этому времени существовало немало публикаций, в которых была показана русская диалектная фонетика. Это, в частности, и «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (под ред. Р. И. Аванесова) 1957 г., т. е. первый опыт ДАРЯ. В этом атласе показана основанная на русском алфавите система транскрипции, которая используется в ДАРЯ для обозначения фонетики иллюстраций к отдельным картам. Она отличается от транскрипции АОС набором знаков для гласных и согласных, а также тем, что в ней не используется буквенное обозначение мягкости/палатализованности согласных. Знаком этой артикуляции является ' (апостроф) после согласного. Соответственно, отсутствие этого знака указывает на твердость согласного. Гласные буквы для указания на мягкость/твердость согласного не используются (в отличие от АОС). Знаки **ь, ъ** обозначают определенные гласные безударных слогов.

Транскрипция, принятая в ДАРЯ, применяется и в словаре современного русского говора д. Деулино. Описанию транскрипции посвящен специальный раздел Введения (Словарь Деулино: 43–45). Здесь дается и более точное определение орфографии заглавного слова словарной статьи. Это — «графическое обобщение отдельных транскрибированных начертаний одного и того же слова в соответствии с принципами орфографии литературного языка» (с. 43). В иллюстративном же материале к заглавному слову показываются все фонетические варианты. Например, заглавное слово **осенью** — *ас'ан'йў, ис'ан'йў*; заглавное слово **через** — *ч'ер'из балоту, ч'ьр'ьс два́ двара́, ч'ьр'ис р'акў*. В АОС такие варианты даются в разных статьях.

Сопоставление записи фонетики в АОС и записи с применением транскрипции ДАРЯ выглядит следующим образом: *празьники ~ праз'н'ик'и, дорогащей ~ дорог'аш:'ей, нацвни ~ нац'н'и, яма ~ йама, гвоздьдйо ~ гвоз'д'йо, шьчока ~ ш'ч'ўка, йежьдъжю ~ йеж'д'ж'у*.

Способ записи фонетики диалектов, использованный в АОС, выделяет этот словарь на фоне современной славянской диалектологии. В современных трудах, в том числе и в лингвогеографии, используется транскрипция, организованная по принципу, близкому способу обозначения фонетики в ДАРЯ. Эти способы обозначения применяются в записях, сделанных как кириллицей, так и латиницей. Так, кириллица используется в белорусском, украинском, болгарском диалектологических атласах (Дьялекталагічны атлас беларускай мовы; Атлас української мови; Български диалектен атлас); латиница — в Общеславянском лингвистическом атласе, Sorbischer Sprachatlas и др.

Приведенные из русской лексикографии данные о способах передачи фонетики в диалектном словаре показывают, что единообразия в решении этой проблемы нет. В диалектных словарях различается как объем представленной фонетической информации, так и способ ее обозначения. Причины этого могут иметь объективный характер, с одной стороны, а могут быть результатом авторского решения, с другой. При авторском решении могут быть предложены разные виды обозначения фонетики в диалектном словаре. Оценочный подход к этим различиям вряд ли возможен. В каждом случае — это результат авторского решения, которое может получить распространение, а может остаться особенностью немногих исследований.

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–2016. Вып. 1–17.
- Даль I — *Владимир Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. I.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л., СПб., 1965–2016. Т. 1–49.
- Словарь Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района, Рязанской области) / ред. И. А. Оссоветский. М., 1969.
- Подвысоцкий — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885.
- Тимофеев — *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

Summary

Lyudmila Kalnyn

Phonetics in a dialectal dictionary

Applying data of Russian lexicography the author states that there are no standard rules of how to mark phonetics in a dialectal dictionary. Dictionaries differ by presence/absence of phonetic information, its volume and mode of explication. These differences are caused by peculiarities and content of the represented dialectal data or can be a result of an editor's preference regarding inclusion of phonetic information.

Унгаризмы в метафольклорных нарративах венгерских градищанцев и градищанскохорватская двуязычная лексикография¹

Целью данной статьи является функциональная стратификация унгаризмов в речи градищанских хорватов, проживающих на территории Венгрии, и соотнесение их с данными градищанскохорватской лексикографии. Материалом послужили фольклорные нарративы венгерских градищанцев из сел Унда (Унд), Присика (Пересне), Хорватский Зидан (Хорватжидань) и Плайгор (Олмод), записанные Д. Ю. Ващенко и А. А. Плотниковой во время этнолингвистического обследования вышеуказанных сел в июне 2017 года.

Отметим, что сам идиом, на котором велись рассказы, различается у разных информантов в плане соотношения элементов градищанскохорватского литературного языка / местного диалекта, однако в рамках статьи мы по возможности стремимся абстрагироваться от индивидуальных особенностей речи. Возраст информантов, речь которых стала предметом анализа, колеблется в среднем от 55 до 80 лет, все они билингвальны, окончили венгерскую школу, родной идиом был усвоен ими в семье и до сих пор употребляется главным образом в рамках семейного общения либо в бытовой коммуникации в пределах села. Среднее поколение, по свидетельствам информантов, также билингвально, однако языковая компетенция его представителей в градищанскохорватском идиоме существенно ниже, нежели у старшего поколения, младшее поколение, как правило, владеет градищанскохорватским лишь пассивно, на уровне понимания речи, но не на уровне активного владения языком. Рассматриваемый материал, таким образом, отражает узус старшего поколения градищанских хорватов Венгрии, и, как мы постараемся показать ниже, в метафольклорных нарративах отчетливо прослеживаются ассимилятивные тенденции, что особенно рельефно проявляется при сопоставлении записей с лексикографическими описаниями. На данный момент нам известно два масштабных лексикографических труда — сюда относятся Немецко-градищанскохорватский словарь под общей редакцией Йозефа Хамма, вышедший в 1982 г. и представляющий собой первое крупное лексикографическое описание градищанскохорватского, а также обратный градищанскохорватско-немецкий словарь под редакцией Божидара Финки и Радослава Катичича,

¹ Авторская работа выполнена по гранту РНФ «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

изданный в 1991 г.² Кроме того, небольшие словари размещены в монографических описаниях отдельных градищанских сел, изданных в Австрии.

Оба словаря являются триязычными: в словаре Хамма последовательно приводятся немецкое слово, его градищанское соответствие, и затем литературный хорватский эквивалент, в словаре Финки и Катитича, соответственно, градищанская лексема, хорватский аналог и далее немецкое соответствие. При этом оба словаря основаны на языковом узусе австрийских градищанцев. Речь градищанских хорватов, которые после Трианонского соглашения оказались в другом государстве, неизбежно будет отличаться от австрийского узуса в том числе лексически — как в силу влияния венгерского окружения, так и в результате того, что по политическим причинам общение с австрийскими градищанцами в течение достаточно длительного периода фактически было прекращено / затруднено (ср. Плотникова 2016: 114–168). В этой связи представляет интерес поиск возможных расхождений между австрийским и венгерским вариантами градищанскохорватского³ — естественно, в венгерском варианте унгаризмов неизбежно будет больше, наша задача состоит в том, чтобы выявить «поздние» унгаризмы, а также венгерские слова, которые находятся в процессе перехода в градищанскохорватский узус, и рассмотреть общие особенности их функционирования в речи.

В самом словаре Хамма лексика снабжена только грамматическим комментарием (так, у существительных в ряде случаев дается форма Р. п. ед. ч.; у глаголов после инфинитива приводятся форма настоящего времени и перфектное причастие прошедшего, а также модель предложно-падежного управления) — аналогично, только грамматический комментарий приводится в словаре Финки-Катитича, хотя здесь информация является более подробной: у существительных приводится информация о грамматическом роде, а у глаголов — о виде. Количество семантических комментирующих помет в обоих словарях сведено к минимуму. Кроме того, лексика в словарях Хамма и Финки-Катитича никак не поясняется в плане ее происхождения: собственно, это не входило в задачи составителей словаря, однако для нас существенно, что квалификация того или иного слова как унгаризма не верифицируема в рамках указанного лексикографического описания.

Тот или иной унгаризм, соответственно, может быть представлен и в словарях, и в узусе либо же отсутствовать в словарях, но быть представленным в

² Ср. об этом в (Плотникова 2016: 117).

³ Про унгаризмы у градищанских хорватов Австрии см., напр., в монографии (Плотникова 2016: 157).

узусе. Применительно к нашему материалу представляется целесообразным, наряду с унгаризмами, присутствующими / отсутствующими в словнике словаря (как полностью адаптированными, так и такими, адаптация которых прошла не до конца), рассматривать еще одну разновидность бытования венгерской лексики в градищанскохорватских нарративах: случаи «значимого отсутствия» хорватской лексики — сюда мы относим венгерские слова, хорватский эквивалент которых в обоих словарях зафиксирован, однако информант с трудом может вспомнить соответствующее слово и вынужден заменить его венгерским. Теперь остановимся на каждой из этих групп более подробно.

А) унгаризмы, представленные в словарях.

Beteg «болен, болезнь» — венг. *beteg* «больной». Ср. Lucija da je mogla *beteg* doprimiti 'Луция могла принести болезнь'. При этом из трех возможных вариантов лексемы со значением 'болезнь', зафиксированных в словаре Хамма: *beteg*, *bolest*, *nemoc* — в нарративах венгерских градищанцев наиболее употребительным является тот, что поддерживается контактирующим языком. Других дериватов от данного корня (ср. в словаре Хамма *obetežati* 'заболеть', *betežnica* 'больница', *betežljiv* 'болезненный') в записанных нарративах не представлено;

Goja «аист» — венг. *golya* [go:ja] 'аист'. В словарях Хамма и Финки-Катичича данная лексема представлена в варианте *gola*, в то время как в наших материалах, зафиксирован вариант, коррелирующий с литературной венгерской формой⁴. Ср. пример: *Goja* doprimila dite iz limbuša 'аист приносил детей из чистилища'. Ср. также зафиксированный в нарративах и не отраженный в словаре суффиксальный вариант *gojica*: *Gojica* doprimila dite 'аист принес ребенка'.

Hasnovati 'использовать, употреблять' — венг. *használni* 'употреблять, использовать'. Ср., в словаре, приведенном в монографии В. Важного «Чакавское наречие в словацком Подунавье», где sporadически приводятся примеры употребления той или иной лексемы у венгерских градищанцев, отмечено его бытование в узусе обследованного нами с. Присика / Пересне (Vážný 1927, с. 270). Унгаризм принадлежит к «ранним» заимствованиям из венгерского — ср. *hasnuti se* 'пользоваться' в сербском литературном языке. Ср.: *Mi smo inkab*⁵ *tako hasnovali* 'Мы это скорее так использовали'. Ср. так-

⁴ В такой же форме лексема зафиксирована в монографии Петера Хоугзагера «Кайкавский диалект сел Хидегшег и Фертехомок», описывающей узус венгерских градищанцев (Houtsagers 1999: 250).

⁵ Про «новый» унгаризм *inkab* 'скорее' см. ниже.

же случай метаязыкового суждения, когда речь идет именно о рефлексии над использованием слова в речи: 'Kriskingl je to nimška reč, ipak smo to *hasnovali* Kriskingl (младенец Иисус) это немецкое слово, однако мы его употребляли'. В ряде контекстов глагол употребляется в значении 'отмечать, праздновать': Mihoja ne *hasnujemo* 'День св. Михоя мы не празднуем'.

Lanac 'цепь' — венг. *lánc* 'цепь'. Унгаризм также относится к числу «ранних». Ср.: Zimski djed *na lanci* 'зимний дед на цепи' (речь идет об обычае вождения ряженных на Масленицу).

Katanstvo 'армия', *katana* 'солдат' — венг. *katona* 'солдат'. См., напр.: Granica je bila zaperta. *Katani* su stali, kontrolirali nas 'Граница была закрыта. Стояли солдаты, контролировали нас'.

Pjelda — *na pjeldu*, *na pjeldoku* 'например' — венг. *például* 'например'. *Na pjeldu* onda je lanjka bila 'Например, тогда была девушка' (об этом унгаризме речь пойдет ниже). Отметим, что в данном случае венгерскому наречию, образованному от существительного *péllda* 'пример' при помощи адвербиального продуктивного суффикса *-ul / -ül* (т. е. досл. 'пример-но'), соответствует в градишанскохорватском предложно-падежная конструкция.

В) унгаризмы, отсутствующие в словарях.

Lanjka — венг. *lánny*, *lánnyka* 'девушка'. *Na pjeldu* onda je lanyka bila 'Например, там была девушка'.

Vigeziti, *zvigeziti* — венг. *végezni* 'кончать, оканчивать'. Ср.: Moja kćer ona je *zvigezila* na univerziteti u Baranji 'Моя дочь закончила университет в Баранье', также: *Zvigezi* to 'закончи это'.

Čokor — венг. *csokor* 'букет', ср. *na veselje čokora* nisam imala 'букета на свадьбе у меня не было'.

Engedovati — от венгерского глагола *engedni* 'принимать', ср. в суждениях о календарных праздниках: *ovo pismo engedovali* 'мы такой праздник не отмечали' (досл. не принимали).

Huzuovi — от венгерского глагола *húzni* «тянуть» и соответствующего действительного причастия настоящего времени *húzó* 'тянущий' — лексема встретилась в поговорке, характеризующей жителей окрестных деревень: *Židanci su dobri žganci, prisječani su čani, huzuovi cigani*. Ср. также *huzuovi* su prisječani. Сами информанты объясняли, что словом *huzuovi* назывались отвороты длинных сапог, которые надевали на праздничные мероприятия;

Kesovati, *keseni* — от венг. *készülni* 'готовиться', *kész* 'готов'. *Na veselje su keseni* 'К свадьбе они готовы'; *ti kesuješ* 'ты готовишься'.

С) венгерские вкрапления в хорватской речи. В словарях Хамма и Финки-Катичича они также отсутствуют, однако в речи жителей эти слова фонети-

чески и морфологически не адаптированы к нормам градищанскохорватского. Вместе с тем систематическое появление в речи информантов позволяет рассматривать их здесь. Сюда относятся главным образом дискурсивные слова (наречия, союзы, частицы, модальные слова).

Так, частотным является использование венгерского наречия *inkább* ‘скорее, точнее’, в случае, если информант не уверен в сообщаемом и стремится найти более адекватную, точную формулировку, либо если речь идет о сравнительной частотности описываемого явления. Ср. *Veselje inkab vo fašinjku bili* ‘Свадьба была скорее на масленицу’ — информант утверждает, что на Масленицу свадьбы проводились чаще, чем в другие периоды. В следующем примере: *o to je inkab na Macisu* ‘это скорее в Вербное воскресенье’ — речь также о частотности явления. В следующих примерах наречие выступает в качестве маркера неуверенности в сообщаемом: *falešni fašinjki su inkab od ugerska* ‘ложная масленица — это скорее от венгров’ — речь идет о происхождении конкретного обычая, информант не берется однозначно квалифицировать его как свой. Ср. также *mi smo inkab tako hasnovali* ‘мы скорее так использовали’ — в данном случае, как и в предыдущих, говорящий не до конца уверен в своем утверждении.

Далее, в нарративах регулярно появляется венгерский противительный союз *pedig* ‘но’. Ср. *pedig na interneti...* ‘но (хотя, зато) в интернете...’; *pedig je v albumi* ‘но это находится в альбоме’. Ср. также: *To po ugersku znam, to je szivarvany. Po-hervatku neznam. Pedig moj materni jezik je hrvat* ‘По-венгерски я знаю, szivarvany (радуга). По-хорватски не знаю. Хотя мой родной язык хорватский’; *Ne, neznam, moj materni jezik pedig je hrvatski* ‘Нет, не знаю, хотя мой родной язык — хорватский’. Отметим, что в обоих случаях информант называет своим родным языком хорватский, однако в первом он (реплики принадлежат одному и тому же информанту) употребляет в предикативной позиции форму без суффикса и без флексии, которая явно соотносится с венгерским *horvát*.

Не менее частотной является венгерская частица *hat* ‘ну’, которая употребляется, когда информант старается вспомнить некоторую реалию из прошлого либо если сообщаемое представляется ему естественным и очевидным. Ср.: *hat smo imali* ‘ну так у нас было’, *hat toliko koliko vi znate ja ne znam* ‘ну столько, сколько вы знаете, я не знаю’.

Кроме того, в узусе венгерских градищанцев широко распространены венгерские дискурсивные слова, которые употребляются для выражения согласия / несогласия либо для усиления экспрессивности сообщения. Так, для выражения согласия в нарративах, наряду с общехорватским *da*, широко

употребляется венгерская частица *de*. Ср.⁶: С: *Postoji kod vas viška u Zidanu?* И: *De! Viška, to znam. Vosorka, to je viška.* С: ‘У вас в Жидане говорят “ведьма”? И: Конечно! Я знаю, что такое “ведьма”. “Ведьма” — это “колдунья”’. Ср. также: *Plajgor ima pačelnika, dehogy ne* ‘В Плайгоре есть староста, как же нет’. Ср. выражение одобрения при помощи интернационализма с венгерским адективным суффиксом *-us*: *Taj fašinjak se začne na tri kraljevi. Takove maškare su. No fantasztikus, da* ‘Масленица начинается в день “Трех королей”. Еще ходят ряженые. Фантастика, да’. Ср. также употребление венгерского слова *bocsánat* ‘извините’ при отрицательном ответе на вопрос: *Bocsánat, nismo* ‘Простите, нет’.

Д) венгерские слова, которые употребляются в случае, если хорватский эквивалент не входит в лексический фонд информантов. От предыдущей группы лексем они отличаются стратегией введения в нарративы — рассмотренные выше венгерские вкрапления появляются автоматически, в данном случае, напротив, информант пытается вспомнить то или иное хорватское слово, не может этого сделать, после чего переходит на венгерский язык.

Alárc ‘маска’: *A ja kad sam bila Krampus imala sam na licu — ču je to alárc* — *maska* ‘И я, когда была Крампусом, имела на лице — как же сказать *alárc* — маска’; здесь имеет место ситуация припоминания, когда информант затрудняется с хорватской номинацией и сначала вспоминает венгерское слово, а уже затем его градищанский эквивалент.

Bükk ‘бук’. Ср.: *Ovo je bükk... buk*. ‘Это *bükk...* бук’. Венгерское слово, которое является славянским заимствованием, не входит в активный словарный запас информанта.

Forgószél ‘вихрь’. Ср.: *forgoszel u nas su rekli viška* ‘Вихрь у нас называли ведьмой’; *Vjetar ide to je viska, to je po ugersku forgoszel* ‘Когда налетает ветер, это ведьма, по-венгерски *forgoszel*’.

Fűzfa ‘верба’. Это еще один фитоним, который вызывает трудности у венгерских градищанцев, ср.: *Korbač je spleteni od magyarul fűzfa* — *od verbe* ‘Этот хлыст сплетен от — по-венгерски *fűzfa* — из вербы’.

Néprajz, néprajzgyűjtő ‘этнография, фольклор’, ‘этнограф’ (досл. ‘тот, кто собирает фольклор’): *Moj brat je bil néprajzgyűjtő* ‘Мой брат был этнографом’. Употребление венгерского слова здесь явным образом связано с тем, что информант не владеет градищанскохорватской терминологией.

Szívárvány ‘радуга’, ср.: *Szívárvány po-ugerski — ne znam kako je to po-her- vatski*. ‘*Szívárvány* по-венгерски — я не знаю, как это будет по-хорватски’;

⁶ В нижеследующем примере С. — речь собирателя, а И. — речь информанта.

To po ugersku znam, to je szivarvany. Po-hervatsku neznam ‘По-венгерски я знаю, это *szivarvany*. По-хорватски я не знаю’. Ср. в словаре Хамма: *pasac, -sca, kanica, duga*. Говорящий в данном случае констатирует свое незнание термина на градищанскохорватском и на венгерский не переходит.

Tanu ‘свидетель’. Ср. при описании свадебной обрядности градищанцев: *Tanu — mi az?* ‘*Tanu* — что это такое (по-градищанскохорватски)?’ В словаре Хамма соответствующее значение выражает хорватская лексема *svidok*, однако говорящий не может ее вспомнить и сразу переходит на венгерский язык («что это?»).

Tölgy ‘дуб’. Ср.: *kakva je to tölgy?* ‘что такое *tölgy*?’ — см. хорватскую лексему *dub* в словарях Хамма и Финки-Катичича. В дальнейшем изложении тот же самый информант вновь забывает хорватское наименование, констатирует факт незнания, затем переходит на венгерский, дублирует эту же фразу, после чего вновь переходит на хорватский и старается вспомнить соответствующую номинацию путем приведения наводящих дефиниций, ср.: *A lišće kako je to de az milyen az tölgy — na svinje je to dub dub je to* ‘А листья там... да как же сказать (по-хорватски) *tölgy* — им еще свиней кормят... дуб, дуб это’.

Tűzhely ‘очаг’. Ср.: *Kako govorimo tűzhely?* ‘Как мы (по-градищанскохорватски) говорим *tűzhely*?’ В словарях мы находим хорватские соответствия *ognjišće, šporet, štednjak*, которые не входят в активный словарный запас информанта.

Vőfény ‘дружка’. Ср.: *Pervi je bil vőfény* ‘первым шел дружка’. Отметим, что хорватский эквивалент *statilo (staćilo)* ‘дружка на свадьбе’, как правило, все-таки входит в активный словарный запас опрошенных венгерских градищанцев, однако в ряде случаев происходит замена хорватской лексемы ее венгерским эквивалентом. Ср. также дублирование номинации, в целом характерное для речи билингов (об этом явлении см., напр.: Некрасова 2013; Плотникова 2016: 97): *Vertanj je nosil statilo vőfény* ‘Вертань (обрядовый хлеб) носил дружка *vőfény*’.

Сопоставление метафольклорных нарративов с лексикографическими описаниями градищанскохорватского языка позволяет сделать следующие выводы. Функционирование унгаризмов в узусе венгерских градищанцев обнаруживает расширенное, по сравнению со словарными описаниями, использование заимствований из венгерского. Вместе с тем в ходе бесед было зафиксировано широкое употребление неадаптированной венгерской наречной лексики, союзов и дискурсивных слов. Кроме того, в речи информантов наблюдаются затруднения с номинацией некоторых обрядовых реалий, а также

с фитонимами, когда говорящий вынужден прибегать к венгерскому наименованию. Приведенный здесь корпус унгаризмов далеко не является полным, поскольку тематика бесед является достаточно специфичной. Вместе с тем выявленная лексика, с одной стороны, демонстрирует ассимилятивные тенденции в речи информантов, с другой стороны, она позволяет скорректировать словарные данные с учетом языкового узуса градишанцев, проживающих на венгерской территории.

Литература

- Некрасова 2013 — Некрасова Г. А. Дублирования в телевизионной речи коми билингва // Язык и культура. Томск, 2013. № 3 (23). С. 73–81.
- Плотникова 2016 — Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Finka 1991 — Gradiščanskohrvatsko-nimški rečnik / gl. ured. Božidar Finka i Radoslav Katičić. Zagreb; Eisenstadt, 1991.
- Hamm 1982 — Nimško-gradiščanskohrvatsko-hrvatski rečnik / gl. ured. Josip Hamm. Eisenstadt; Zagreb. 1982.
- Houtsagers 1999 — Houtsagers P. The Kajkavian Dialect of Hidegség és Fertőhomok // Studies in Slavic and General Linguistics. 1999. Vol. 27. P. 3, 5, 7–343.
- Vážný 1927 — Vážný V. Čakavské nářečí v Slovenském Podunají. Bratislava, 1927.

Summary

Darya Vashchenko

Ungarisms in metafolklore narratives of Hungarian Burgenland Croats and Burgenland-Croatian bilingual lexicography

The article presents a functional stratification of ungarisms functioning in the speech of Burgenland Croats living in an enclave on the territory of Hungary. The comparison of the revealed ungarisms with the data presented in the dictionaries that describe the language of Austrian Croats, has enabled us to discover later ungarisms, as well as cases where Burgenland Croats demonstrate significant ignorance of Croatian lexemes.

К этимологии названия насмешки в русских говорах (*скры́лить*, *сколды́рить*)

скры́лить

О географии распространения глагола *скры́лить*, *скрыля́ть* и однокоренных с ним слов можно сказать следующее: глагол *скры́лить* ‘подшучивать, насмеяться над кем-либо’ отмечен в Ульяновской области (СРНГ 38: 162), *скрыля́ть* ‘высмеивать, насмеяться’ — в Симбирской и Тамбовской губерниях (там же: 163), существительное *скрыля́ние* ‘насмешка’ — в Симбирской губернии (там же), конструкция *на скрыло́к* ‘на смех’ — в Саратовской губернии и Республике Мордовия (там же: 162; Сл. Мордовии II: 1168). Кроме того, производный от *скры́лить* глагол *подскры́ливать* ‘подшучивать, насмеяться’ фиксируется в русских говорах Мордовии (Сл. Мордовии II: 864). Та же форма в значении ‘издеваться, насмеяться’ известна среднерусским селигеро-торжковским говорам (Селигер 4: 470). Таким образом, на основе имеющихся словарных данных можно предположить, что производные корня *-скрыл-* с семантикой насмешки изначально являются принадлежностью среднерусского наречия и юго-восточных южнорусских говоров, откуда они были перенесены на территорию современных Саратовской и Ульяновской областей, а также Республики Мордовия, где сейчас образуют четкий ареал.

В. А. Меркулова, говоря о происхождении *скрыля́ть*, ставит его в один ряд с глаголами *ска́литься*, *още́риваться*, *ухмыля́ться* и *оскла́биваться*, в которых значение ‘показывать зубы’ и далее ‘улыбаться’ появилось из семантики ‘образовывать щель между губами’, а изначально — ‘резать, колоть’ (Меркулова 1985: 45–46). Л. В. Куркина поддерживает эту этимологию (Куркина 2016: 147). Ж. Ж. Варбот доказывает схожую семантическую модель, а именно исходное значение ‘драть, раздирать’, для русского глагола *улыба́ться*, *улыбну́ться*, связывая его с чеш. диал. *lybnít* ‘ударить’, болг. диал. *либа* ‘неохотно брать что-либо в рот, неохотно есть (о скоте)’ и укр. *либати* ‘рвать понемногу, урывать траву (о скоте)’ (Варбот 2012: 432–434).

Действительно, у глагола *скры́лить*, *скрыля́ть* и родственных ему слов имеется значение ‘разделять на части, отделять часть от предмета’: ср. русск. диал. *скрыля́ть* ‘шепать, колоть (лучину)’ (смол.), ‘резать на кусочки, крошить (овощи)’ (брян.) (СРНГ 38: 163), бурят. (русс.) *скры́лить* ‘точить, грызть, постепенно разрушить что-либо’ (там же: 162), блр. диал. *скрыля́ць* ‘резать

ломтями' (ЭСБМ 12: 156). Данный глагол является родственным русской и белорусской диалектной лексеме *скрыль* 'щепка, лучина; ломоть хлеба', имеющей соответствия во многих славянских языках и возводимой к праслав. **(s)kridьlь/*(s)kridlь*. Существует две версии происхождения этого слова. В. Махек, М. Фасмер и В. А. Меркулова относят его к производным праслав. **(s)kriti* 'резать', родственному **krojiti* и восходящему к и.-е. **(s)krei-* 'резать, разделять' (Махек: 301; Фасмер III: 659; Меркулова 1985: 46; ЭССЯ 12: 181). В частности, В. Махек членит **(s)kridla* на корень **(s)kri-* и суффикс *-dl-* (Махек: 301). Другая группа ученых, а именно Ф. Безлай, М. Сной и Л. Кралик, считают **(s)kridьlь/*(s)kridlь* продолжением того же индоевропейского корня, но с расширением *-d-*, и дериватом праслав. **(s)kristi*, **(s)kridq* 'хлопать, гремять, раскалываться, расщепляться, резать, колоть' из и.-е. **(s)kreid-* 'разделять, рвать, ломать и т.д.'. Согласно данной этимологии, в **(s)kridьlь/*(s)kridlь* выделяется корень **(s)krid-* и суффикс *-l-* и первоначальное значение слова формулируется как 'что-либо разрезанное, расщепленное' (Bezłaj III: 249; Snoj: 686; Králik: 583).

Что касается деривационных отношений между *скрыль* и *скрылять*, то В. А. Меркулова констатирует лишь их родство (Меркулова 1985: 46). Л. В. Куркина считает имена типа *скрыль* производными от глагола (Куркина 2016: 147). Другие упомянутые авторы о глаголах не пишут, что, вероятно, объясняется их отсутствием в славянских языках, кроме русского и белорусского. Кажется, можно достаточно уверенно утверждать, что глагол является именным дериватом. В обратном случае встает вопрос о происхождении глагольных форм, а именно о том, чем в них является формант *-l-* — в то время как он вполне объясним в качестве континуанта именного суффикса **-dl-* или причастного **-l-*, присоединенных к корням **(s)kri-* или **(s)krid-* соответственно. Структура самих глаголов *скрыль*, *скрылять* их образованию от имен не противоречит.

Отыменное происхождение позволяет более конкретно сформулировать первичное значение данного глагола, а именно трактовать его не просто как 'резать', то есть 'разделять острым предметом' или 'делать щель', а как 'разделять что-либо на куски' или 'отделять мелкие части от чего-либо'. Вероятно, на основе такой семантики появились значения русск. диал. мордов. *скрылять* 'собирать, заготавливать что-либо в небольшом количестве', 'выпрашивать, попрошайничать' (Сл. Мордовии II: 1168), то есть 'собирать что-либо мелкими частями, кусочками'.

Таким образом, и структура, и семантика *скрыль*, *скрылять* отличаются от приводимых В. А. Меркуловой глаголов *скáлиться*, *оцёриваться*, *ухмы-*

ляться и ослабиваться. К тому же у *скры́лить*, *скры́лять* не отмечено значений ‘показывать зубы’ или ‘улыбаться, смеяться’, свойственного им, а имеется лишь значение ‘насмехаться, подшучивать’. Поэтому, скорее, оно происходит не из ‘резать’, а из ‘разделять что-либо на части, лишать монолитности’ и далее ‘наносить вред, портить’, аналогично другому значению русск. диал. пск., твер. *скры́литься* ‘ослабеть, стать слабым’, ‘обеднеть, стать бедным’ (СРНГ 38: 162). Семантическими параллелями при этом могут служить другие названия насмешки и глумления с первичной семантикой негативного физического воздействия и затем — воздействия психологического. Ср. русск. диал. *изве́даты* ‘причинять зло, вред, издеваться над кем-либо’ (СПГ II: 357) (от *есть*), *изво́диться* ‘издеваться’ (СРГК III: 274) (от *во́дить*), свердл. *изво́жжаться* ‘издеваться, глумиться’ (СРНГ 12: 109) (от *во́зить(ся)*), *изде́ргаться* ‘то же’ (СРГСУ Доп.: 211) (от *де́ргать*), *извезжа́ться* ‘издеваться, измываться’ (СРГК III: 286) (от *э́здить*), *выха́живаться* ‘издеваться, глумиться’ (СВГ А-Г: 102) (от *ходи́ть*) и др. (Шалаева 2014: 308–324).

сколды́рить

Одним из синонимов *скры́лить*, *скры́лять* является отмеченный в Пермской области глагол *сколды́рить* ‘насмехаться, смеяться над кем-либо’ (СРНГ 38: 55). Известен также его дериват *сколды́рник*, *сколды́рник* ‘человек, любящий насмехаться над кем-либо, насмешник’ (перм., свердл.) (СРНГ 37: 373). Кроме того, в русских диалектных словарях зафиксированы следующие лексемы: *сколды́рить* ‘быть жадным, скупым; скряжничать’ (волог., вят.), ‘пировать за чужой счет’ (перм.) (СРНГ 38: 55), *сколды́ра*, *сколды́ра* ‘скупой, жадный человек; скряга’ (Даль) (СРНГ 37: 373), *сколды́рник* ‘то же’ (волог.), ‘попрошайка’ (сиб.) (там же). Как видно из материала, эти лексемы свойственны исключительно севернорусским говорам и генетически с ними связанным говорам Сибири и Урала.

Об этом словообразовательном гнезде исследователи пишут давно. А. А. Потенбя считал его родственным русским лексемам *скалды́га* ‘вздорный человек’ и *скиля́га* ‘скряга’ и сопоставлял с санскр. *kṣā́lāyati* ‘отмывает, обмывает’, лит. *skaláuti* ‘мыть, полоскать’ и, таким образом, определял их первичный мотивационный признак как «что-либо грязное, требующее очищения». С другой стороны, А. А. Потенбя не исключал родства *сколды́рить* со *скал́а*, *ска́луть* (цит. по: Преображенский: 293). А. Г. Преображенский отвергал предположения своего предшественника и писал о более вероятной генетической связи этого глагола с норв. *skvaldra* ‘беспрестанно лаять’, лит. *skalís* ‘лайка,

охотничья собака, беспрестанно лающая’, *skālyti* ‘без перерыва лаять’ (там же). М. Фасмер называл все существующие этимологии сомнительными (Фасмер III: 631).

Представляется, что данные современных русских диалектных словарей позволяют прояснить этимологию *сколды́рить*. В частности, обращают на себя внимание такие формы, как олон., перм. *колды́риться* ‘хвастаться, похваляться’ (СРНГ 14: 120) и олон. *колдыря́ться* ‘то же’ (там же). Их структурная близость со *сколды́рить* очевидна, и, по-видимому, оба глагола можно считать производными одного корня. Скорее всего, они являются дериватами имен *сколды́ра* и незафиксированного **колды́ра* соответственно, которые, в свою очередь, восходят к корню *-колд-*, продолжению праслав. *(s)kǫld-/*(s)kǫlt- (ЭССЯ 13: 180–181, 185, 191). Кажется, структура приведенных слов не противоречит такому предположению. Что касается семантики, то значения ‘насмехаться’ и ‘хвастаться’, вероятно, производны от значения ‘говорить, болтать’. Оно свойственно другим дериватам этого корня: ср. русск. диал. волг. *калтáть*, *колтáть* ‘говорить, разговаривать, болтать’, ‘болтать ерунду, вздор’, волг. *колтáй* ‘болтун’, пск., твер. *колто́к* ‘то же’, *ко́лты* ‘сплетни’ (Даль, без указ. места) (СРНГ 14: 195–197). Семантика ‘говорить, болтать’, вероятно, появилась из значения ‘качать, колебать’, аналогично развитию значения глаголов *болтать*, *трепать*: ср. русск. диал. зап. *колтáть* ‘качать, колыхать, шатать, колебать’, *колтáться* ‘пошатываться, колыхаться, колебаться, болтаться’ (Даль) (СРНГ 14: 195). По данным «Этимологического словаря славянских языков», значение ‘качать, колыхать’ в продолжениях праслав. **kǫltati* представлено во многих славянских языках (ЭССЯ 13: 190–191).

По-видимому, значение ‘попрошайничать’ (см. выше сиб. *скалды́рник* ‘попрошайка’, перм. *сколды́рить* ‘пировать за чужой счет’) также возникло на основе ‘говорить, болтать’. Подтверждением тому может быть развитие схожей семантики у лексем с тем же праславянским корнем, но в другой степени вокализма — **kold-/kolt-* (Sławsky II: 147). Ср. русск. диал. *колото́га* ‘сплетник, сплетница’ (ср.-урал.) и ‘назойливый, навязчивый человек’ (волг.), ‘«докучливый попрошайка»’ (Даль, без указ. места) (СРНГ 14: 186); *колото́ра* ‘пустомеля’ (перм.), ‘лгун, лгунья’ (пск., твер.) и ‘человек, который назойливо клянчит, вымогает что-либо; попрошайка’ (смол.); *колото́рить* ‘болтать, разговаривать’ (волг., пск.), ‘говорить, болтать пустяки; пустословить’ (олон., ряз., ворон.), ‘лгать’ (пск., твер., пенз.) и ‘попрошайничать, назойливо выпрашивать, вымогать’ (смол.) (там же: 186–187). Показательным представляется дериват того же корня **kolt-* со значением насмешки — новг. *колото́ренье* ‘«насмешливый разговор»’ (там же: 186).

Относительно значения ‘жадина, скряга’ существует версия о возникновении из ‘качаться, колебаться, трястись’, то есть ‘дрожать над каждой копейкой’ (ЭСБМ 4: 150): ср. русск. диал. *колотиться* ‘трястись, дрожать’ (брян., курск.) и ‘бояться истратить лишнее, трястись над каждой копейкой’ (зап.-брян.) (СРНГ 14: 180–181). Но более вероятным кажется развитие данной семантики из ‘попрошайничать, выпрашивать маленькую сумму денег’, которое затем дает значение ‘человек, который стремиться сэкономить и торгуется из-за каждой копейки’. Ср. *колотыра* ‘человек, который назойливо кланчит, вымогает что-либо; попрошайка’ (смол.) и ‘человек, который торгуется из-за каждой копейки’ (пск., твер., новг.); *колотырить* ‘попрошайничать, назойливо выпрашивать, вымогать’ (смол.) и ‘торговаться, стараться выгадать в цене (обычно в мелочной торговле)’ (моск., новг., калуж., пск., твер.); *колотырник* ‘торговец, который торгуется из-за каждой копейки’ (калуж., моск., ряз., новг.), ‘скряга’ (тамб.), ‘крохобор’ (пенз.) (СРНГ 14: 186–187).

Источники

- СВГ — Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983 —.
- Селигер — Селигер: Словарь. Материалы по русской диалектологии. СПб., 2002 —.
- Сл. Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. СПб., 2013. Ч. 1, 2.
- СПГ — Словарь пермских говоров / ред. А. Н. Борисова. Пермь, 2000. Т. 1, 2.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГСУ Доп. — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). М.; Л.–СПб., 1965–.

Литература

- Варбот 2012 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI // *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012. С. 432–436.
- Куркина 2016 — *Куркина Л. В.* Заметки на полях диалектного словаря // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 8. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 2016. С. 143–155.
- Меркулова 1985 — *Меркулова В. А.* Восточнославянские этимологии. III // *Этимология.* 1983. М., 1985. С. 58–68.

- Преображенский — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 2003. Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное.
- Шалаева 2014 — *Шалаева Т. В.* К этимологии русск. *издеваться* и *измываться* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2014. Вып. 3. Диалектология. С. 308–324.
- ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Уклад. Г. А. Цыхун і інш. Т. 1–. Мінск, 1978–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–). М., 1974–.
- Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1977–2005. Knj. 1–4.
- Králik — *Králik L'.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Sławsky — *Sławsky F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–. Т. I–.
- Snoj — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Ljubljana, 2016.

Summary

Tatyana Shalaeva

On the etymology of Russian dialect verbs meaning ‘to mock’

(скры́лить, сколды́рить)

The paper deals with the etymology of two Russian dialect verbs — *скры́лить*, *скры́лять* and *сколды́рить* ‘to mock’. They probably come from PSI. **(s)kridľь/*(s)kridľь* and **(s)къld-/*(s)къlt-* correspondingly, but they do not have direct cognates in the Slavic languages. Their structural and semantic development can be traced with the help of the dialect dictionary data.

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

19–20

Славянские диалекты
в современной языковой ситуации
Диалектный словарь как способ
исследования славянских диалектов

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – 242 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор:
д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
М. Н. Толстая

Обложка:
М. И. Леньшина, М. Н. Толстая

Подписано в печать 25.10.2018 г. Усл. печ. л. 15,1.
Формат 60×90. Тираж экз. Заказ № .

ООО «Пробел–2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д.36